

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

177

НЕОЛИТ И БРОНЗА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

177

НЕОЛИТ И БРОНЗА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Ответственный редактор:
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1984

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), Н. Н. ГУРИНА,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ,
Р. М. МУНЧАЕВ, В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора).
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

М. Ф. КОСАРЕВ, С. В. ОШИБКИНА

Неолит и бронза на территории СССР

КСИА — вып. 177

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. А. Калинина. Корректоры А. Б. Васильев, Г. Н. Лац

ИБ № 28471

Сдано в набор 13.06.84. Подписано к печати 11.09.84. Т-13352. Формат 70×108^{1/8}/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,7. Усл. кр. отг. 10,15. Тираж 1650 экз. Тип. зак. 337
Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

В. И. МАРКОВИН

НОВЕЙШИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДОЛЬМЕНОВ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ
ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Несколько лет тому назад (1974—1978 гг.) вопрос о происхождении дольменных памятников занимал первенствующее место в археологии Западного Кавказа. Ученых словно не интересовали не менее актуальные и также трудноразрешимые вопросы о хронологии дольменов, о связях населения, строившего их, с соседними племенами, о тех археологических предметах, которые могут определять их культуру. Эти задачи словно не были важными, речь шла только о происхождении западнокавказских мегалитических построек. В спорах приняли участие этнографы (Ш. Д. Инал-Ипа, Я. А. Федоров и др.), но и это не подтолкнуло к положительному решению вопроса. Мало что изменилось с тех пор.

Еще в 1968 г. А. М. Лесков сравнивал кеми-обинские каменные гробницы с западнокавказскими дольменами, считая их «крымским локальным вариантом единой дольменной культуры», территория которой охватывала, по его мнению, «все Северо-Западное Причерноморье»¹. В дальнейшем А. М. Лесков еще более укрепился в таком предположении. У него гробницы Крыма — результат движения племен дольменной культуры из Абхазии по рекам Кубанского бассейна и далее через Таманский полуостров и Керченский пролив². О продвижении строителей дольменов за пределы Кавказского Причерноморья писали Л. Н. Соловьев, Ш. Д. Инал-Ипа, В. И. Марковин, И. М. Чеченов и др. А. М. Лесков слабоизученным в культурном отношении строителям западнокавказских дольменов приписывает еще генетическое родство с кеми-обинскими племенами.

О контактах населения Крыма и Кавказа в эпоху палеометалла писал В. Н. Даниленко, но он отмечает связь кеми-обинской культуры с «родственной» для нее майкопской культурой, дольменная даже не упоминается³.

А. А. Щепинский, выделивший кеми-обинскую культуру, не считает возможным сопоставлять характерный для нее инвентарь с дольменными, а встречающиеся в Крыму сосуды с округлым дном сравнивает с ямными. В целом приводимые им параллели ограничиваются ямными памятниками и ссылками на некоторые комплексы майкопского типа⁴.

Итак, судя по этому обзору, дольменная культура не равна кеми-обинской и вряд ли связана с нею четко выделяемыми генетическими корнями. Скорее всего, речь может идти о влиянии дольменов Западного Кавказа на древности Крыма⁵. Это тем более реально, так как связи между племенами, населявшими их, возникли довольно рано⁶ и не прекращались на протяжении всей эпохи бронзы (коллекция Областного краеведческого музея в Симферополе). Но если удастся положительно разрешить вопрос о происхождении дольменов Кавказа, то, мне кажется, это поможет разобраться и в генезисе кеми-обинской культуры.

Прямолинейно и почти без всяких сомнений решали вопрос о происхождении дольменов Западного Кавказа В. А. Сафронов и Н. А. Николаева. В работе, изданной еще в 1974 г., они рассматривали местные дольмены как своеобразный результат проникновения на территорию Кавказа носителей культуры шаровидных амфор. Основанием для такого утверждения послужило некоторое чисто внешнее сходство сосудов данной культуры с той керамикой, что была найдена в дольменах ст. Новосвободная, а чтобы легче было оперировать таким «материалом», они отделили памятники майкопского типа от новосвободненских⁷, хотя большинство ученых считают их в культурном отношении взаимосвязанными и лишь разноэтапными (А. А. Иессен, С. В. Киселев, А. А. Формозов, Р. М. Мунчаев и др.). Это мнение авторами было не очень тщательно обдумано. Дело в том, что и в дольмены ст. Новосвободная керамика майкопского типа оказалась привнесенной, так как мегалитические гробницы не характерны для майкопской культуры⁸. Но как бы не решался вопрос о керамике указанных погребальных сооружений, в большинстве местных дольменов такой керамики нет, а это означает, что культура шаровидных амфор, если даже она доходила до Кавказа, в становлении западнокавказских мегалитов никакой роли не играла. Однако несмотря на заключения специалистов, ярко суммированные Ю. Н. Малеевым, что давно пора отказаться от самого понятия «культура шаровидных амфор Северного Кавказа», как от неверного⁹, В. А. Сафронов и Н. А. Николаева все чаще прибегают к нему, когда речь идет об осмыслении северокавказских материалов.

В недавно выпущенной статье Н. А. Николаевой, посвященной, казалось бы, постороннему для изучения дольменов вопросу — о выделении «кубано-терской культуры» (иначе говоря, о замене термина «северокавказская культура» новым), неожиданно снова поднят вопрос о происхождении дольменов. В этой работе, написанной несколько поспешно, керамические находки, покрытые орнаментацией из оттисков шнура и характерные для всего Северного Кавказа II тысячелетия до н. э., но ни разу не встреченные среди дольменной керамики, почему-то стали служить основанием, чтобы сопоставлять дольмены Западного Кавказа с мегалитами Волыни, Польши и ГДР, хотя Н. А. Николаева тут же вынуждена заметить, что у нее нет «данных включать дольмены в северокавказские комплексы»¹⁰. Зачем же тогда нужно было сравнивать несравнимые объекты? Из текста этой работы совершенно неясно, причем тут дольмены Западного Кавказа и совершенно несхожие с ними погребальные памятники бассейна Кубани и терской (восточной) части Кавказа. Интересно и то, что если раньше, говоря об интересующих нас дольменах, им пытались найти параллели только среди памятников культуры шаровидных амфор, то теперь стала обретать силу новая, усложненная теория. Постараемся разобрать ее по пунктам: 1) культура новосвободненских дольменов ничего общего с майкопской культурой не имеет, «изолирована» от нее и «тяготеет» к кругу памятников культуры шаровидных амфор и культуры шнуровой керамики; 2) именно строители новосвободненских «гробниц» «принесли» впервые на Северный Кавказ мегалитическую архитектуру; 3) несколько позже возникли контакты населения, оставившего новосвободненские дольмены, с носителями куроаракской культуры и через их «посредство» с Ближним Востоком; 4) к указанным связям надо приплюсовать «морские походы в Средиземноморье», которые «обогатили технику строительства» дольменов, принесли в нее «средиземноморские традиции». В результате «оформилось восточное крыло мегалитической архитектуры Европы на Северо-Западном Кавказе»¹¹.

Итак, старая теория В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой о происхождении западнокавказских дольменов в результате проникновения носителей культуры шаровидных амфор частично отвергнута. Теперь Н. А. Николаева, чтобы дополнить те факты, которые не увязываются с этой старой теорией, волей или неволей вынуждена, не упоминая мои ра-

боты, повторить мысли, высказанные в них о средиземноморском происхождении мегалитической архитектуры на Кавказе, а попутно вспомнить и мнение Р. М. Мунчаева о связях куро-аракской культуры с Востоком, но опять-таки без упоминания его имени. Если изобразить теорию Н. А. Николаевой графически, то она должна выглядеть разорванной ломаной линией: дольмены Западного Кавказа являются ответвлением северных сооружений, но тут первый разрыв, так как это мнение подкреплено небольшим числом беглых примеров; дольмены Западного Кавказа были связаны с куро-аракской культурой и со странами Востока, но тут в теории Н. А. Николаевой новый разрыв — мы не знаем комплексов куро-аракской культуры на Кубани и характерные для нее предметы не найдены в дольменах; дольмены Западного Кавказа генетически не связаны с «кубано-терской культурой» (т. е. северокавказскими памятниками эпохи бронзы), как это утверждает автор. Здесь третий обширный разрыв — керамика, находимая в дольменах, не похожа на северокавказскую, она не имеет оттисков шнура, и сами дольмены конструктивно далеки от примитивных склепов, ящиков и грунтовых ям, характерных для бассейнов Кубани — Терека. Эта теория несамостоятельна и мало что добавляет к уже высказанным мнениям.

К середине 80-х годов был снова поднят вопрос о древнем, малоазийском населении «кашкков», с посреднической помощью которых дольмены появились на Западном Кавказе. Это мнение, высказанное Я. А. Федоровым, не ново. В нем заметна теория Л. Н. Соловьева о возникновении особой, «южно-дольменной культуры» под влиянием «кашкков»¹². Я. А. Федоров считает, что само положение Малой Азии «в ареале древнейших анатолийско-кавказских связей, как культурных, так и этнических», и явилось основой возникновения дольменов Причерноморья и Прикубанья. Это утверждение странно, так как сами «кашки» дольменов не строили и в Малой Азии они не найдены. Им высказано попутное и очень противоречивое утверждение, из которого следует, что дольмены новосвободненского типа, как праобраз всех будущих дольменов, были построены в подражание могильной конструкции в Майкопском кургане: «и там и тут двухкамерный склеп, но в Майкопе он выполнен из дерева: а в Новосвободной — из каменных плит»¹³. Автор ошибся. В Майкопе Н. И. Веселовским была вскрыта могильная яма, обложенная по краям деревом и разделенная такими же перегородками на 3 неравные части в виде буквы Т¹⁴. В другой своей работе Я. А. Федоров пишет, что «квадратная яма» Майкопского кургана схожа с грунтовыми могилами чисто степной ямной культуры эпохи ранней бронзы¹⁵. Возникает мысль, а не приведут ли такие противоречивые сопоставления еще к одной, новой версии, что дольмены Западного Кавказа генетически связаны и с названной культурой¹⁶.

Как видим, вопрос о соотношении майкопских древностей и памятников, относимых к новосвободненскому кругу, не так прост и не решен раз и навсегда. В связи с этим следует упомянуть настойчивое желание считать, что дольмены Абхазии древнее всей остальной массы аналогичных построек (Л. Н. Соловьев, О. М. Джапаридзе, Ш. Д. Инал-Ипа и др.). Основанием для такого утверждения служит не сравнительный анализ тех и других построек и инвентаря, а, очевидно, географически более южное положение абхазских дольменов относительно памятников Краснодарского края. Реальных оснований для этого пока нет. Наиболее примитивными являются дольмены без отверстий, которые известны и в пределах Абхазии и севернее ее. Инвентарь уже упоминавшихся новосвободненских дольменов, каким бы путем он ни попал в их камеры, не менее архаичен, чем обнаруженный в абхазских сооружениях¹⁷. Таково положение вещей. Только совсем недавно намечились эволюции и в этом вопросе. Так, абхазский археолог Ю. Н. Воронов, ранее утверждавший, что дольмены Абхазии являются «самыми ранними на Кавказе»¹⁸, теперь склоняется к тому, что «первый этап материальной культуры строителей дольменов» характеризуется памятниками новосвободненского обли-

ка¹⁹. Имеется и другое его высказывание, по которому новосвободненские дольмены, как и некоторые памятники Абхазии («гробница в Ахупач»), представляют собой «отдельный вид памятников дольменной культуры»²⁰. Остается неясным, имелись ли в период существования указанного «вида» дольменов еще какие-либо синхронные им сооружения, или же только постройки «новосвободненского вида» заполняли весь хронологически «первый этап» в цепи западнокавказских мегалитов. И все же мнение Ю. Н. Воронова существенно меняет картину расселения древних строителей дольменов, которое, по-видимому, происходило одновременно и на широкой территории, а не только в пределах одной Абхазии. Ю. Н. Воронов согласен также с тем, что «кашки не играли какой-либо роли при возникновении дольменов». Он пишет, что «первоначальное экспериментирование» в строительстве дольменов началось еще в недрах майкопской культуры²¹. Однако для подкрепления своего взгляда им приведены памятники, расположенные на периферии культуры (гробницы в Нальчике и у сел. Кипшек в Кабардино-Балкарии). Относятся они к тому времени (последние века III тысячелетия до н. э.), когда дольмены уже строили и майкопская культура переживала свой закат²². Это было время не «экспериментов», а начала массового строительства мегалитических гробниц.

Одним из знатоков древностей Прикубанья является А. А. Формозов. Мимо его внимания не прошли вопросы, связанные с дольменами. В одной из своих ранних работ он достаточно ясно заметил, что «идея дольмена» пришла на Кавказ извне²³. Несколько позже он подтвердил этот тезис, конкретизируя его следующим образом: местные аборигены обладали навыками в обработке камня. Об этом свидетельствуют наблюдения, сделанные им и А. Д. Столяром во время раскопок поселения эпохи бронзы в местности Хаджох (ст. Каменноостская, Краснодарский край). Итак, древние жители Прикубанья — носители майкопской культуры раннего этапа — готовы были «усвоить разработанную в другом месте и другими людьми технику сооружения дольменов»²⁴. К сожалению, автор не указал, откуда же пришла на Кавказ мегалитическая архитектура. Но с высказанным А. А. Формозовым мнением можно согласиться, если считать, что «идею дольменов» могли принести живые люди, слившиеся затем с аборигенами.

Несмотря на всю кажущуюся архитектурную простоту дольменов («четыре блока — стены и один блок — крыша»), создание их не могло быть найдено самостоятельно в разных частях света чисто эмпирическим путем», как утверждает это историк архитектуры М. И. Джандиери²⁵. Она не учитывает локальные особенности дольменных сооружений, а ведь отличаются же постройки североамериканских стран от дальневосточных, те — от индийских, а средиземноморские, включая в их число западнокавказские, от всех остальных. Значит, в каждом случае надо выделять древнейшие группы памятников, а затем уже думать о том, каким же путем они распространялись, занимая более широкую территорию. Только во всех случаях надо помнить, о каких конструкциях идет речь, не спутаны ли памятники, подводимые под понятие «дольменов», с другими, не имеющими к ним отношения. И именно с таким случаем путаницы приходится столкнуться, когда просматриваешь литературу о дольменах. Это обстоятельство еще более усложняет изучение памятников Западного Кавказа.

Л. Г. Нечаева и В. В. Кривицкий после открытия склепов эпохи бронзы у сел. Ирганай, Гинчи (Дагестан)²⁶, Эгикал (Ингушетия)²⁷ и у г. Усть-Джегутинска (Карачаево-Черкесия)²⁸ стали называть их составными дольменами, дополнив указанные памятники небольшой серией ранее известных объектов (Берекей, Верхняя Рутха, Индыш-баши, Кяфар, Амгата, Сенты)²⁹. Ими оказались определены как «составные дольмены» самые разнородные памятники от относящегося к какавентско-хорочоевской культуре (Берекей) и до построек, стоящих у Сентинского храма X—XI вв. Ничто не может объединять их — ни время (разные

этапы эпохи бронзы и средневековья), ни культурная принадлежность, ни территория (от районов, примыкающих к Черному морю и до побережья Каспия). Кроме построек, обнаруженных в Карачае, все остальные, упоминаемые Л. Г. Нечаевой и В. В. Кривицким, сделаны из рваного, случайно подобранного камня. Это существенно отличает их от составных дольменов Западного Кавказа, которые всегда собраны из хорошо подогнанных блоков, с применением подшлифовок и пазов. Они имеют овально-округлые отверстия и другие детали, которые совершенно не характерны для упоминавшихся памятников Дагестана, Ингушетии и Северной Осетии. Археологические материалы из этих памятников ничего общего с дольменными не имеют³⁰.

Чем же объясняет Л. Г. Нечаева «расширительное» понимание термина «составной дольмен»? Прежде всего тем, что дольменом соответствующего типа, по ее мнению, можно называть не постройку определенной конструкции с присущими только ей строительными особенностями, а любое сооружение, созданное «из небольших блоков», которые уложены «рядом друг на друга»³¹. Это дает возможность «обобщать» разнородные памятники. А для того чтобы как-то объяснить их проникновение в глубины гор и на очень далекие расстояния друг от друга (Эгикал, Гинчи, Кумбулта и др.), создана «теория», по которой их строители делали «попытки» «в силу тех или иных причин освоить новые территории»³². К сожалению, причины движения в горы этих таинственных строителей не указаны, как и не указана их культурная принадлежность.

Подобная интерпретация как дольменов, так и памятников, не имеющих к ним прямого отношения, только мешает работе над сложными вопросами, связанными с западнокавказскими мегалитами.

Итак, изучив новейшие высказывания археологов, касающиеся западнокавказских дольменов, невольно приходишь к грустному выводу: местные сооружения не дают пока оснований подойти к приемлемому решению вопроса об их происхождении. Этому мешает и терминологическая путаница, и стремление видеть в деревянных Т-образных обкладках могилы Майкопского кургана своеобразный прототип для сложных конструкций каменных дольменов новосвободненского облика.

Я с удовольствием, следуя за английским исследователем К. Ренфрю³³, утверждал бы чисто местное происхождение мегалитов на Западном Кавказе, но здесь пока не найдены памятники предшествующего времени (типа каменных ящиков), как-либо связанные с ними. И наоборот, в Средиземноморье и более всего в Перинейском регионе имеются мегалиты, близкие западнокавказским. Вот почему мне представляется наиболее продуктивным и возможным поиск прототипов для дольменных сооружений Западного Кавказа именно в пределах Средиземноморья. Зная все трудности морских миграций³⁴, все же, вероятно, надо согласиться с тем, что только по морю «идея дольмена» вместе с живыми людьми могла появиться на черноморском Кавказе³⁵.

¹ Лесков А. М. Нове в стародавній історії Півдня України.— Укр. іст. журн., 1967, № 12; *Он же*. Керченская экспедиция в 1967 г.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968, вып. 2, с. 4—7.

² Лесков А. М. Курганы: Находки, проблемы. Л., 1981, с. 24.

³ Даниленко В. Н. Энеолит Украины: (Этноист. исслед.). Киев, 1974, с. 150, 151, рис. 75.

⁴ Щепинский А. А. Культура энеолита и бронзы в Крыму.— СА, 1966, № 2, с. 16—19, рис. 7, 8; *Он же*. О неолите и энеолите Крыма.— СА, 1968, № 1, с. 122—125.

⁵ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 317, 318.

⁶ Нечитайло А. Л. Керамика майкопского типа в степной Украине как источник связей двух областей.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения. М., 1982, с. 15—17.

⁷ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменов Северо-Западного Кавказа.— В кн.: Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры. М., 1974, вып. VII, с. 175—194.

⁸ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 318.

- ⁹ Малеев Ю. Н. Восточные рубежи распространения культуры шаровидных амфор.— В кн.: Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: (Тез. докл.). Оренбург, 1980, с. 30, 31.
- ¹⁰ Николаева Н. А. Выделение кубанотерской культуры ранне- и средне-бронзового века на Северном Кавказе.— В кн.: Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980, с. 98—109, рис. 1, 2 (рисунки с искажениями).
- ¹¹ Николаева Н. А. Выделение..., с. 98.
- ¹² Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры.— Тр. Абхаз. ин-та яз., лит. и истории. Сухуми, 1958, вып. XXIX, с. 150 и сл.
- ¹³ Федоров Я. А. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях.— Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1974, № 4, с. 81.
- ¹⁴ Отчеты Археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901, с. 33—36, рис. 48, 58.
- ¹⁵ Федоров Я. А. Горы и степь.— Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1978, № 1, с. 77.
- ¹⁶ Более подробно см.: Марковин В. И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа.— КСИА, 1980, вып. 161, с. 41, 42.
- ¹⁷ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа: (Некоторые итоги изучения).— СА, 1973, № 1, с. 19—21, рис. 8.
- ¹⁸ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 73.
- ¹⁹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 57.
- ²⁰ Воронов Ю. Н. Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.— СА, 1980, № 3, с. 322.
- ²¹ Там же, с. 324, 325.
- ²² Чеченов И. М. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 30.
- ²³ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 100, 101.
- ²⁴ Формозов А. А. Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.— СА, 1980, № 3, с. 319, 321.
- ²⁵ Джандиери М. И. Древнее башенное общинное жилище.— Вестн. древней истории, 1981, № 2, с. 152.
- ²⁶ Погребова М. Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы.— В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961, т. II, с. 101—111, рис. 1; Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 14, 104—106.
- ²⁷ Марковин В. И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии.— СА, 1970, № 4, с. 85—92, рис. 1—9.
- ²⁸ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 72—74, рис. 27, 3—6.
- ²⁹ Нечаева Л. Г. Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая.— В кн.: Тез. докл., посвящ. итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологическая секция. Тбилиси, 1971, с. 65—67; Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа.— В кн.: V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 31, 32.
- ³⁰ Марковин В. И. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе.— КСИА, 1982, вып. 169, с. 26—31.
- ³¹ Нечаева Л. Г. Составные дольмены..., с. 66, 67.
- ³² Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В. Ирганайские гробницы..., с. 32.
- ³³ Renfrow C. Before civilisation. The radiocarbon revolution and prehistoric Europe. London, 1979, p. 219.
- ³⁴ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа и морские миграции в древности.— В кн.: Thracia — Pontica (Premier Symposium international), Resumes. Szozopol, 1979, p. 22, 23. Полный текст под тем же названием см.: Пьерви Международный симпозиум «Тракия Понтика I» (Созопол, 9—12 октября 1979 года). София, 1982, с. 108—124, О морских миграциях с. 115, 116.
- ³⁵ В обсуждении доклада В. И. Марковина на Международном симпозиуме «Фракия — Понтика» (Созопол, Болгария, 1982 г.), по материалам которого написана публикуемая статья, приняли участие Я. Боушек (Чехословакия) отметивший важность факта, что автор не забывает видеть за мегалитами население, оставившее их. «Идея дольмена» несомненно могла быть принесена на Кавказ только живыми людьми, подчеркнул он. Я. Лихардус (ФРГ) заметил, что культура шаровидных амфор не связана с мегалитическими постройками, ее носители оставили в них лишь впускные погребения. Происхождение дольменов следует искать в Средиземноморье. Р. Ф. Ходдинотт (Англия) сказал о важности изучения дольменов Западного Кавказа для исследования проблемы мегалитов в целом. Л. А. Гиндин (СССР) обратил внимание на борьбу мнений вокруг дольменов Кавказа и на меньшие сложности в изучении памятников древности, когда археологические данные перекрещиваются с языковедческими.

О МЕТАЛЛЕ БЫЛЫМСКОГО КЛАДА

Былымский клад — своеобразная коллекция металлических изделий из горной Кабардино-Балкарии. Клад был приобретен В. П. Ренгартемом в 1913 г. у местного жителя, нашедшего эти древности в пещере Алмалы-Кая у с. Былым в Баксанском ущелье. В состав клада входили два сосуда, более 120 предметов из бронзы, включая слитки металла. В археологической литературе хронология Былымского клада колеблется от скифского времени до предкобанского периода¹. Наиболее полная и тщательная публикация коллекция из Алмалы-Кая принадлежит В. М. Батчаеву. В ней подробно рассматривается типология бронзовых вещей и их аналогии². Цель данной статьи сводится прежде всего к исследованию особенностей состава металла Былымского клада и определению его места в металлопроизводстве горцев доскифской эпохи.

Методом спектрального анализа было исследовано 69 предметов из Алмалы-Кая (табл. I): 1 черенковый нож листовидной формы (рис. 1, 2), 1 кинжал с ребром жесткости и черенковой рукояткой с отверстием (рис. 1, 1), 1 наконечник копья (рис. 1, 3), 2 трубочки-накосницы (рис. 1, 4, 5), 8 булавок с решетчатой головкой и петлями, образно названные П. С. Уваровой типом «павлинье перо» (рис. 1, 6—13), 3 булавки с головкой в виде бараньей мордочки с рогами и петлями (рис. 1, 14—16), 3 булавки с антенновидными отростками и петлями (рис. 1, 17—19), 11 булавок с розетковидной головкой и петлями (рис. 1, 20—24), 1 булавка с грибовидной головкой и отверстием в стержне (рис. 1, 25), 2 булавки с пятишишечной головкой и петлями (рис. 1, 39, 40), 2 булавки с пятишишечной головкой и отверстиями (рис. 1, 41, 42), 5 булавок биволютных с прочерченной, как бы вертикально разделенной головкой (рис. 1, 43—47), 2 литых колпачка (рис. 1, 32, 33), 3 кованных конуса, свернутых из пластины (рис. 1, 34—36), 1 пуговок-лодочка (рис. 1, 38), 6 браслетов с биволютными концами (рис. 1, 58—63), 5 височных колец в полтора оборота из прута круглого сечения (рис. 1, 48—52), 5 височных колец в полтора оборота с пластинчатыми окончаниями (рис. 1, 53—57), 5 зооморфных фигурок зверьков (рис. 1, 26—31), 1 подвеска с головками баранчиков (рис. 1, 31), 1 слиток меди (рис. 1, 1, 37).

В рассматриваемой коллекции 57 предметов оказались мышьяковыми бронзами (рис. 2, 1) и 12 вещей были отлиты из оловянистой бронзы (рис. 2, 2). Содержание мышьяка в металле изделий без оловянистой лигатуры колеблется от 0,3%, а в основном от 1% до 10%, редко выше. Для былымских мышьяковых бронз характерны пониженные микропримеси олова с максимальным пиком концентраций до 0,001%, незначительное содержание цинка, слабое присутствие висмута. Своеобразной чертой бронз без лигатуры олова Былымского клада является положительная корреляционная зависимость между примесями сурьмы и никеля (рис. 2, 3), сурьмы и серебра (рис. 2, 4), серебра и никеля (рис. 2, 5). Чем больше насыщен металл сурьмой, тем выше в нем примеси никеля и серебра. Не исключено, что в коллекции есть намеренные мышьяково-сурьмяные лигатуры с сурьмой от 1% до 10%, но на графике они отделяются нечетко от общей массы значений и самое главное подчинены той же закономерности взаимного повышения микропримесей сурьмы, никеля и серебра. Мышьяковый металл с сурьмой, равной и большей 1%, отмечен у четырех булавок с решетчатой головкой (рис. 1, 7, 8, 10, 11), у 2 булавок с пятишишечной головкой (рис. 1, 39, 41), в литом колпачке (рис. 1, 33), пуговке-лодочке (рис. 1, 38), одном браслете (рис. 1, 59).

Изделия, выплавленные из бронзы с такой же положительной связью между сурьмой, никелем и серебром, отмечены в Таманском кладе равнинного Прикубанья сабатиновского времени³. По композиции химиче-

Таблица I
Результаты спектрального анализа Былымского клада

Шифр лаборатории	Предмет	Номер ГЭ	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	CO	Au	Рисунки 1,
29527	кинжал	1319/102	осн.	0,0015	0,05	0,08		0,003	0,002	3	0,002	0,035	0,001		1
29528	копье	1319/102	«	0,0004	0,04		0,0006	0,02	0,02	2,5	0,02	0,01			3
29529	кинжал	1319/103	«	0,001	0,03	0,008	0,006	0,02	0,035	2,3	0,013	0,004			2
29530	трубочка	1319/100	«	0,002	0,013	0,004	0,002	0,03	0,09	2,5	0,033	0,02		0,001	4
29531	«	1319/100	«	0,001	0,01		0,001	0,02	0,1	2	0,01	0,02		0,001	5
29532	булавка	1319/57	«	0,0006	0,035		0,004	0,05	0,2	2,5	0,001	0,03		0,001	6
29533	«	1319/58	«	0,0002	0,03		0,001	0,6	3	0,5		0,12			7
29534	«	1319/55	«	0,0005	0,012		0,003	0,3	2,5	1	0,002	0,2			8
29535	«	1319	«	0,0008	0,015		0,001	0,03	0,05	6	0,002	0,02		0,001	9
29536	«	1319/54	«	0,0002	0,01		0,002	0,25	4	0,4		0,2		0,001	10
29537	«	1319/68	«	0,005	0,003		0,0001	0,01	0,003	10		0,01			13
29538	«	1319/69	«	0,0005	0,03		0,006	0,6	0,07	7	0,001	0,1	0,002	0,001—0,003	12
29539	«	1319/56	«	0,004	0,5	0,004	0,02	0,1	5	10	0,001	0,15			11
29540	«	1319/40	«	0,003	0,015	0,004	0,0004	0,1	0,12	1,5	0,005	0,08	0,002	0,001	17
29541	«	1319	«	0,002	0,008	0,007	0,0003	0,6	0,7	1,3	0,004	0,05			18
29542	«	1319/39	«	0,0008	0,007		0,0003	0,1	0,15	1,5	0,002	0,07		0,001	19
29543	«	1319/47	«	0,001	0,06		0,01	0,04	0,005	0,5		0,002		0,001	43
29544	«	1319/48	«	0,001	0,013		0,001	0,04	0,06	0,5		0,02	0,001	0,001	44
29545	«	1319/45	«	0,0009	0,02	0,006	0,002	0,1	0,035	3	0,001	0,018	0,001	0,001	45
29546	«	1319/49	«	0,0004	0,35		0,005	0,1	0,03	2,5	0,005	0,025		0,001	46
29547	«	1319/46	«	0,0001	0,01		0,0007	0,25	0,12	4		0,03		0,001	47
29548	«	1319/29	«	0,0003	0,003			0,3	1	2,5	0,001	0,15	0,001		39
29549	«	1319/31	«	0,0005	0,008		0,0006	0,1	0,2	2,5	0,015	0,05	0,001	0,001	40
29550	«	1319/26	«		0,03	0,007	0,003	0,3	10	2,6	0,002	2	0,01		41
29551	«	1319/25	«	0,0004	0,01		0,007	3	0,15	5		0,07		0,001	42
29552	«	1319/36	«	0,001	0,01		0,001	0,1	0,5	2	0,01	0,06		0,001	14
29553	«	1319/	«	0,0003	6	0,04	0,0008	0,1	0,7	3	0,002	0,3	0,001		15
29554	«	1319/36	«	0,012	7		1	0,1	0,09	6	0,001	0,005			16

29555	булавки	1319/33	осн.	8	0,05		0,001	0,007	0,05	0,4	0,06	0,08	0,015	0,001	25
29556	«	1319	«	0,008	0,04		0,006	0,1	0,3	2	0,001	0,1		0,001	20
29557	«	1319	«	0,003	0,004		0,003	0,03	0,07	1,7	0,01	0,02		0,001	21
29558	«	1319	«	0,004	0,04		0,0015	0,1	0,1	5	0,001	0,03		0,001	22
29559	«	1319	«	0,001	0,007		0,0007	0,01	0,003	5	0,001	0,007		0,001	23
29560	«	1319	«	0,0008	0,009		0,001	0,1	0,12	3,5	0,001	0,03			
29561	«	1319	«	0,003	0,01		0,003	0,1	0,07	3		0,03		0,001	
29562	«	1319	«	0,001	0,012		0,001	0,03	0,03	2,5		0,025		0,001	
29563	«	1319	«	0,009	0,006		0,0008	0,03	0,01	2,5	0,015	0,01			
29564	«	1319	«	0,0007	0,002		0,002	0,03	0,03	2,5	0,001	0,02		0,001	
29565	«	1319	«	0,0006	0,013		0,001	0,03	0,06	1,7	0,001	0,035			
29566	«	1319	«	0,07	0,01		0,0006	0,1	0,05	1,5	0,003	0,01			
29567	брелет	1319	«	0,0008	0,01	0,004	0,001	0,03	0,013	0,6	0,02	0,005		0,001	58
29568	«	1319	«	0,0006	0,02		0,0005	0,2	1	6	0,003	0,2		0,001	59
29569	«	1319	«	0,001	0,02	0,007	0,003	0,03	0,12	2,5	0,002	0,032		0,001	60
29570	«	1319	«	0,0006	0,03	0,004	0,0004	0,1	0,5	1,7	0,002	0,07		0,001	61
29571	«	1319	«	0,0004	0,2		0,001	0,1	0,3	2,5		0,06		0,001	62
29572	«	1319	«	0,0004	0,06	0,25	0,002	0,003	0,04	2	0,02	0,02			63
29573	литой колпачок	1319	«	0,001	0,06	0,025	0,003	0,03	0,25	1,5	0,001	0,05		0,001	32
29574	«	1319	«	0,0003	0,009	0,06		0,3	4	3	0,01	1,5	0,01		33
29575	кованный колпачок	1319	«	0,0005	0,03		0,0006	0,1	0,1	2,5	0,004	0,07	0,001	0,001	34
29576	«	1319	«	0,0004	0,03		0,006	0,03	0,015	2,5	0,001	0,006		0,001	35
29577	«	1319	«		0,004		0,0006	0,001	0,005	1,7	0,001	0,008			36
29578	слиток	1319	«	0,005	0,02	0,007	0,002	0,1	0,2	8	0,001	0,08	0,002	0,001	37
29579	пуговка	1319	«	0,003	0,035	0,012	0,0007	0,2	10	0,15	0,002	0,01		0,001	38
29580	височная подвеска	1319	«	10	0,05		0,013	0,015	0,001	0,017	0,002	0,015	0,002	0,001	53
29581	«	1319	«	10	0,5		0,006	0,004	0,005	0,008	0,013	0,006	0,002	0,001	48
29582	«	1319	«	6	0,004						0,003	0,0003			49
29583	«	1319	«	7	0,45		0,0033	0,001	0,012	0,06	0,007	0,003			50
29584	«	1319	«	12	0,05		0,0003	0,004	0,015	0,2	0,06	0,015	0,002	0,001	51
29585	«	1319	«	10	0,04		0,002	0,01	0,035	0,015	0,006	0,02	0,01		54
29586	«	1319	«	8	1	0,01	0,013	0,03	0,08	0,018	0,008	0,015	0,004		55
29587	«	1319	«	8	0,035	0,05	0,002	50	0,035	0,25	0,03	0,0005		0,001—0,003	57

Таблица I (окончание)

Шифр лаборатории	Предмет	Номер ГЭ	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рисун- нок 1,
29587а	височная подвеска	1319	осн.	8	0,9	0,007	0,01	0,03	0,18	0,015	0,005	0,025	0,003	0,001	56
29588	«	1319	«	7	0,4	0,02	0,008	0,003	0,03	0,03	0,006	0,01		0,001	52
29589	«лошадка»	1319	«	0,03	0,003		0,0007	0,03	0,04	2,5	0,025	0,015		0,003—0,01	26
29590	«бычок»	1319	«	4	0,04	0,012	0,1	0,02	0,07	3	0,04	0,015	0,001		27
29591	«лошадка»	1319	«	0,025	0,04		0,01	0,05	0,5	4	0,002	0,04			28
29592	«лошадка»	1319	«	0,007	0,03		0,002	0,03	0,5	2,5	0,002	0,08		0,001	29
29593	зверек	1319	«	0,012	0,01	0,006	0,001	0,03	0,04	20	0,45	0,04		0,001	30
29594	подвеска-баран	1319	«	0,025	0,05		0,04	0,05	0,1	1	0,003	0,05	0,001	0,001	31

Таблица II

Результат спектрального анализа погрешения у с. Хабаз

Шифр лаборатории	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
21360	кинжал	осн.		0,005	0,006	0,001	0,01	0,009	5	0,1	0,01	0,003	0,001
21361	спираль	«	10	0,05	0,003	0,001	0,01	0,05	0,007	0,002	0,004	0,004	
21362	спираль	«	10	0,003	0,001		0,05	0,05	0,01	0,002	0,004		
21363	булавка	«	0,001	0,001	0,001	0,0005	0,05	0,012	2,5	0,003	0,02	0,006	

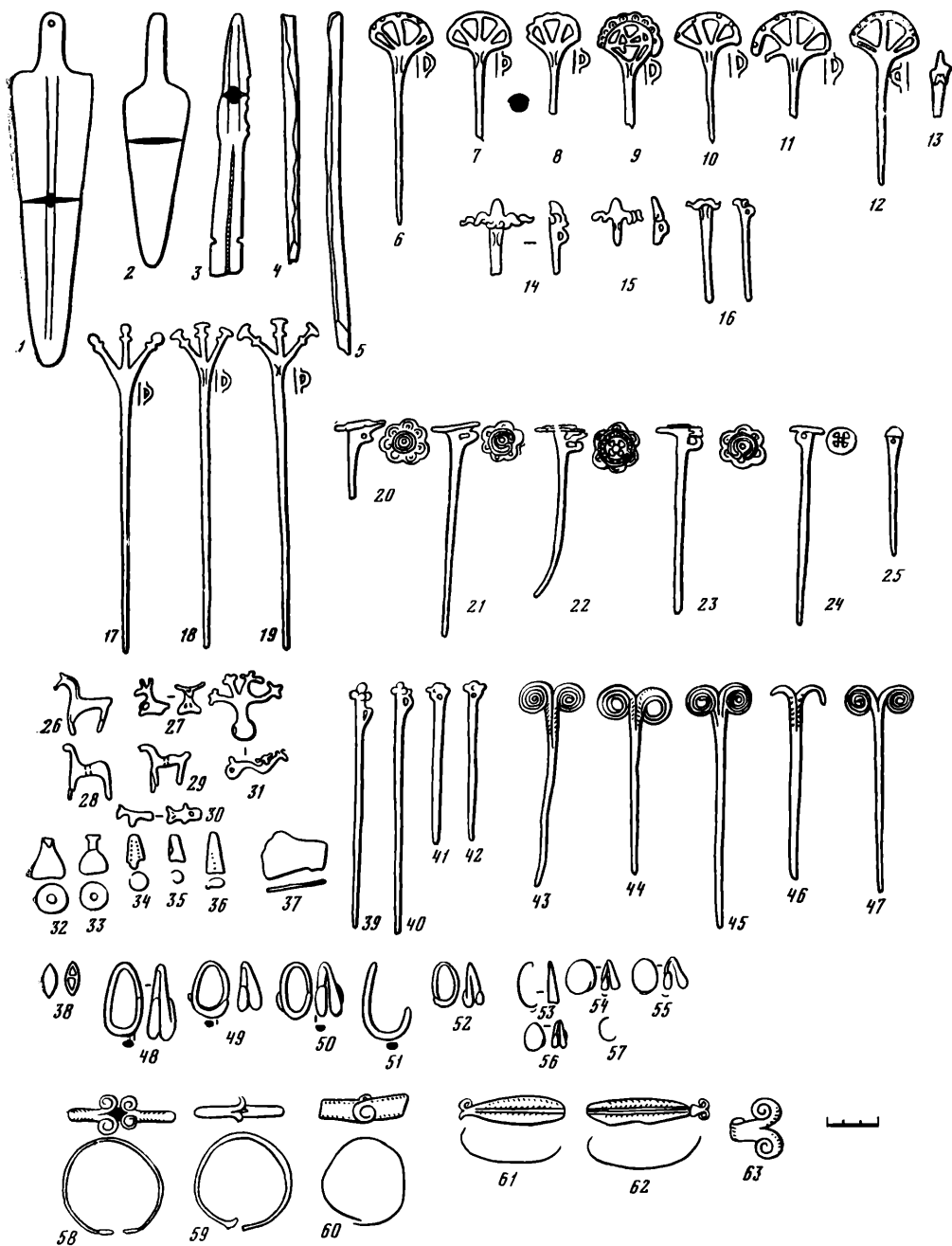

Рис. 1. Предметы Былымского клада, проанализированные методом спектрального анализа

ских примесей Таманский клад близок, но не тождествен коллекции из Алмалы-Кая, так как последняя более насыщена микропримесями серебра. Проблема об источнике или источниках металла, шедшего для отливки вещей Былымского клада, методически очень сложна. В качестве постановки вопроса мы можем только предположить, что мышьяковые бронзы Былымского клада были отлиты из сырья, связанного с центральными районами Большого Кавказа, располагающими месторождениями полиметаллических руд с высоким насыщением сурьмой, как, например, месторождения Рача-Осетинской зоны, месторождения у г. Тырнауза в Кабардино-Балкарии⁴. Кроме мышьяковых и мышьяково-сурьмяных бронз,

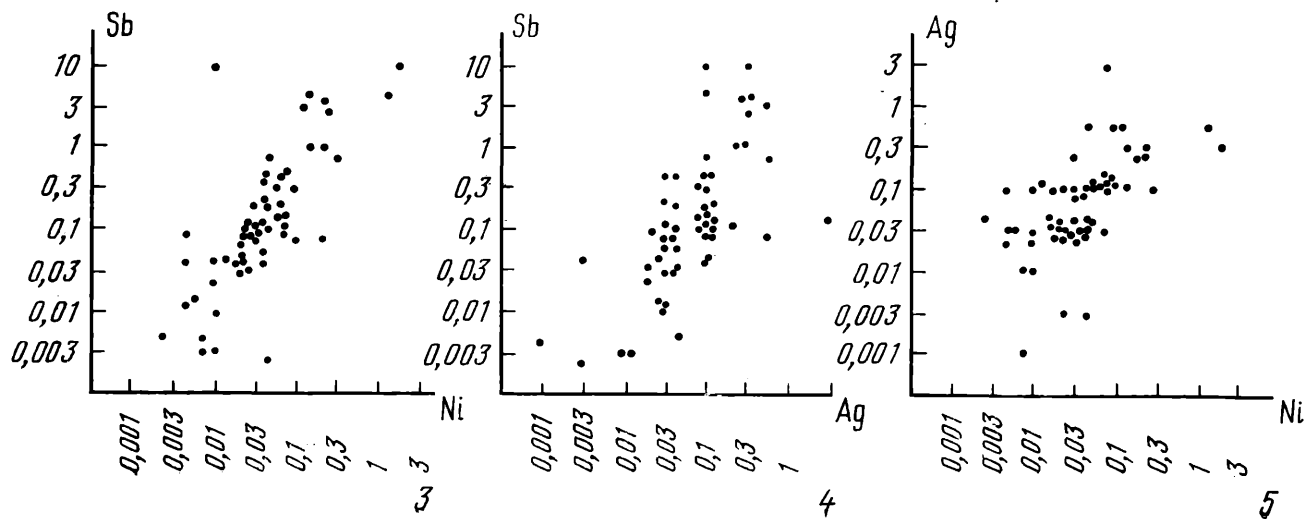
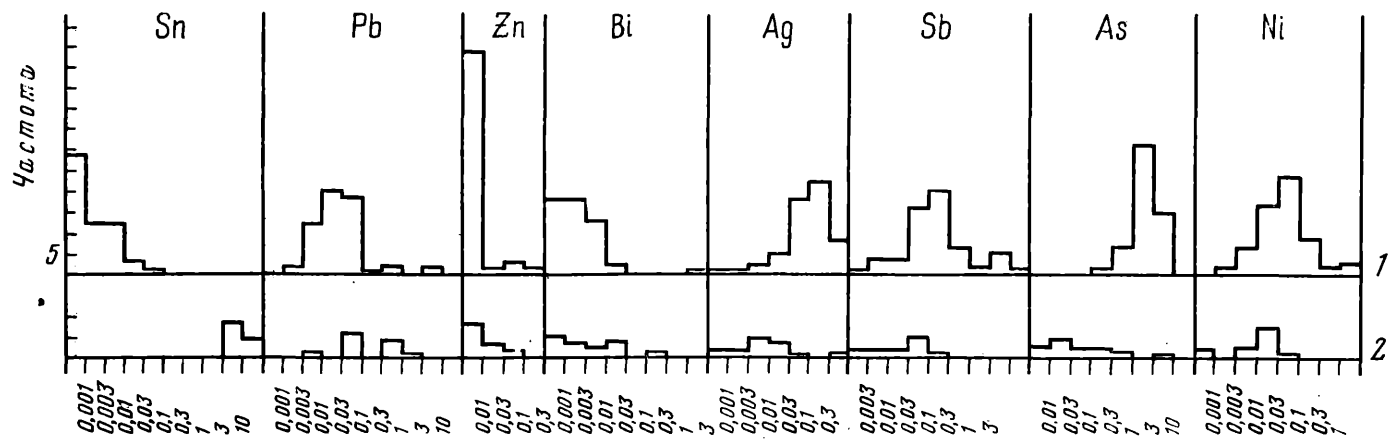

Рис. 2. Графики состава металла изделий Былымского клада

- 1 — гистограммы распределения примесей в мышьяковых бронзах Былымского клада;
- 2 — гистограммы распределения примесей оловянистых бронз Былымского клада;
- 3 — корреляционный график сурьма—никель;
- 4 — корреляционный график сурьма—серебро;
- 5 — корреляционный график серебро—никель

в коллекции Алмалы-Кая отмечены две булавки с бараньими головками, металл которых, видимо, легирован мышьяком и свинцом (рис. 1, 15, 16). Содержание свинца у них достигает 6—7%. У одной булавки к тому же висмут доходит до 1%: отражая, скорей всего, его естественно высокие примеси в руде.

Из оловянистых бронз Былымского клада были отлиты все учтенные височные кольца, а также одна фигурка лошадки (рис. 1, 26) и булавка с грибовидной головкой (рис. 1, 25). Металл оловянистых бронз заметно меньше насыщен мышьяком, сурьмой, никелем, серебром, чем мышьяковый металл рассматриваемого комплекса. Преимущественная связь оловянистой лигатуры с типами височных подвесок Былымского клада очевидна. Однако присутствие в составе коллекции из Алмалы-Кая оловянистых сплавов вместе с мышьяковыми бронзами не является хронологической аномалией, так как такое же сочетание в комплексах предметов из мышьяковой бронзы с серьгами, отлитыми с лигатурой олова, отмечается на поздней фазе могильника Гинчи в горном Дагестане третьей четверти II тысячелетия до н. э.⁵

Таким образом, исследованная выборка металлических изделий показывает, что большинство вещей Былымского клада было отлито из мышьяковой бронзы, а предметы, изготовленные с присадками к меди олова, находились в количественном отношении в подчиненном положении и явно тяготели к одной категории — серьгам. В кладе не зафиксировано господство оловянистых бронз, которое, по данным Тлийского могильника, уже отмечается с кобанского периода, начиная с XII в. до н. э.⁶

В отношении хронологической позиции клада из Алмалы-Кая среди памятников горной зоны Большого Кавказа следует остановиться на следующих моментах. По набору украшений этот комплекс является более молодым, чем погребения Былымского некрополя, открытые И. М. Мизиевым и Р. Н. Ступниковым⁷. Последние содержат типичный среднебронзовый инвентарь с булавами, имеющими решетчатую головку, но без петель. К костюму они крепились через отверстие в головке или боковые ушки, т. е. в традициях именно среднебронзовых украшений этой категории. В горной Кабардино-Балкарии Былымскому кладу одновременно коллективное захоронение в погребении у урочища Аман-Кьол, раскопанное И. М. Мизиевым⁸. В нем обнаружена булавка с розетковидной головкой, кинжал с черенком и тремя отверстиями, отлитые из мышьяковой бронзы, а также спиральки из сплава меди с оловом (табл. 11). Ранее эту параллель уже отметили В. М. Батчаев и В. И. Козенкова⁹. В горной Юго-Осетии Былымский клад можно сблизить с погребениями раннего периода позднебронзового века, выделяемого Б. В. Теховым по данным Талийского могильника, в горном Дагестане — с поздней фазой Гинчинского могильника, в горной Чечено-Ингушетии — самыми молодыми погребениями могильника Гатын-Кале. В пользу такой синхронизации во времени могут свидетельствовать находки в Былымском кладе булавок с бычьими головками наподобие тлийских¹⁰, пластинчатые подвески в полтора оборота, найденные также в наименее древних комплексах могильников Гинчи¹¹ и Гатын-Кале¹².

Переходный период от эпохи средней бронзы к поздней Б. В. Техов датирует XIV, XIII вв. до н. э. С этой датой в принципе согласуются формы необычных для Кавказа браслетов из пластины с волютными окончаниями. Вслед за В. И. Козенковой считаю, что они представляют собой модификацию или подражание браслетам более западных областей¹³, так называемого «тцинецкого» типа. Браслеты тцинецкого типа были распространены главным образом в период с 1400 по 1200 гг. до н. э. на территории Польши, Румынии, Венгрии. Наиболее поздние экземпляры зафиксированы в раннелужицкой культуре 1200—1100 гг. до н. э. Основной хронологический диапазон тцинецких браслетов, как предполагают, связан с XIV, XIII вв. или даже XII в. до н. э.¹⁴ Поэтому, видимо, справедлива точка зрения В. И. Козенковой, что рассматриваемый комплекс относится к более молодому времени, чем эпоха средней

бронзы, но предшествует классическому кобанскому периоду¹⁵. Абсолютная датировка клада, исходя из этого, может колебаться в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э., примерно XIII—XII вв. до н. э., в зависимости от того, как будет определяться время предкобанского горизонта или древностей протокобанской группы, по терминологии В. И. Козенковой, в горной части Большого Кавказа.

Набор изделий Былымского клада отражает различные тенденции морфологии предметов горцев Кабардино-Балкарии в предкобанский период. Так, в кладах присутствуют архаичные для раннего периода поздней бронзы черенковые кинжалы с отверстием или без отверстия в рукоятке. Среди украшений можно выделить, во-первых, типы, связанные территорией распространения исключительно с горной Кабардино-Балкарией, как, например, булавки с розетковидной головкой¹⁶, во-вторых, типы, которые характерны прежде всего для центрального района горной зоны Большого Кавказа, т. е. булавки с решетчатой головкой, булавки с бараньей головкой, пятишпичной головкой, булавки с антенновидными отростками, пуговка-лодочка. В-третьих, в составе клада имеются вещи, отражающие заимствование западных образцов, украшений племен Балкано-Карпат и Подунавья, к примеру браслеты с волотными концами. Поэтому можно предположить, что Былымский клад является частью своеобразного локального участка металлообработки в горной зоне Кабардино-Балкарии, тесно связанного с традициями металлообработки центрального района горной зоны Большого Кавказа. Культурная среда, которую обслуживали литейщики этого участка или очага, в какой-то мере находилась в контакте с носителями культур Балкано-Дунайского региона, откуда на Северный Кавказ могла попасть «мода» на отдельные формы металлических украшений. В пользу местного производства изделий клада свидетельствуют находки двух слитков и бракованные отливки булавок.

¹ Иссен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, М.; Л., 1941, № 3, с. 22, табл. I, 7, 8, табл. IV, 1—7; Алексеева Е. П. Позднебронзовая культура Центрального Кавказа.— УЗЛГУ, 1949, вып. 13, Л., с. 239; Батчаев В. М. Клад из селения Былым.— В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, вып. 1, с. 26—51; Козенкова В. И. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе.— XII Крупновские чтения. М., 1982, с. 28.

² Батчаев В. М. Клад из селения Былым...
³ Черных Е. Н. О химическом составе металла Таманского клада.— СА, 1980, с. 150—154.

⁴ Черницын В. Б. Металлогения Большого Кавказа. М., 1977, с. 167—169; Кузнецова Е. В., Кузнецов И. Г. Цветные и редкие металлы Кабардинской АССР.— В кн.: Природные ресурсы Кабардинской АССР. М.; Л., 1946, с. 213.

⁵ Корневский С. Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы.— В кн. Древние и средневековые памятники Дагестана.— МАД, Махачкала, 1980, вып. 9, с. 27—45.

⁶ Корневский С. Н. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника.— СА, 1981, с. 148—162.

⁷ Батчаев В. М. Клад из селения Былым...; Мизиев И. М., Ступников Р. Н. Отчет об археологических работах у города Тырнауза КБАССР в 1976 г.— Архив КБИИФЭ, инв. № 2240.

⁸ Мизиев И. М. Некоторые итоги археологических работ в верховьях р. Малки в 1966 г.— ВКБНИИ, Нальчик, 1968, вып. 1.

⁹ Батчаев В. М. Клад из селения Былым... с. 45; Козенкова В. И. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры... с. 28.

¹⁰ Тезов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 28, рис. 26, 5, 7; с. 48, рис. 48; Батчаев В. М. Клад из селения Былым... с. 39. Данная аналогия справедлива лишь в том смысле, что в Былымском кладах и Тлийском могильнике отмечены булавки и изображения стилизованных головок животных: баранов, быков, хотя конструкции зооморфных булавок из Тли и Былымского клада, естественно, имеют отличительные особенности.

¹¹ Корневский С. Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана.— МАД, Махачкала, 1980, вып. 9, с. 37—45.

¹² Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 59, рис. 5, 4, с. 63, 65, рис. 9, 4, 5, с. 68, рис. 11, 4, 8, с. 75, рис. 15, 2; Корневский С. Н. Сравнительная характеристика металла гинчинской культуры эпохи средней бронзы.— В кн.: XII Крупновские чтения. М., 1982, с. 22—24.

¹³ Козенкова В. И. Обряд трупосожжения в кобанской культуре Кавказа. — СА, 1982, 3.

¹⁴ Березанская С. С. Средний период бронзового века на северной Украине.

Киев, 1972, с. 150, 151.

¹⁵ Козенкова В. И. К вопросу о выделении древнейшего этапа...

¹⁶ Батчаев В. М. Клад из селения Былым... с. 45.

Р. С. БАГАУТДИНОВ

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ ЯМНОЙ И ПОЛТАВКИНСКОЙ КУЛЬТУР ПОВОЛЖЬЯ

В настоящей работе предпринята попытка проследить развитие и изменение огненного ритуала, а также реконструкцию погребального обряда в комплексах, связанных с применением огня в эпоху ранней и средней бронзы. В работе использовались культурно-хронологические схемы Н. Я. Мерперта¹, Н. К. Качаловой² и И. Б. Васильева³.

В результате из 320 погребений нами выделено 42 погребальных комплекса ямной и полтавкинской культур со следами использования огня в ритуале⁴. Следы применения огня связаны с различными моментами обряда — начиная с подготовки места захоронения и кончая возведением насыпи. Таким образом, мы получаем возможность проследить последовательные этапы ритуальных действий с огнем.

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

Погребальные комплексы ямной культуры

Следы огня в погребениях ранней бронзы появляются во втором периоде существования ямной культуры, датированной Н. Я. Мерпертом в пределах третьей четверти III тысячелетия до н. э.⁵ Свидетельства использования огня в погребальном ритуале представлены тремя комплексами.

1. Быково II, курган 2, погребение 1. В засыпи скопление угольков, обломков костей животных и фрагментов керамики, из которых удалось склеить половину круглодонного сосуда⁶. Весь комплекс назван автором раскопок остатками тризны, причем не говорится ни о прокаленном грунте, ни об обожжении костей и керамики. Это заставляет предположить, что угольки попали в засыпь со стороны, уже остывшие.

2. Иловатка, курган 1, погребение 9. В 0,8 м от края могильной ямы — остатки кострища с углями, золой, прокаленной глиной и кусками обожженного дерева. В засыпи могилы — угольки⁷.

3. Иловатка, курган 2, погребение 20. Древесные угольки на дне могильной ямы, у ног костяка⁸.

В следующей, третьей хронологической группе (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) следы огня обнаружены в двух случаях. В одном — угли и зола в засыпи и три обломка от стенки сосуда (Быково II, курган 3, погребение 7)⁹, в другом — зола на дне могильной ямы (Политотдельское, курган 2, погребение 5)¹⁰.

Погребальные комплексы полтавкинской культуры

В работе нами были исключены из числа полтавкинских следующие погребения: безынвентарные с костяками на боку, слабоокрашенные или без следов красной краски; безынвентарные со следами красной краски, но с разрушенными скелетами; подбойные. Такие ограничения в учете погребений средней бронзы были нужны, чтобы выявить специфику применения огня именно в полтавкинских комплексах, понимаемых как результат исторического развития древнеямных погребальных традиций.

В результате учтено 87 погребальных комплексов, в которых зафиксировано 9 случаев применения огня. Согласно разработанной Н. К. Качаловой относительной хронологии, выделяются три раннеполтавкинских погребения из общего числа в 55 погребений и шесть позднеполтавкинских из 32 погребальных комплексов.

1) Раннеполтавкинские погребения: с. Ровное (Зеельман), курганная группа к югу от села, курган Д 37. В единственном погребении у ног двух погребенных — зола¹¹;

2) с. Глазуново, курган 7, погребение 2. В засыпи — супесь с вкраплениями углей¹²;

3) с. Медяниково, курган 1, погребение 3. Под могильным выкидом, на погребенной почве — зола до 2 см толщиной и отдельные угольки; древесные угольки в области тазовых костей у среднего из трех костяков. Около юго-западной стенки могилы лежали куски обгорелого дерева¹³;

4) Позднеполтавкинские погребения: с. Мирное (Фриденберг), 1-я группа, курган 7, погребение 4. Возле локтевых костей погребенного — зола, в ногах — уголь¹⁴;

2) с. Крутоярровка, курган 11, погребение 3. В засыпи могильной ямы — зола¹⁵;

3) с. Медяниково, курган 3, погребение 1. На дне — мелкие древесные угольки¹⁶;

4) с. Политотдельское, курган 2, погребение 6. В могильной яме и на дне — зольные пятна¹⁷;

5) с. Политотдельское, курган 3, погребение 5. Западнее таза и ног погребенного — кучки золы. Зольные прослойки находились также и на могильном выкиде¹⁸;

6) с. Политотдельское, курган 4, погребение 27. Возле шеи и груди погребенного находились древесные угольки¹⁹.

Таким образом, следы применения огня в погребальном ритуале ямных и полтавкинских племен Нижнего Поволжья разнообразны. Огонь разводили над погребенным, возможно, на несохранившихся перекрытиях, костры разжигались на краю могильной ямы, а продукты горения затем ссыпали на дно. Обработке огнем подвергалось место захоронения еще до рытья могильной ямы (с. Медяниково, курган 1, погребение 3). Полтавкинские комплексы демонстрируют резкое возрастание роли огня в ритуале по сравнению с ямными — 13%, против 2,9%, но в целом можно констатировать сравнительно редкое использование огня в погребальном ритуале ямных и полтавкинских погребальных комплексов.

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ

Рассматривая древнеямные погребальные комплексы Поволжья и Приуралья, Н. Я. Мерперт выделил среди них три одновременных группы. Во вторую группу вошло и несколько погребений Среднего Поволжья, известных в то время²⁰.

В связи с работами Средневожской археологической экспедиции в 70-х годах появились новые материалы по древнеямной и полтавкинской культурам, обработанные И. Б. Васильевым. Опираясь на хронологическую схему Н. Я. Мерперта, он выделил четыре этапа развития культур Среднего Поволжья²¹, первые два этапа относятся к древнеямной культуре, остальные — к полтавкинской.

Обе периодизации не имеют существенных расхождений, поэтому мы расположили все имеющиеся к настоящему времени материалы в соответствии с данными И. Б. Васильева.

В самой ранней группе древнеямных погребальных памятников Среднего Поволжья, насчитывающей 10 погребений, зафиксирован только один случай применения огня — древесные угли возле костей ног погребенного (Покровка, курган 19)²².

Иная картина наблюдается в погребальных комплексах второй, позд-

неявной, хронологической группы. В ней из 9 погребений уже в шести имеются следы огня:

1) с. Утевка 1, курган 1, погребение 1. В западной части могильной ямы на глубине 1 м от древней поверхности — прослойка сгоревшей коры, она же прослеживалась по стенкам могильной ямы²³;

2) с. Березняки, курган 14. На погребенной почве — углистый слой диаметром 1,1 м с включениями остатков дерева, краски, мелких костей²⁴;

3) с. Кашпир III, курган 2, погребение 2. В округлой в плане яме диаметром 2,1 м, глубиной 1,6 м на дне находились остатки трупосожжения на стороне. В заполнении могильной ямы — угольки²⁵;

4) с. Кашпир III, курган 2, погребение 3. У костяка обожжены часть ребер, кости рук и ног²⁶;

5) с. Кашпир III, курган 3, погребение 1. В заполнении могильной ямы — древесные угольки. Обожжены часть ребер и правая плечевая кость²⁷;

6) с. Кашпир III, курган 8, погребение 1. В области черепа и ступней погребенного — скопление угольков²⁸.

Обычай разведения огня в могильной яме проявился в частичном обожжении костяков. Неожиданностью для столь раннего времени явилось открытие остатков трупосожжения на стороне, пока единственный случай для древнейших погребений всего Поволжья.

Но наиболее яркие свидетельства применения огня в погребальном ритуале представлены в раннеполтавкинской, третьей хронологической группе погребальных комплексов. Следы огня здесь зафиксированы в 20 из 22 случаев:

1) с. Утевка 1, курган 2, погребение 1. На глубине 0,95—1 м от уровня материка по всей площади могильной ямы под слоем глины находилась прослойка сгоревшего камыша толщиной 1—2 см, на костяке еще одна прослойка сгоревшего камыша. По стенкам могилы прослежены слабые углистые прослойки. Под охрой, на дне могилы — следы сгоревшей камышовой прослойки²⁹;

2) с. Утевка 1, курган 3, погребение 1. На глубине 0,5 м от поверхности материка в центре могилы и на глубине 0,25 м у ее краев — прослойка глины толщиной 0,1—0,15 м, под которой слой сгоревшего камыша. Колья и камыш по стенкам также сгорели. У самого дна могильной ямы еще одна прослойка угля со слоем глины над ней. Остатки костяка лежали на сгоревшей органической подстилке (камыш и тонкие жердочки)³⁰;

3) с. Утевка 1, курган 4, погребение 1. На глубине 0,65 м от уровня материка — прослойка сгоревшего органического вещества со слоем желтой глины над ним. У дна могильной ямы — остатки такой же сгоревшей прослойки с линзами глины и пятнами охры на ней. По стенкам находились остатки сгоревших колевок и камыша³¹;

4) с. Утевка III, курган 4, погребение 1. Стенки могильной ямы обожжены сгоревшими плахами и обожжены. В заполнении — остатки сгоревшего перекрытия. Скелет погребенного находился на подстилке из сгоревшей коры. В заполнении на глубине 0,6 м отмечена прослойка прокаленной глины³²;

5) с. Утевка VI, курган 1. В центре насыпи до глубины 0,3 м встречались древесные угольки. Остатков погребенного не обнаружено³³;

6) с. Утевка VI, курган 3, погребение 3. Нетронутый участок дна могильной ямы выстлан двумя слоями обожженной бересты, между которыми находился слой мощностью 0,7 см³⁴;

7) с. Владимировка, курган 3. Остатки сгоревшей подстилки в виде углистых полос располагались по стенкам и по дну могильной ямы. На такой подстилке находился скелет погребенного³⁵;

8) с. Владимировка, курган 4. Тонкая прослойка сгоревшей коры выстилала стенки и дно могилы. На подстилке находился скелет погребенного³⁶;

9) с. Преполовенки 1, курган 2, погребение 2. В заполнении могильной ямы — кусочки древесного угля. На глубине 0,8 м в южной части могилы прослежено углистое пятно, а на глубине 1,1 м — углистая прослойка по всей площади. Ниже ее находился слой пережженной глины с вкраплениями охры³⁷;

10) с. Преполовенки 1, курган 4, погребение 6. По длинным стенкам могильной ямы прослежена углистая прослойка. Костяк и дно перекрыты корой с углистыми пятнами³⁸;

11) с. Преполовенки 1, курган 9, погребение 1. В заполнении — мелкие кусочки прокаленной глины, иногда со следами сажи и угля. В центре могильной ямы на глубине 0,7 м находилась тонкая полоска сгоревшего дерева³⁹;

12) с. Микулино. В заполнении могильной ямы — угли в большом количестве. В ногах погребенного найдены кусочки прокаленной глины и угля⁴⁰;

13) с. Давыдовка, курган 2, погребение 2. Слой пепла с углем и пережженной глиной вокруг центрального погребения и над ним на уровне погребенной почвы. Слоем сгоревшей органики выстланы также стены ямы⁴¹;

14) с. Кашпир III, курган 1, погребение 1. На уровне погребенной почвы, в центре и на периферии подкурганного пространства находились три зольных пятна. В засыпи могильной ямы — отдельные древесные угли. Остатки второго накатника на заплечниках — обожжены. Лопатки и колени погребенного несут следы огня⁴²;

15) Светлое озеро, курган 2. В жертвенной яме возле основного погребения находилась зола⁴³;

16) Светлое озеро, курган 3. В жертвенной яме возле основного погребения находилась зола, угли, кости животных и человека. При возведении насыпи в нее добавляли или обжигают на месте глину. Площадь прокаленной глины около 40 кв. м, глубина прокала до 1 м⁴⁴;

17) с. Красносамарское I, курган 1, погребение 4. Под слоем глины в заполнении могильной ямы — следы сгоревшей органики⁴⁵;

18) с. Красносамарское I, курган 2, погребение 1. Под линзой могильного выкида следы сгоревшей органики⁴⁶;

19) с. Красносамарское II, курган 1. Стенки могильной ямы укреплены кольями и камышом и сожжены. Костяк был покрыт остатками горелого камыша и лежал на таком же слое⁴⁷;

20) с. Красносамарское III, курган 1. Вокруг центрального погребения — кольцо из золы диаметром 26—27 м. Под золой прослежен несильный провал. Стенки могилы были покрыты тонким слоем сгоревшей органики. Такая же прослойка перекрывала всю могильную яму над самым костяком⁴⁸.

Не исключено, что горелые слои в заполнениях могильных ям являются свидетельствами действий с огнем при их засыпке. Подтверждением этого предположения служит, как будто, факт нахождения двух углистых прослоек, расположенных одна над другой в единственных погребениях курганов 2, 4 Утевского I могильника. Далее в погребении 1 кургана 2 Преполовенского могильника на 10 см выше погребенного всю площадь могильной ямы перекрывал слой прокаленной глины, над которым был углистый слой. Видимо, это отражение двух погребальных традиций: 1 — сооружать перекрытие над могильной ямой; 2 — засыпать погребенного грунтом в определенной ритуальной последовательности. Возможно, что находки древесных угольков на дне могил представляют собой остатки того же ритуала подготовки огнем места погребения до помещения умершего в могильную яму⁴⁹.

Заключительный, четвертый этап, по И. Б. Васильеву, представлен 10-ю впускными погребениями, и только в одном (Покровка, курган 1, погребение 2)⁵⁰ встречены древесные угольки на дне могилы. Описанными материалами исчерпываются данные о применении огня в погребальном ритуале ямных и полтавкинских племен Куйбышевского Заволжья.

Таким образом, для большинства выделенных погребальных комплексов утверждать наличие развитого и сложного огненного ритуала, материальные остатки которого выявляют ряд последовательных действий с огнем. Установлено, что погребальный обряд начинался до помещения умершего в могильную камеру. Место погребения еще до сооружения могилы подвергалось действию огня. После того как выкапывалась могильная яма, дно и стенки ее в ряде случаев обкладывались корой, камышом или деревом и обжигались. Затем дно посыпалось мелом и охрой и происходило помещение умершего в могильную камеру. Далее покрывало над погребенным обжигалось, иногда до частичного обожжения скелета. В свою очередь, могильные камеры перекрывались и обжигались. После обожжения перекрытия обмазывались или засыпались слоями материковой глины. Наконец, мы имеем один достоверный случай разведения огня на уровне древней поверхности после завершения захоронения (Давыдовка, курган 2). Возможно, что вал из золы в одном из Красносамарских курганов также возводился после завершения захоронения, причем огонь горел по кольцу вокруг погребения, или приносили и насыпали еще не остывшую золу. По мере сооружения насыпи ранние полтавкинцы Средней Волги или разводили огонь, или добавляли в насыпь продукты горения: золу, уголь, прокаленную глину.

Итак, если в заключительном периоде развития древнейших племен в Куйбышевском Поволжье отмечены следы огня в могильной яме и на ее краю, то раннеполтавкинские погребальные комплексы демонстрируют многообразные действия с огнем как в могильной яме, так и на древней почве, как вокруг погребения, так и на периферии подкурганного пространства. Три случая частичного обожжения костяков и находка остатков трупосожжения на стороне свидетельствуют о большой древности на Средней Волге ритуалов сожжения на месте и на стороне, ярко проявившихся в срубное время.

В целом наблюдается тенденция к увеличению роли огня и разнообразию форм его применения в погребальном ритуале племен ранней бронзы Куйбышевского Заволжья на первых трех этапах их развития и резкое сокращение роли огня в посмертном ритуале на последнем, позднеполтавкинском этапе (по И. Б. Васильеву).

Необходимо отметить у ямно-полтавкинского населения Средней Волги большую, чем у нижневолжского, роль огня в погребальном обряде — 43% и 4,4%. Вместе с тем в формах применения огня нет существенных различий. В том и другом регионе зафиксированы случаи подготовки огнем места захоронения, разведение огня в могильной яме, на ее краю и в центре подкурганного пространства. Очевидно, зола и угли без видимых следов прокала под ними, часто фиксируемые в погребальных комплексах, могли быть принесены со стороны и символизировать огонь.

В заключение уместно вспомнить, что у всех народов погребальные ритуалы совершались с двойной целью — оградить живых от мертвых и восстановить нормальное функционирование коллектива, нарушенное смертью одного из его членов⁵¹. Думается, что вал из золы, углистые и глиняные прослойки над погребениями являются остатками обряда ограждения живых от мертвых.

¹ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.

² Качалова Н. К. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников.— АС, Л., 1979, вып. 20, с. 35—37.

³ Васильев И. Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979, с. 24—57.

⁴ Выражаю признательность всем, разрешившим использовать неопубликован-

ный материал, прежде всего С. А. Агапову, И. Б. Васильеву, В. А. Иванову, Н. М. Малову.

⁵ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы..., с. 83.

⁶ Смирнов К. Ф. Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78, с. 226, 227.

⁷ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 60, с. 212.

⁸ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, с. 218.

- ⁹ *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы, с. 230.
- ¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, с. 213—232.
- ¹¹ *Rau P.* Prähistorische Ausgrabungen auf den Steppenseite der deutschen Volgagebiets im Jahr 1926.— In: Mitteilungen der Zentralmuseumz. Pokrowsk, 1927, Jg. 2, H. 1, с. 68—71.
- ¹² *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ВДАЭ (Волгоград, 1971).— Архив ИА, Р-1, № 4456, с. 7.
- ¹³ *Малов Н. М.* Отчет об археологических раскопках, проведенных в правобережных районах Саратовского Поволжья (Саратов, 1978).— Архив ИА, Р-1, № 6951, с. 8, 9.
- ¹⁴ *Рыков П. С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.— Изв. Краевед. ин-та изуч. южноволж. обл. при Саратов. гос. ун-та. Саратов, 1926, т. 1, с. 123.
- ¹⁵ *Максимов Е. К.* Отчет об археологических раскопках в Саратовской области (Саратов, 1969).— Архив ИА, Р-1, № 4184, с. 22.
- ¹⁶ *Малов Н. М.* Отчет об археологических раскопках, произведенных в Саратовском Поволжье в 1979 г.— Архив ИА, Р-1, № 7576, с. 21.
- ¹⁷ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, с. 232.
- ¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, с. 234.
- ¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, с. 246.
- ²⁰ *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы..., с. 88.
- ²¹ *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы, с. 24—57.
- ²² *Агапов С. А.* Отчет о раскопках Покровского курганного могильника (Куйбышев, 1975).— Архив ИА, Р-1, № 5557, с. 7.
- ²³ *Васильев И. Б.* Отчет Второго отряда Средневожской археологической экспедиции (Куйбышев, 1972).— Архив ИА, Р-1, № 4765, с. 37.
- ²⁴ *Гольмстен В. В.* Материалы по археологии Самарской губернии.— Бюл. о-ва археологии, этнографии, истории и естествознания при Самар. гос. ун-те, 1925, с. 7.
- ²⁵ *Иванов В. А.* Отчет о раскопках курганов могильников в Приволжском районе Куйбышевской области (Куйбышев, 1976).— Архив ИА, Р-1, № 5767, с. 22.
- ²⁶ *Иванов В. А.* Отчет о раскопках..., с. 22.
- ²⁷ Там же, с. 22.
- ²⁸ Там же, с. 17.
- ²⁹ *Васильев И. Б.* Отчет о раскопках Второго отряда Средневожской археологической экспедиции за 1973 г.— Архив ИА, Р-1, № 5083, с. 39—40.
- ³⁰ *Васильев И. Б.* Отчет о раскопках..., с. 45, 46.
- ³¹ Там же, с. 48.
- ³² *Агапов С. А.* Отчет о раскопках Утевского III курганного могильника в Нефтегорском районе (Куйбышев, 1974).— Архив ИА, Р-1, № 5145, с. 1—2.
- ³³ *Васильев И. Б.* Отчет Второго отряда Средневожской археологической экспедиции за 1972 г., с. 46.
- ³⁴ *Кузьмина О. В.* Отчет о раскопках в Нефтегорском районе Куйбышевской области (Куйбышев, 1980).— Архив ИА, Р-1, № 6743, с. 23.
- ³⁵ *Васильев И. Б.* Отчет о работе Второго отряда Средневожской археологической экспедиции (Куйбышев, 1974).— Архив ИА, Р-1, № 5426, с. 15.
- ³⁶ *Васильев И. Б.* Отчет о работе..., с. 18, 19.
- ³⁷ *Багаутдинов Р. С.* Отчет о раскопках памятников бронзового века в зоне строительства Куйбышевской обводнительно-оросительной системы (Куйбышев, 1975).— Архив ИА, Р-2, с. 2.
- ³⁸ *Багаутдинов Р. С.* Отчет о раскопках..., с. 6.
- ³⁹ Там же, с. 10.
- ⁴⁰ *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы..., с. 85.
- ⁴¹ *Зудина В. Н.* Отчет о раскопках Давыдовского курганного могильника в Приволжском районе Куйбышевской области в 1978 г. (Куйбышев, 1979).— Архив ИА, Р-1, № 7256, с. 4.
- ⁴² *Иванов В. А.* Отчет о раскопках..., с. 20—22.
- ⁴³ *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61, с. 68.
- ⁴⁴ Там же, с. 69.
- ⁴⁵ *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.— Архив ИА, Р-2, № 2253, ч. II, с. 545.
- ⁴⁶ *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье..., с. 546.
- ⁴⁷ *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье..., с. 554, 555.
- ⁴⁸ *Васильев И. Б.* Лесостепное Поволжье..., с. 557, 558.
- ⁴⁹ *Зудина В. Н.* Отчет о раскопках..., с. 4.
- ⁵⁰ *Васильев И. Б.* Отчет Второго отряда Средневожской экспедиции за 1972 г. ..., с. 48.
- ⁵¹ *Токарев С. А.* О религии как социальном явлении.— СЭ, 1979, № 3, с. 95.

О НАХОДКАХ СЕЙМЕНСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Изучение древностей Севера европейской части СССР в предвоенные годы и накопление фактического материала выявило проблему, касающуюся эпохи бронзы в этом регионе. Стало ясно, что в неолите самые удаленные берега озер и рек были заняты стоянками человека, тогда как памятники бронзы известны не были. Возникшая в связи с этим дискуссия выявила основные стороны проблемы. Прежде всего встал вопрос о том, что считать эпохой бронзы и на каком основании выделять памятники этого времени. Вслед за О. Монтелиусом А. Я. Брюсов считал, что к эпохе бронзы могут быть отнесены только такие памятники, на которых найдены металлические изделия в достаточном количестве для составления типологических рядов¹. Поскольку такие памятники на Севере известны не были, А. Я. Брюсов пришел к выводу, что в эпоху бронзы здесь был перерыв в заселении, своеобразный hiatus, однако допускал, что дальнейшие исследования могут заполнить этот пробел, который может оказаться просто пробелом в наших знаниях. В целом эту точку зрения разделяла М. Е. Фосс². Еще раньше ряд финских и немецких ученых обращались к этой проблеме. Одни пришли к выводу, что Север Восточной Европы в эпоху бронзы обезлюдел из-за ухудшения природных условий и отхода населения на юг. Другие полагали, что изменился род занятий населения, переходившего к земледелию и скотоводству, что привело к перемене мест обитания, а поэтому памятники бронзы пока мало известны³. Существовала также гипотеза о замедленном развитии исторических процессов в отдаленных районах Севера Восточной Европы, об отсталости населения, которое долго оставалось здесь на уровне неолита, с характерными для этого периода экономикой и хозяйством, основанными на охоте и рыболовстве⁴.

В дальнейшем получило признание иное представление об эпохе бронзы на Севере. Принято считать, что в конце II тысячелетия до н. э. население умело делать орудия из бронзы, о чем говорят находки тиглей и бронзолитейных печей на некоторых стоянках. Одновременно с появлением бронзовых орудий происходили изменения в массовом материале стоянок, где появилась керамика с сетчатой поверхностью, которую принято считать репером, обозначающим наступление эпохи бронзы. В то же время изделия из бронзы, как правило, на памятниках этого периода полностью отсутствовали. Этот период был очень коротким, вскоре вместо бронзы стали использовать железо. В целом время от конца II тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия до н. э. принято обозначать эпохой раннего металла⁵. Следует добавить, что придерживаются обычной схемы, выделяя энеолит, когда получили распространение изделия из меди, эпоху бронзы и раннего железа⁶. Правда, для характеристики памятников эпохи бронзы чаще всего используют керамику и ее орнаментацию.

В связи с проблемами выделения и изучения памятников эпохи бронзы на Севере представляют интерес новые находки бронзовых изделий, происходящие из случайных сборов, но хорошо датированные типологически.

Недавно недалеко от южного берега Белого озера в Вологодской области местными жителями найдены два бронзовых наконечника копий, поступившие в Белозерский музей⁷. Вдоль южного берега Белого озера, между р. Шексной и каналом Мариинской водной системы, тянется древняя песчаная дюна. На низких заболоченных берегах озера таких дюн немного. Вероятно, поэтому здесь был расположен могильник позднего неолита, вошедший в археологическую литературу как могильник в Кар-

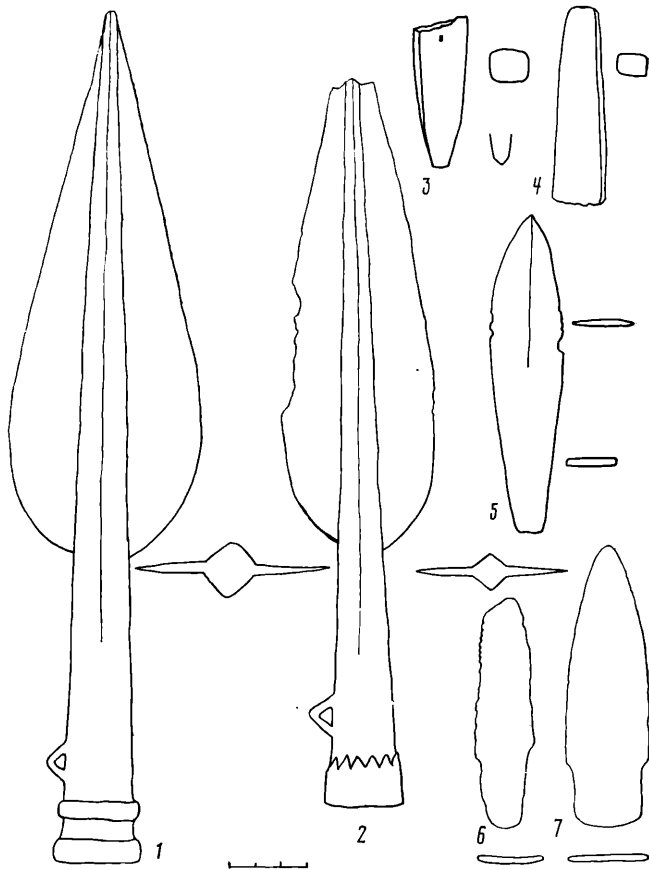

Рис. 1. Наконечники копий, местность Каргулино на Белом озере (1, 2); случайные находки, д. Морозово (3—5); нож-пилка и простой нож, с. Никольское (6—7)

гулино⁸. Во время обследования остатков этого памятника, разрушенного песчаным карьером, нами в 1969 г. был открыт еще один могильник, на этот раз средневековый, с хорошо датировемыми вещами⁹. Здесь же в западной части дюны находится современное кладбище, рядом с которым раскопки невозможны. В связи с этим дальнейшие работы здесь были прекращены, хотя было ясно, что вся дюна была занята древними могильниками разного времени, в том числе и западная ее часть. Не вызывает сомнения, что именно с территории, занятой кладбищем, происходят упомянутые наконечники копий.

Оба наконечника втульчатые, с ромбическим сечением стержня и треугольной петлей на втулке. Большой наконечник копья длиной 33,5 см, ширина пера 7,5 см, соотношение длины пера и втулки примерно 2:1, втулка завершается узким утолщением-манжетой (рис. 1, 1). Второй, меньший наконечник имеет длину около 31 см, но его острый боевой конец утерян. Ширина пера 6 см, соотношение длины пера и втулки тоже около 2:1. У основания наконечника широкое утолщение манжета с зубчатым верхним краем (рис. 1, 2).

По форме, сечению стержня, пропорциям, общему размеру эти изделия аналогичны наконечникам копий, происходящим из Сейменского могильника на р. Оке, которые, по типологии О. Н. Бадера, относятся к типу III¹⁰. По оформлению манжеты они несколько отличаются от сейменских образцов. У первого наконечника копья с Белого озера два узких утолщения на втулке. Второй, меньший может быть сопоставлен с изделием из кургана Карамыш в Саратовской области, относящегося к срубной культуре¹¹.

Возраст бронзовых изделий с Белого озера определяется так называемым сейменским хронологическим горизонтом, точнее, тем временем, когда возникли контакты и взаимные влияния населения сейменской культуры и срубной. По мнению Е. Н. Черных, это скорее нижняя граница сейменского хронологического горизонта, в абсолютных датах XVI в. до н. э.¹² В вопросе об абсолютных датах турбинско-сейменских бронз известны и другие хронологические схемы. Так, О. Н. Бадер нижнюю дату определял XV в. до н. э., а общие даты Сейменского могильника — XV—XIV вв. до н. э.¹³ Эту точку зрения разделяет А. Х. Халиков¹⁴.

Еще два бронзовых предмета найдены во время исследования средневековых курганов около с. Никольское Вашкинского района Вологодской области (раскопки Н. А. Макарова). Курганы расположены на правом берегу р. Кемь, недалеко от ее впадения в Белое озеро. Это северный берег озера. В засыпке кургана, у его основания найден бронзовый нож, второй обнаружен у его основания. Оба орудия имеют близкое сходство с ножами из Сейменского могильника, где представлены простые широкие ножи с выделенным черешком¹⁵. Отличная особенность подобных ножей, их форма в виде короткого плоского клинка, черешок короткий, у некоторых образцов из Сейменского могильника сохранились остатки деревянной рукоятки. Нож из Никольского полностью повторяет сейменские образцы, но он меньшего размера (рис. 1, 7).

Особенного внимания заслуживает второй нож из Никольского. Он плоский, с выделенным черешком и характерными зубчиками на лезвии, острый конец сломан. Подобные ножи — пилки до сих пор были найдены только в самом Сейменском могильнике, где они тоже представлены всего 3 экз.¹⁶ Что касается простого ножа с черешком, то, несмотря на простоту формы, подобные изделия имеют ограниченный ареал и локализуются в сейменской культуре, а отдельные находки известны в Приуралье. В отличие от них нож из Никольского укороченных пропорций. Если говорить о возрасте находок, то они твердо датируются сейменским хронологическим горизонтом.

Отдельные изделия из металла происходят из случайных сборов у д. Морозово Вельского района Архангельской области¹⁷. Среди них плоский нож овальной в плане формы, длиной 12,5 см, шириной 2,7 см. Второй нож сломан по концам, его форма неясна. Кроме них, в коллекции короткое и узкое долото с квадратным сечением (рис. 1, 3). У второго подобного орудия сильно разбитый рабочий конец (рис. 1, 4). Для определения возраста находок может служить только нож. По форме он относится к довольно распространенной категории орудий, но имеет своеобразные пропорции, максимальное расширение приходится на первую треть, ближе к боевому концу (рис. 1, 5)¹⁸. В сочетании с плавными очертаниями изделия без выделенного черешка нож из Морозово приобретает вполне своеобразную форму, аналогии которой могут быть указаны в Приуралье, и поздняяковской культуре и Турбинском могильнике¹⁹, хотя абсолютного сходства в них нет. Вероятно, находки у д. Морозово Архангельской области тоже следует отнести к турбинско-сейменскому времени.

На р. Вологде, недалеко от ее впадения в р. Сухону, недавно открыт ряд стоянок, в том числе относящихся к эпохе бронзы²⁰. Представляет интерес стоянка Векса I, расположенная на левом берегу Вологды, выше впадения в нее р. Вексы. Здесь в глинистых отложениях высокой поймы хорошо сохранились культурные слои разного времени. При раскопках стоянки Векса I (вскрыто 32 кв. м, раскопки И. Ф. Никитинского) обнаружено, что под дерном, мощным слоем поселения позднекаропольской культуры и стерильной прослойкой глины мощностью 15 см сохранился культурный слой стоянки эпохи бронзы с характерной керамикой и кремневыми изделиями. Большая коллекция находок этого времени собрана на берегу на размытой части стоянки.

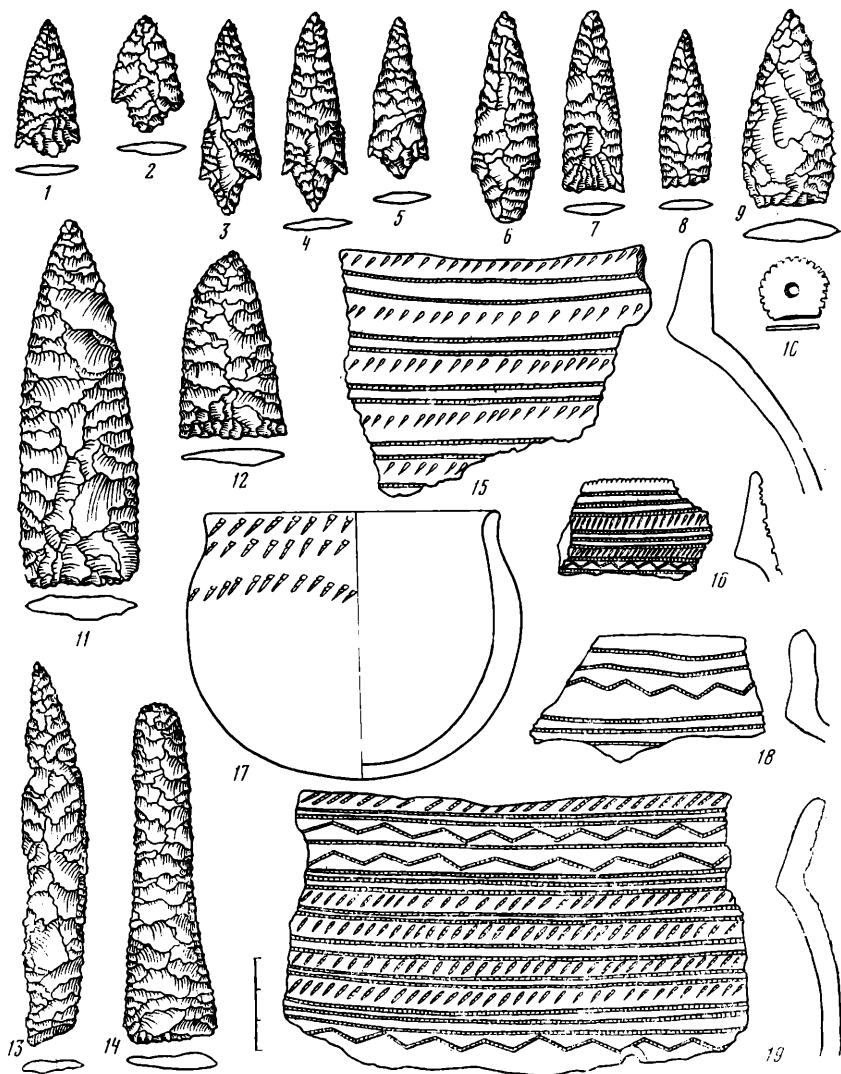

Рис. 2. Керамика и кремневые орудия (1—17). Стоянка Векса 1

Кремневые орудия Вексы I (нижний слой) сделаны из красного и желтовато-коричневого кремня очень хорошего качества. Они отличаются высоким уровнем обработки, что вообще свойственно орудиям эпохи бронзы. Среди них ряд наконечников типичной формы, с выделенными жальцами и коротким треугольным насадом (рис. 2, 1—5). Такие наконечники известны среди находок на сейменской дюне на Оке. В археологической литературе они получили название сейменских (тип II, по О. Н. Бадеру)²¹. Разновидностью классической сейменской формы является крупный наконечник стрелы из Вексы I с тупым треугольным черешком и едва намеченными жальцами (рис. 2, 6).

Кремневые наконечники стрел с прямым основанием и одним слегка оттянутым углом, плоские, прекрасно ретушированные представлены среди находок Вексы I несколькими экземплярами. Особенно тщательно, длинными правильными фасетками обработано их основание (рис. 2, 7, 8). В общем эта форма довольно распространенная, но такие наконечники тоже встречены на Сейменской дюне. О. Н. Бадер считал, что эти изделия происходят непосредственно из погребений Сейменского могильника и выделил их в отдельный тип I²². Кремневые наконечники стрел с прямым основанием найдены и в Турбинском могильнике²³.

В Вексе I (нижний слой) найдено несколько кремневых ножей, отличающихся совершенством обработки и четкой формой, что само по себе заставляет относить их к эпохе бронзы, когда лучшие кремневые изделия нередко подражали форме металлических образцов. В этом плане особенно показателен нож с расширением в первой трети, ближе к острию, у которого выделена рукоять и приподнято острие (рис. 2, 13). Два других ножа были приспособлены, скорее всего, для резания, поэтому у них закругленный конец и тщательно обработанные приостряющей ретушью рабочие лезвия (рис. 2, 12, 14). Заслуживает внимания короткий асимметричный нож со скошенным концом и прямым основанием, обработанным крутой ретушью (рис. 2, 12). По форме и способу обработки, а также в деталях, таких, как направление ретуши у основания и по лезвиям, он идентичен кремневым ножам Сейменского и Турбинского могильников²⁴.

Среди кремневых изделий Вексы I следует упомянуть еще большой наконечник копья с прямым основанием и плоской двусторонней обработкой поверхности. По форме орудие совершенно отлично от неолитических наконечников копий, известных на этой территории прежде, для них характерна листовидная форма. От ножей наконечник копья из Вексы I отличается вытянутыми пропорциями и симметричностью, а главное его сечение представляет собой правильный узкий овал (рис. 2, 11).

Керамика из нижнего слоя Вексы I представлена серией фрагментов разного размера, в том числе и крупных, которые дают основания для суждения о форме. Кроме того, найдена половина небольшого круглодонного сосуда, по которому может быть реконструирована форма (рис. 2, 17). Очевидно, посуда была круглодонной, с выпуклыми боками и прямым горлом, в ряде случаев она имела вид раструба. У основания горловины, в месте перехода к тонким выпуклым бокам, часто бывает характерное расширение (рис. 2, 15—19). Керамическое тесто содержит примесь органических веществ, в некоторых случаях видна перегоревшая раковина. Черепки светлые или желтые, пористые. Орнамент выполнен тонкой гребенкой или мелкими овальными оттисками зубчатого штампа. Узор состоит из горизонтальных поясов, нанесенных наклонным зубчатым штампом, нередко пояса состоят из прямых или зигзагообразных линий из тонкого гребенчатого штампа. Орнамент покрывает только шейку сосуда, часто с двух сторон, и плечики, а тулово неорнаментировано (рис. 2, 17, 19).

Аналоги описанной керамике известны среди материалов, собранных на Сейменской дюне. Подобную посуду О. Н. Бадер сопоставлял с могильником, а маленький сосуд из погребения, зарисованный в 1915 г. А. П. Мельниковым и опубликованный О. Н. Бадером²⁵, по форме близок реконструированному сосуду из Вексы I. Среди керамики, которую относят к чирковско-сейменской культуре, встречаются сосуды, по форме и орнаменту имеющие много общего с широкогорлой посудой Вексы I. Это относится только к керамике, которую А. Х. Халиков выделил в группу IV, тип I и назвал чирковско-сейменской, или просто сейменской²⁶. В свое время О. Н. Бадер обращал внимание на широкое распространение подобной керамики в эпоху бронзы по лесной зоне Восточной Европы²⁷. Как видим, это распространение оказалось значительным и достигало северных районов.

Завершая описание находок в нижнем слое Вексы I, отметим, что все аналогии этим материалам сосредоточены в Сейменском могильнике. Это дает основания для установления общей хронологии. Как отдельные находки у Белого озера, у с. Никольское и около д. Морозово, так и стоянка Вексы I под г. Вологда относятся к одному времени, а именно к сейменско-турбинскому хронологическому горизонту. Хотя в оценке абсолютных дат отдельных памятников, а также нижней и верхней границ этого условного периода между исследователями существуют известные разногласия, в общих чертах распространение бронзы и вещей сейменско-

го типа относится к середине II тысячелетия до н. э. Существует мнение, что нижняя граница сейменского хронологического горизонта относится к XVI в. до н. э.²⁸, а верхняя может доходить до XIII в. до н. э.²⁹

По этому вопросу существует большая специальная литература. В уточнении хронологии Турбинского, Сейменского могильников и всего хронологического горизонта приняли участие О. Н. Бадер, М. Гимбутас, Е. Н. Черных, В. А. Сафронов и многие другие ученые. Определяя возраст перечисленных выше новых материалов эпохи бронзы, вероятно, не стоит обращаться к спорным вопросам. Здесь важно отметить общее сходство наших находок с материалами сейменского времени, особенно близкие аналогии наблюдаются непосредственно с Сейменским могильником, что позволяет предполагать известную близость этих материалов в хронологическом и культурном отношении. Таким образом, возраст стоянки Векса I (нижний слой) и других находок эпохи бронзы на Севере определяется XVI или XV вв. до н. э. Если для древностей сейменского типа датой является XVI в. до н. э., то на Севере распространение подобных древностей могло происходить позднее, например в XV в. до н. э.

Сложной проблемой является осмысление новых материалов в культурно-историческом плане. Если допустить, что древности сейменско-турбинского типа принадлежали единой в этно-культурном отношении группе населения, то можно предположить, что в конце XVI—XV вв. до н. э. на Север Европейской части СССР начало проникать население, пришедшее с юго-востока. Основная территория его распространения охватывала обширный регион, включающий Среднюю Волгу, бассейн Камы, нижнюю Оку. В пользу такого решения свидетельствует тот факт, что памятники, подобные Вексе I, и отдельные находки встречаются только в самых южных районах Восточного Прионежья, там, где левые притоки Волги ближе всего подходят к верхнему течению Сухони и большому озеру Севера. Таким образом, намечается путь возможного передвижения населения. Остается не совсем ясным, имело ли место такое продвижение в действительности, слишком мал фактический материал. Возможно и другое решение вопроса. Не исключено, что отдельные вещи, особенно бронзовые изделия, оружие из бронзы, распространялись на значительные пространства путем обмена и попадали к местному населению, существовавшему на своих исконных территориях с глубокой древности. В пользу такого решения вопроса говорят следы бесчисленных передвижений вещей в разные исторические периоды и на огромные расстояния. Возможно, что продвижение населения по левым притокам Волги в таежные районы Севера приводило к оживлению торговых обменов и распространению отдельных типов вещей.

Таким образом, постепенно выясняется, что на Севере Восточной Европы бронзовый век не был временем обезлюдения. Здесь проходили те же исторические процессы, что и в других регионах Европы. Об этом можно судить по новым находкам, число которых по мере расширения исследований в таежных районах Севера должно увеличиваться.

¹ Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, с. 5.

² Фосс М. Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура». — КСИИМК, 1949, вып. 29.

³ Брюсов А. Я. История древней Карелии. — Тр. ГИМ, 1940, вып. IX, с. 141—151; Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. — МИА, 1951, № 20, с. 142.

⁴ Шмидт А. В. О хронологии доклассового общества. — Пробл. истории материальной культуры, 1933, № 7/8, с. 16; Фосс М. Е. Древнейшая история Севера

Европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29, с. 204.

⁵ Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. — МИА, 1961, № 87, с. 85—86; Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л., 1964.

⁶ Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972, с. 40—87; Канивец В. И. М., 1974, с. 12—52; Савватеев Ю. А. Залавруга. Л., 1977, ч. II, с. 295.

⁷ Белозерский краеведческий музей, № 678, 679.

⁸ Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978, с. 129, 130.

- ⁹ *Ошибкина С. В.* Могильник Пески в Вологодской области.— КСИА, 1971, вып. 129, с. 65.
- ¹⁰ *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 100, рис. 21, Б.
- ¹¹ *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 130 (№ 1795), рис. 45, 21.
- ¹² Там же, с. 94, 95, 102, 103, 114.
- ¹³ *Бадер О. Н.* Бассейн Оки..., с. 143.
- ¹⁴ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 199.
- ¹⁵ *Бадер О. Н.* Бассейн Оки..., с. 117, рис. 43, 44.
- ¹⁶ Там же, с. 117, рис. 53, 54.
- ¹⁷ Вельский музей, № 154, 155, 156, 157.
- ¹⁸ Следует заметить, что по форме короткие дулезвийные ножи с узким овалом в сечении похожи на наконечники копий или дрогинок простой формы. Кремневые изделия аналогичной формы обычно классифицируют именно так.
- ¹⁹ *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия..., рис. 56, 29, 33, 37, 38.
- ²⁰ Стоянки открыты И. Ф. Никитинским
- ²¹ *Бадер О. Н.* Бассейн Оки..., рис. 60; 1—3.
- ²² Там же, рис. 60, 4, 5, 7.
- ²³ *Бадер О. Н.* Первый турбинский могильник.— КСИА, 1965, вып. 100, рис. 23.
- ²⁴ *Бадер О. Н.* Бассейн Оки..., рис. 61; *Он же.* Новые раскопки Турбинского 1 могильника.— Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции. М., 1959, с. 63—86; *Он же.* Первый турбинский могильник..., рис. 23.
- ²⁵ *Бадер О. Н.* Бассейн Оки..., рис. 64, 80.
- ²⁶ *Халиков А. Х.* Древняя история..., рис. 46, 10—18, с. 198.
- ²⁷ *Bader O.* Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland.— SMYA, 1957, 59, 1.
- ²⁸ *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия..., с. 94, 95.
- ²⁹ *Бадер О. Н.* Первый турбинский могильник..., с. 60; *Он же.* Бассейн Оки..., с. 143; *Халиков А. Х.* Древняя история..., с. 198.

Г. Б. ЗДАНОВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ АНДРОНОВСКОМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЕДИНСТВЕ

Первые исследователи рассматривали андроновские памятники на всей территории степей и лесостепей от Урала до Енисея в рамках одной археологической культуры¹. В последние полтора-два десятилетия широко распространение получила гипотеза о двух генетических стволах «в андроне — алакульском и федоровском»². При этом авторы опираются на целый ряд доказательств, важнейшими из которых являются данные стратиграфического и планиграфического характера.

На факте совместного залегания федоровской и алакульской посуды у очага на межземляночной площадке пос. Кипель³ и аналогичных сведениях, полученных на поселениях бронзового века Притоболья⁴, основывается сегодня точка зрения о сосуществовании федоровских и алакульских комплексов и о самостоятельности двух культур, генетически не связанных между собой. Этому, казалось, не противоречат и данные могильников, когда под одной насыпью встречаются сосуды с алакульскими и федоровскими чертами⁵.

На основании соотношений культурного слоя поселения Камышное I и погребений могильника Камышное Т. М. Потемкина делает вывод о позднем появлении петровских (абашевских) элементов в лесостепном Притоболье и о различных культурных традициях алакуля и петровки⁶. Если добавить к этому «определяющий западный импульс» в становлении культур средней бронзы, по Е. Е. Кузьминой⁷, то в итоге для Урало-Казахстанских степей складывается картина бесконечных перемещений различных по происхождению и культуре человеческих коллективов. Особенно ярко последняя точка зрения прозвучала на совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности, которое состоялось в Куйбышеве в феврале 1982 г. (доклады В. С. Стоколоса, В. Ф. Генинга и И. И. Чередниченко).

Мы не можем согласиться с подобной трактовкой исторических процессов, происходящих в срединном регионе Евразии в эпоху бронзы.

Настоящая статья является кратким изложением доклада, прочитанного автором на секторе неолита и бронзы ИА АН СССР 13 января

1983 г. Ее цель — информация о фактах зафиксированной прямой стратиграфии на поселениях и могильниках бронзового века степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Считаю возможным ознакомить специалистов с обобщенной схемой развития культур эпохи бронзы отмеченного региона в нашем сегодняшнем понимании. Это не итог, а одно из направлений исследований, которые ведутся сотрудниками Урало-Казахстанской (Северо-Казахстанской) археологической экспедиции (УКАЭ—СКАЭ, Челябинск—Петропавловск) *.

В истории изучения андроновской культурно-исторической общности не так уж много установленных фактов прямой стратиграфии при многочисленных многослойных поселениях. Это связано со спецификой культурных напластований, состоящих из рыхлых зольников, и отсутствием стерильных гумусовых прослоек.

Фактически нет в «андроне» и курганной стратиграфии. Здесь не было традиций впускных погребений.

Невозможность определения последовательности сооружений могильных ям в одном погребальном комплексе связана и с особенностями надмогильных конструкций. Сложенные из земли и дерна, они располагались непосредственно над центральными погребальными камерами. Последующие захоронения делались в грунтовых ямах, вырытых вокруг основания центрального сооружения. Таким образом, единой земляной курганной насыпи первоначально не существовало. Она является результатом позднейшего разрушения центральной надмогильной конструкции и, естественно, не содержит сведений о стратиграфии периферийных захоронений.

Выявление фактов стратиграфических напластований — это, как правило, огромная полевая удача и кропотливая лабораторная работа. На исследователя, получившего данные стратиграфического характера, ложится огромная ответственность. Реализация этих данных в науке в конечном итоге определяет все историко-культурные построения.

Коллектив УКАЭ уже много лет уделяет целенаправленное внимание поселенческой стратиграфии и истории формирования культурного слоя⁸. Практика позволила нам выработать ряд неперенных требований к полевой и лабораторной работе.

1. Культурные слои вскрываются широкими площадями с полным удалением грунта с территории раскопа. Площадь вскрытого слоя, которая может обеспечить получение надежных данных в условиях андроновских поселений, обычно должна быть не менее 500 кв. м. (раскопанная площадь на опорных поселениях УКАЭ: Петровка II — 3800 кв. м, Новоникольское I — 4952 кв. м., Саргары — 6500 кв. м, Кулевчи — 1732 кв. м).

2. Раскопы закладываются как на жилищные впадины, так и на межжилищные пространства. Это особенно важно так как котлованы полуземлянок, вырытые однажды, много раз подчищались и использовались в различные культурно-археологические эпохи. Совмещение котлованов жилищ определяется и тем обстоятельством, что начиная с алакуля архитектурная традиция почти не изменялась вплоть до раннего железного века. В таких условиях межжилищные территории часто более перспективны в плане поисков реальной стратиграфии.

3. Статистический подсчет залегания керамики по слоям ведется только по шейкам, т. е. по сосудам.

4. Для статистико-стратиграфического анализа упор делается на достаточно многочисленные культурно-типологические группы посуды. Единичные фрагменты керамики, связанные с какими-либо инокультурными влияниями или включениями, используются только ограниченно в справочном порядке.

5. Непременным условием является надежность отнесения керамики к той или иной культурной группе. Для статистических подсчетов не

* В докладе и статье использованы материалы Н. Б. Виноградова, В. Ф. Зайберта, С. Я. Зданович, Т. С. Малюти-

ной, Н. С. Татаринцевой, М. К. Хабдулиной и других членов археологического коллектива.

используются различные так называемые переходные типы посуды, или сосуды общеисторических форм, например банки, которые встречаются в равной степени в различных культурных комплексах. Последние почти не меняются во времени ни по форме, ни по орнаментации. Надежность выводов определяется наличием «чистых», эталонных комплексов керамики, полученных на однослойных поселениях или кратковременных однокультурных могильниках.

6. Выводы, сделанные на одном поселении, должны корректироваться параллельной работой на другом многослойном памятнике, расположенном в пределах культурно-исторического региона в сходных естественно-географических условиях.

В таблицу I сведены факты прямой стратиграфии, зафиксированные при изучении поселений Урало-Казахстанских степей. Здесь отмечены только те случаи, когда котлован жилища, содержащий какие-либо четко определяемые в культурном отношении материалы, прорезает другие инোকультурные слои или жилища. Ведущие типы керамики, которыми маркированы культурные напластования, хорошо известны в литературе. Необходимо остановиться только на нашем понимании посуды федоровско-бишкульской группы. Мы включаем в нее две подгруппы: федоровскую — столовую парадную (одновременно культовую) и бишкульскую — кухонную и производственно-хозяйственную. Первая представлена «классическими» горшками с плавной профилировкой тулова и пышной гребенчатой орнаментацией, вторая — разнообразными горшечно-баночными сосудами, украшенными зигзагами, каннелюрами, поясками наклонных линий, выполненных плоским, реже — гребенчатым штампами⁹.

Для эпохи средней бронзы, как видно из рис. 1, наиболее ранними являются слои, содержащие петровскую посуду. Она залегает в нижних горизонтах ряда многослойных поселений Южного Зауралья и Северного Казахстана: Кулевчи III¹⁰, Рымникское (Синташты)¹¹, Конезавод¹², Петровка II¹³, Новоникольское I¹⁴. Единственным стационарно исследованным однослойным поселением петровского типа является пос. Семнозерное в Кустанайском Притоболье¹⁵. Слои с петровской керамикой прорезаются алакульскими постройками (пос. Петровка II, пос. Кулевчи III).

Наиболее мощные напластования, содержащие федоровско-бишкульскую посуду, известны по поселениям Новоникольское I в Петропавловском Приишимье и Атасу в Центральном Казахстане. Слои с федоровско-бишкульской керамикой залегают выше алакульских и петровских (пос. Петровка II, пос. Новоникольское I). Слои с саргаринской («валиковой») керамикой перекрывают или прорезают все предыдущие напластования эпохи бронзы¹⁶. На определенных этапах развития культурных комплексов сосуществует посуда черкаскульская и федоровско-бишкульская, межовская и саргаринская, саргаринская и бегазыдан-дыбаевская. Следует особо отметить стратиграфии пос. Усть-Кенетай¹⁷ и пос. Родионовка¹⁸, где представлены только два слоя — ранний федоровско-бишкульский и поздний саргаринский. Такую же последовательность напластований фиксирует М. К. Кадырбаев на пос. Атасу¹⁹. Правда, на последнем памятнике есть в значительном количестве и алакульская керамика, которая пока не имеет стратиграфического определения.

Представляется, что в рамках нового массового материала стратиграфия пос. Кипель утратила свое значение. Принципиальный спор о развитии бронзового века всей степной полосы азиатских степей, по существу, сводился к анализу 6 сосудов, залегающих у очага на межжилищном пространстве. Требования методики 70—80-х годов сводят на нет этот спор просто ввиду малочисленности материалов. Тем более что все шесть сосудов у кипельского очага относятся к одной группе — федоровско-бишкульской. Эти сосуды свидетельствуют не о сосуществовании «федорова» и «алакуля», а о неразрывном культурном единстве федоровско-

бишкульского комплекса как неразрывно сосуществование на поселении любой культуры столовой парадной, столовой бытовой, кухонной и хозяйственно-производственной посуды.

Стратиграфические выкладки, сделанные Т. М. Потемкиной по поселениям Притоболье, вероятно, дают несколько искаженную картину как раз за счет неправильного понимания состава посуды федоровской культуры.

На пос. Язеве I, Камышное II, Камышное I и других исследовательница наряду с многочисленной алакульской посудой выделяет небольшую группу федоровской керамики, которая составляет всего 3—10% от общего количества фрагментов²⁰. Наш опыт работы на поселениях Южного Зауралья и Северного Казахстана свидетельствует, что посуда с пышной (федоровской) орнаментацией нигде не встречается как самостоятельное явление. Представляется, что бытовая керамика федоровско-бишкульской культуры отнесена к алакульским комплексам, с которыми ее сближают элементы и техника орнаментации. Это тем более вероятно, что по мелким поселенческим фрагментам бишкульские формы посуды читаются очень плохо. Последняя ошибка и привела Т. М. Потемкину к неправильному, с нашей точки зрения, выводу о совместном залегании федоровской и алакульской посуды.

Обратимся теперь к данным планиграфии и стратиграфии могильников. Насколько они соответствуют или противоречат материалам поселений?

Использование материалов поселений и могильников для выводов по относительной хронологии не может быть однозначным. В отличие от поселений, где формирование культурного слоя идет естественным путем, погребальные памятники создаются преднамеренно. Элементы погребальной обрядности и все конструктивные детали могил и могильных полей создавались исторически в рамках обслуживания идеологической сферы. Погребальные комплексы — это особый вид археологических источников, который требует разработанной системы критического анализа.

В степной полосе Урало-Иртышского междуречья мне известны два случая наложения могильных ям, содержащих различные в культурном отношении материалы бронзового века. Это могильник Графские Развалины, курган I, погребения 2, 3²¹ и могильник Кенес, курган 2, яма 10²². В обоих случаях погребения с алакульской керамикой прорезают петровские могильные ямы. Зафиксированные факты соответствуют стратиграфической колонке поселений и не вызывают сомнений. Другое дело — планиграфия погребальных комплексов. Исследователи неоднократно отмечают наличие под одной насыпью погребений с разнокультурной керамикой или совместное залегание различных типов посуды в одной могильной яме²³. Обычно речь идет о взаимовстречаемости алакульских и федоровских, или алакульских и петровских сосудов*. Последние факты могут получать различные объяснения.

Во-первых, единство этногенетического развития предполагает наличие самых разнообразных переходных явлений при перерастании одной культуры в другую и длительное сосуществование старых и новых форм. Во-вторых, расположение погребальных ям под одной курганной насыпью еще не свидетельствует о том, что все они сооружены в одно и то же историческое время. Я уже останавливался на конструктивных особенностях андроновских погребальных комплексов. Однако при анализе материалов и выявлении хронологической последовательности сооружения могильных ям следует иметь в виду, что оформление планировки периферийных погребений не могло занимать длительного отрезка време-

* Чаще всего это сочетание различных, так называемых «переходных» типов керамики.

←

Рис. 1. Ведущие типы керамики и соотношение культурных слоев на поселениях эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей

ни. Оно должно было завершаться до начала активного процесса разрушения земляной центральной надмогильной конструкции. В противном случае в «насыпи» бы читалась стратиграфия поздних впускных захоронений.

При датировке погребальных комплексов необходимо учитывать соотношение традиций и новаций на различных этапах развития археологических культур. Приведу несколько примеров. В могильнике Степное из центральных погребений и грабительских вкопов (т. е. тех же центральных ям) происходят сосуды с ярко выраженными петровскими, или, как отмечает В. С. Стоколос абашевскими чертами²⁴. Из насыпей и из периферийных ям получена посуда, и по форме и по орнаменту относящаяся к поздней петровке. В могильнике Кулевчи VI на раскопе 4 зафиксированы две крупные могильные ямы (№ 1, 5), вокруг которых концентрировались погребения, расположенные по кругу²⁵. Из центральных ям происходят сосуды позднепетровского времени. Периферийные ямы содержали позднепетровскую и раннеалакульскую посуду, причем некоторые раннеалакульские горшки перекрыты крышками, изготовленными из сосудов с яркими чертами, характеризующими керамику среднего этапа алакульской культуры. Примерно такая же картина прослеживается в кургане 2 могильника Кенес²⁶. Время функционирования подобных памятников должно маркироваться по самым поздним находкам. Могильник Степное следует датировать не петровским, а позднепетровским временем, курган 2 могильника Кенес можно отнести к раннему алакулю, раскоп 4 могильника Кулевчи VI — к развитому алакулю, несмотря на находки в центральных ямах характерной петровской керамики.

Своеобразие керамических наборов центральных и периферийных погребений обусловлено, вероятно, социально-возрастным положением умерших. В то же время перед нами яркое проявление культурного традиционализма в погребальном обряде — на поселении, в быту, давно употребляется новая (алакульская) посуда, а в погребения ставят в основном посуду старых традиционных форм. Последняя уже не используется для повседневных бытовых и хозяйственных нужд, и сам факт ее бытования определяется ритуальными целями. Наибольший разрыв между ритуальной (погребальной) и хозяйственно-бытовой посудой характерен для федоровско-бишкульских керамических комплексов. Насколько можно судить по материалам культурного комплекса Саргарлы посуда на поселениях и могильниках заключительного этапа бронзового века тоже отличается между собой по целому ряду признаков. Таким образом, при создании схем относительной и абсолютной хронологии нельзя пользоваться только набором вещей из могильников, необходимо учитывать весь комплекс признаков, характеризующих погребальный обряд, и корректировать полученные выводы с материалами поселений.

Анализ поселенческих слоев показывает, что культурные напластования имеют одну и ту же последовательность и в целом отражают единую динамику и непрерывность в развитии культур бронзового века урало-казахстанских степей. Не противоречат этому и материалы погребальных сооружений и все многообразные комплексы вещевого инвентаря. Мы считаем возможным говорить о существовании в эпоху бронзы на территории степной полосы Урало-Иртышского междуречья четырех культур бронзового века: петровской, алакульской, федоровской, саргаринской (рис. 2). Указанные культуры генетически связаны между собой и существовали в рамках андроновской культурно-исторической общности. При этом под культурой мы подразумеваем группу памятников, расположенных на относительно ограниченной территории, близость которых наиболее конкретна и проявляется в полном сходстве керамики, наборов женских украшений, погребальных обрядов, в планировке и архитектуре поселков. Такая группа памятников оставлена родственными по происхождению племенами, которые связаны постоянными контактами между собой и находятся на определенном этапе социально-экономиче-

	Археологические культуры	Памятники		Поселения						Могильники					
		Этапы		Кулевчи III	Боголюбово	Бишкуль IV	Саргары	Петровка IV	Новоникольское I	Алакульский	Боровое	Семипалатное	Амангельды	Берлик	Кенес
Поздняя бронза XIV, XIII, XII, VII, III, II вв. до н.э.	Саргаринская культура	ранний поздний													
		средний													
		ранний	Явленский												
	Федоровско-бишкульская культура	ранний поздний													
		средний													
		ранний	Кожумбердинский амангельдинск.												
Средняя бронза XIII, XII, VIII - VII вв. до н.э.	Алакульская культура	ранний поздний													
		средний													
		ранний	Кулевчинский												
	Петровская культура	ранний поздний													
		средний													
		ранний													

Рис. 2. Развитие культур андроновской культурно-исторической общности и место отдельных памятников в системе относительной хронологии

ского развития. Качественные отличия одной культуры от другой на их развитых этапах заключаются не в том, что в одной культуре больше одних вариантов какого-либо признака, а в том, что каждая конкретная культура характеризуется комплексом признаков, присущих только данному археологическому образованию.

Наблюдения за историей формирования поселенческих слоев убеждают в значительной оседлости населения эпохи бронзы. При господствующей форме комплексной экономики — оседлом пастушеском скотоводстве и земледелии — топография андроновских поселений определяется прежде всего последним фактором — возможностью ведения ключевого или лиманного земледелия. Любая природная ниша, хоть в какой-то степени отвечающая требованиям земледельческого хозяйства, была освоена и

максимально использовалась в андроновскую эпоху. Перемещения человеческих коллективов происходили только в рамках относительно ограниченных территорий, и их целесообразность и необходимость определялись в первую очередь истощением почв на активно обрабатываемых земельных участках или изменением климатических условий. Развитие культур эпохи бронзы Урало-Иртышского междуречья, тесно связанное с западными и восточными культурами евразийских степей, тем не менее определялось не внешними импульсами, а прежде всего собственной внутренней динамикой. Все иновлияния и включения нивелировались и растворялись в колоссальном по масштабам территориальном и культурном андроновском массиве. При этом в наиболее «чистом» виде сохранилась глубинная его часть — Тоболо-Иртышское междуречье.

Максимальное усыхание степей, которое падает на конец алакульской и на федоровско-бишкульскую культуры, определяет рост подвижности человеческих коллективов. Неблагоприятные климатические условия способствуют продвижению значительных масс позднеалакульского и федоровского населения на восток до Енисея, на юг — к древним земледельческим оазисам, на север — в более влажные зоны у пограничной кромки таежных лесов. Тесное взаимодействие с местным населением освоенных районов приводит здесь к формированию своеобразных «андроидных» культур. Ко времени становления федоровско-бишкульской культуры сокращаются только западные границы андроновского ареала. Часть традиционной петровско-алакульской территории южноуральских степей занимает срубное население.

Как уже отмечалось, приведенная выше схема развития культур с их переходными этапами — это одно из направлений исследований. В настоящее время еще не открыты постбатайские, постсуртандинские и раннепетровские памятники. Пока остается не разработанной динамика развития федоровско-бишкульских комплексов, едва намечаются переходные формы от федоровско-башкульской к саргаринской культуре. Однако приведенная рабочая схема в целом не противоречит основным материалам по андроновской проблеме.

¹ *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае. — В кн.: *Материалы по этнографии*. Л., 1927, т. III, вып. II, с. 90; *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. — В кн.: *Казаки: Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик*. Л., 1927, вып. II, с. 208; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. — МИА, 1949, № 9, с. 55, 61.

² *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры. — В кн.: *Проблемы археологии Урала и Сибири*. М., 1973, с. 152; *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 132, 144; *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири. — СА, 1965, № 2, с. 244.

³ *Стоколос В. С.* О стратиграфии поселения Кипель. — СА, 1970, № 3, с. 194—196.

⁴ *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976, с. 17; *Она же.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобосе. — КСИА, 1976, вып. 147, с. 103.

⁵ *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Погребения эпохи бронзы Новокумакского могильника. — КСИА,

1964, вып. 101, с. 140—141; *Стоколос В. С.* Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки II. — Тр. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1968, с. 209—220; *Потемкина Т. М.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов. — В кн.: *Из истории Сибири*. Томск, 1973, вып. 7, с. 53—64.

⁶ *Потемкина Т. М.* О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье. — КСИА, 1982, вып. 169, с. 52, 53.

⁷ *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 51.

⁸ *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I. — В кн.: *Археологические исследования в Казахстане*. Алма-Ата, 1973, с. 113—127.

⁹ *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАУ, 1973, вып. 12, с. 22—46.

¹⁰ *Виноградов Н. Б.* Кулевчи III — памятник петровского типа Южного Зауралья. — КСИА, 1982, вып. 169, с. 94—100.

¹¹ *Генинг В. Ф., Прягин А. Д.* Сянташтинское поселение. — АО 1974 г. М., 1975, с. 147.

¹² *Евдокимов В. В.* Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Прито-

- ооля.— ВАУ, Свердловск, 1975, вып. 13, с. 111.
- ¹³ *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишмыя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 9, 10.
- ¹⁴ *Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (раскопки 1970 г.).— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15, с. 61—68.
- ¹⁵ *Евдокимов В. В., Логвин В. Н., Бурнаева В. Д.* Исследования в Верхнем Притоболье.— АО 1974 г. М., 1975, с. 484, 485.
- ¹⁶ *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I..., с. 113—127.
- ¹⁷ *Евдокимов В. В., Ткачев А. А.* Работы Карагандинского отряда.— АО 1978 г. М., 1979, с. 532.
- ¹⁸ Раскопки Т. С. Малютиной в 1982 г. (УКАЭ).
- ¹⁹ Доклад М. К. Кадырбаева, прочитанный на II андроновском совещании в апреле 1980 г. (Петропавловск-Челябинск).
- ²⁰ *Потемкина Т. М.* Культура населения..., с. 9—16.
- ²¹ *Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., Бухонин А. А.* Исследование могильника Графские Развалины в Северном Казахстане. Отчет УКАЭ за 1980 год, т. 4.— Архив СКМ.
- ²² *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс у с. Кенес.— В кн.: Вопросы истории языка и литературы. Караганда, 1976, с. 153—162.
- ²³ *Потемкина Т. М.* К вопросу о соотношении..., с. 53—64; *Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э.: К вопросу о периодизации андроновской культуры.— Тр. ГИМ, М., 1960, вып. 37, с. 56—59.
- ²⁴ *Стоколос В. С.* Курганы эпохи бронзы у с. Степного.— В кн.: Краеведческие записки. Челябинск, 1962, вып. 1, с. 5—20.
- ²⁵ *Виноградов Н. Б.* Отчет об исследовании культурного комплекса Кулевчи III, VI в Варненском районе Челябинской области. Отчет УКАЭ за 1980 год.— Архив ИА АН СССР, р-4, № 8233, л. 36—51.
- ²⁶ *Зданович Г. Б.* Раннеалакульский погребальный комплекс..., с. 153—162.

Ю. С. ГРИШИН

О ДВОРЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

В результате значительных работ читинских археологов последних лет в лесостепных районах Восточного Забайкалья, преимущественно в долинах рек Ингоды и Шилки, фактически примыкающих к таежной зоне, были открыты своеобразные памятники. Это могильники в местности Дворцы близ Читы, где исследовался могильник, давший название рассматриваемой культуре, а также у сел Александровка и Калиновка и станции Дарасун. Судя по опубликованным кратким данным¹, внешне погребения этих могильников представляли собой крупные, до 6—8 м в диаметре, каменные выкладки курганного типа овальной или подпрямоугольной в плане формы, под которыми имелись глубокие могильные ямы, плотно забутованные камнем. Покойники лежали в них на спине в вытянутом положении с ориентировкой головой на восток. В погребениях были обнаружены черепа животных, в количестве ст 3 до 30, преимущественно принадлежавших домашним видам, таким, как лошадь, корова и баран, и лишь изредка диким — изюбрю и косули. При этом зафиксировано, что они, как правило, укладывались мордой вниз, образуя круг, внутри которого находился скелет покойника.

Только в одном погребении у ст. Дарасун черепа лежали в два ряда в изголовье и в ногах погребенного.

В каменных кладках и забутовке могильных ям были обнаружены фрагменты толстостенных глиняных сосудов. По имеющимся данным удалось восстановить сравнительно крупные чанообразные плоскдонные сосуды до полуметра высотой. Внешняя поверхность их была либо заглажена, либо покрыта отпечатками перевитого шнура, а верхняя часть также украшена налепными рассеченными валиками. Судя по некоторым опубликованным И. И. Кирилловым рисункам², к памятникам дворцовой культуры отнесены также небольшие баночные сосуды на небольшом поддоне, украшенные рассеченными валиками, и близкого им типа плоскдонные горшки со слегка расширенной горловиной, а также сосу-

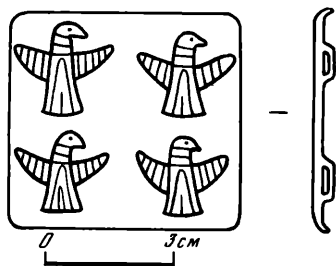

Рис. 1. Бляха с изображением птиц

изделиями. Это карасукских типов ложечковидные подвески и двух- и трехъярусные полушарные накладки, а также подвески другого типа в виде длинной узкой ложечки не с расширенным, а с суженным концом, украшенные рельефным змеевидным или спиральным орнаментом. Одна из последних, наиболее массивная, является округлой, а не приостренной и более глубокой и в значительной мере напоминала некоторые бронзовые изделия, известные из гуннских памятников Забайкалья³. Кроме того, были обнаружены разных размеров выпукло-вогнутые полушарные пуговицы-бляшки с петелькой с внутренней стороны, спиральные кольца из медной и золотой проволоки и прямоугольные плоские бляхи, украшенные на одной из плоскостей четырьмя птицами с распростертыми в полете крыльями и головами, повернутыми в одну сторону, переданными в виде углубленных линий, а на другой — имеющими петли-ушки для крепления. Тулово и крылья птиц в свою очередь орнаментированы углубленными полосами (рис. 1). В целом они аналогичны изображениям целого ряда птиц, известных из пазарыкских курганов Алтая, хронологически относимых исследователями к скифо-тагарскому или гунно-сарматскому времени, причем их появление в степях Евразии является сравнительно поздним, с V—IV вв. до н. э. и уж во всяком случае не ранее VI в. до н. э.⁴ Среди металлических изделий рассматриваемой культуры следует отметить и сильно схематизированную фигурную бляшку в виде скачущего животного, скорее всего оленя, с возвышающимися над спиной отходящими от головы длинными рогами, с подогнутыми ногами и спиральным завитком на груди.

Костяные же предметы из погребений представлены четырехгранными в сечении наконечниками стрел с плоским черешком. Обнаружены также и боченковидные бусы из зеленого минерала, имеются бусы и цилиндрической и мелкие колючкообразной формы. Каменные изделия редки: встречены оселок для заточки орудий, нуклеусы, мелкие скребочки и отщепы.

И. И. Кириллов, обосновывая выделение рассматриваемых памятников в особую дворцовую культуру, отмечает, что при ряде общих черт сходства с погребениями культуры плиточных могил они отличаются от последних совокупностью основных признаков погребального обряда и инвентаря⁵. Возможно, это так. Тем не менее следует заметить, что сравнивать между собою материалы дворцовых погребений и плиточных могил надо с большой осторожностью, поскольку последние в отличие от первых почти полностью разграблены и, конечно, не дают нам полной картины характерного для них инвентаря. Что же касается такой важной особенности погребального обряда, как выкладки вокруг покойника черепов животных, то она иногда фиксируется и в плиточных могилах, в частности в одной из них, исследованной на реке Барун-Кондуй, расположенной фактически на противоположной от района Читы оконечности степной и лесостепной зоны Восточного Забайкалья, относящейся, судя по находке в ней железной пряжки, близкой к гуннским, скорее всего, уже к гуннскому времени⁶.

Если эти факты в какой-то мере колеблют обоснованность выделения самостоятельной забайкальской дворцовой культуры, отличной от известной культуры плиточных могил, то предположенная И. И. Кирилловым ее датировка карасукским временем (XII—VIII вв. до н. э.) явно ошибочна⁷. Наличие значительного количества украшений карасукского типа, встреченных в дворцовских погребениях, еще не дает оснований относить их к этому периоду, поскольку длительное переживание их форм в раннем железном веке и даже отчасти в раннем средневековье — черта, характерная для Забайкалья, на что уже обращали внимание исследователи⁸. Вместе с тем выше уже отмечалось наличие некоторых характерных для дворцовой культуры изделий, которые имеют аналогии в памятниках скифо-тагарского или гунно-сарматского времени. Исходя из этого, выделенную И. И. Кирилловым дворцовую культуру нельзя считать, как это он делает, предшественницей культуры плиточных могил. Судя по всему, она может быть одновременна последней.

Это, конечно, не означает, что известная часть ее погребений, так же как это считается некоторыми исследователями и для культуры плиточных могил⁹, не может относиться к карасукскому времени. Культура плиточных могил, по их мнению, имеет довольно широкую датировку, включая карасукское, скифо-тагарское, а также отчасти и гунно-сарматское время. Вполне возможно, что и какая-то часть погребений выделенной дворцовой культуры, в которых встречаются только изделия карасукских типов, может также относиться к карасукскому, а не только к скифо-тагарскому и гунно-сарматскому времени.

Однако следует заметить, что хотя отмеченное мнение о широкой датировке культуры плиточных могил, начиная с карасукского времени, как будто находит подтверждение в очень близких им по конструкции погребальных памятниках, с типично неолитическим погребальным инвентарем, открытых в самое последнее время в степном Забайкалье у оз. Ножий¹⁰, все же в основном оно основывается на той же недостаточно надежной основе — наличии в ряде погребений инвентаря карасукского типа, и поэтому не может считаться в достаточной мере доказанным¹¹. Таким образом, исследованные пока еще сравнительно немногочисленные погребения дворцового типа нельзя относить только к карасукской эпохе, более надежна их датировка скифо-тагарским и гунно-сарматским временем. Вполне понятно также, что нельзя считать их и непосредственными предшественниками культуры плиточных могил еще и потому, что они занимают лишь сравнительно узкую северную окраину территории распространения последних в Восточном Забайкалье.

А это обстоятельство весьма примечательно. Вместе с фактом наличия в одном и том же могильнике захоронений типа плиточных могил, дворцовских и бархотуйских (могильник у пос. Александровка)¹² оно делает возможным и другое предположение. Не исключено, что возникновение дворцовских погребений связано с появлением в Восточном Забайкалье где-то в последних веках до нашей эры пришлого населения с юга, образовавшего путем вытеснения и частичного подчинения и ассимиляции прежних племен культуры плиточных могил новую бархотуйскую культуру. Такое мнение о сложении бархотуйской культуры в настоящее время как-будто общепризнано, при этом захоронения дворцовского типа могут быть наиболее характерными памятниками. Они являются как бы гибридными, сочетая в себе важные особенности погребений как культуры плиточных могил (восточная ориентировка покойников, обкладка их черепами животных), так и число бархотуйских (крупные курганные выкладки, глубокие могильные ямы, забутованные камнем).

Вполне может быть объяснено с этой точки зрения и обнаружение таких памятников в северной предтаежной зоне Восточного Забайкалья.

Под натиском пришельцев часть населения культуры плиточных могил была оттеснена до окраины лесостепных районов Забайкалья, за которыми лежала уже тайга. В силу особенностей скотоводческого хо-

зайства носители этой культуры вынуждены были остаться здесь и покориться завоевателям.

Возможно, об этих событиях и свидетельствуют рассмотренные дворцовские погребения. Вместе с тем совершенно ясно, что только дальнейшие более широкие исследования новых памятников дворцовского типа могут подтвердить или опровергнуть сложившиеся в настоящее время в науке представления о них.

- ⁴ *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск, 1979, с. 50—52; *Он же.* Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья.— В кн.: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979, с. 136—139; *Молотков А. И.* Новый памятник эпохи бронзы в Восточном Забайкалье.— В кн.: Тез. докл. науч.-теорет. конф. Иркутск, 1979, с. 15, 16.
- ² *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье..., с. 88, рис. 7.
- ³ *Davidova A. V.* The Ivolga Gorodishche a monument of the Hiung-nu culture in the trans-Baikal region.— Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1968, N 20, fig. 17 (20, 21).
- ⁴ *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 124, 125, табл. 30 (38—40); *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960, с. 335, 336, табл. ХСVII, 1, 2, 3, табл. СХIX, 1.
- ⁵ *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье..., с. 52.
- ⁶ *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981, с. 134, 140, рис. 47, 2.
- ⁷ *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье..., с. 52.
- ⁸ *Сосновский Г. П.* Плиточные могилы Забайкалья.— В кн.: Тр. Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л., 1941, вып. I, с. 303—308; *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, с. 105.
- ⁹ *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 42; *Окладников А. П.* Триподы за Байкалом.— СА, 1959, № 3, с. 173—181; *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков..., с. 193—194.
- ¹⁰ *Кириллов И. И.* Восточное Забайкалье..., с. 44, 45.
- ¹¹ Следует отметить, что не только украшения карасукских типов, но также и другие изделия, такие, как ножи и кинжалы карасукских форм, имеют более длительный период бытования, выходящий собственно за рамки карасукского времени, в особенности в наиболее восточных районах Южной Сибири и Центральной Азии. Ведь карасукские формы кинжалов нередко бывают изображены здесь на таких памятниках скифо-тагарского времени, как оленные камни. К тому же они фиксируются и в составе скифо-тагарских комплексов уже в Западной Монголии и в районе Среднего Енисея (Улангомский могильник и у с. Свищево близ Красноярска). В Забайкалье же еще типично карасукообразные ножи встречены вместе с тагарскими вещами в составе закаменскогоклада медно-бронзовых изделий, а в целом общее количество ножей явно карасукского облика из случайных находок здесь вообще в несколько раз преобладает над тагарскими, составляя по данным опубликованных таблиц в книге Н. Н. Дикова «Бронзовый век Забайкалья» 41 к 15 экз. Такое соотношение явно противоположно тому, что мы имеем хотя бы для Минусинской котловины, и это заставляет вполне обоснованно предполагать, что по крайней мере значительная часть забайкальских ножей карасукской формы, скорее всего, относится к скифо-тагарской эпохе. См.: *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976, с. 19, 30, табл. 2, 17; *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков..., с. 150—155; *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья табл. XXIV—XXIX.
- ¹² *Молотков А. И.* Новый памятник эпохи бронзы..., с. 15.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. А. КРАЙНОВ

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ
НА СТОЯНКЕ САХТЫШ I

На берегах древнего озера Сахтыш Тейковского района Ивановской области была обнаружена Верхневолжской экспедицией уникальная группа стоянок эпох неолита, бронзы и раннего железа. К настоящему времени здесь известно свыше 10 древних поселений. Из них наиболее исследованной является стоянка Сахтыш I. Находится она недалеко от с. Сахтыш к северо-востоку и вблизи поселка 4-й участок Тейковского торфпредприятия в урочище Малый островок. Он представляет собой сильно размывтый останец террасы, возвышающийся над окружающей его местностью примерно на 1,5 м. Расположена на правом берегу старого русла р. Койка, недалеко от ее истоков из оз. Сахтыш. Вся территория Малого островка и примыкающая к нему с севера заторфованная часть берега речки площадью около 2 га была занята древнейшим поселением. С западной стороны стоянки расположен торфяник, а с южной и восточной сторон — поле, местами заторфованное. Западный край стоянки частично разрушен торфоразработками, южный и восточный края — распашаны, а прибрежная северо-восточная торфяная часть стоянки выгорела от пожара 1972 г.

Стоянка, открытая в 1930 г. В. И. Смирновым, в 1957 г. шурфовалась Е. Н. Ерофеевой, а с 1962 г. и по настоящий момент исследуется Д. А. Крайновым. За годы раскопок (1962—1966, 1970—1978, 1981 гг.) на стоянке вскрыта площадь около 1200 м². Основные исследования велись в западной и восточной частях, так как центр ее порошен густым орешником и березами. Заторфованная прибрежная часть стоянки была прорезана вместе с руслом речки раскопами и траншеями в трех местах. Поселение распространяется и на противоположный берег речки.

Стоянка является долговременным многослойным поселением. Мощность культурного слоя различна от 50 до 200 см. В заторфованной части она больше, а на Островке (суходоле) меньше. Наибольшая мощность его наблюдалась в неолитическом большом жилище.

Многолетними исследованиями выяснена следующая стратиграфическая последовательность в расположении культурных комплексов.

1. Вверху под дерном на глубине 0—20 м в темном гумусе встречены культурные остатки ранней сетчатой, поздняяковско-абашевской, фатьяновской и поздневолосовской культур, датируемых от начала I и II тысячелетиями до н. э.

2. Ниже, в черном рыхлом гумусе на глубине 20—30 см залегали остатки волосовской культуры, относящиеся ко второй половине III тысячелетия до н. э.

3. Под волосовским слоем в серой супеси на глубине от 30 до 40 и 50 см располагались находки культур противолосовской и ямочно-гребенчатой — первой половины III и второй половины IV тысячелетий до н. э.

4. Внизу, в слое суглинка на глубине от 40—50 см и до 60—70 см

залегали вещи раннеолитической верхневолжской культуры, датированной первой половиной IV и V тысячелетиями до н. э.

Охарактеризованная нами последовательность в расположении культурных комплексов в верхних и средних горизонтах слоя часто нарушалась смешением разновременных культурных остатков в связи с хозяйственной и другой деятельностью обитателей стоянки, но несмотря на это, она может считаться достоверной, так как в ряде мест раскопов эта последовательность прослеживалась в ненарушенном виде.

В стоянке за все годы исследований обнаружено огромное количество разнообразных и разновременных вещественных остатков, исчисляемое десятками тысяч предметов, состоящих из обломков глиняной посуды, кремневых, каменных, костяных, деревянных и других изделий, а также огромного количества кухонных остатков. Наряду с этим выявлены разновременные жилища, разные хозяйственные сооружения, мастерские, погребения и «святилища».

Особый интерес представляет уникальное неолитическое жилище, исследованное в западной части стоянки¹. Оно расположено в западном конце стоянки Сахтыш I, на правом берегу древнего русла р. Койка, около ее истоков из Сахтышского озера. Жилище имело прямоугольную форму. Ориентировано с юго-запад на северо-восток почти перпендикулярно р. Койка. Его длина вместе с выходом 26 м, наибольшая ширина 7,8 м. Общая площадь около 200 м². Глубина основания жилища от современной поверхности в центре около 210 см (рис. 1, 2).

В жилище установлено четыре разновременных строительных горизонта, хорошо прослеженных и по профилю жилища (рис. 3, 4) и в плане. Пол жилища каждого горизонта характеризуется развалами сосудов, очагами, ямами, соответственным кремневым и костяным инвентарем, деревянными вещами и остатками деревянных конструкций в виде столбов, кольев, плах, слег, ветвей, бересты, сосновой коры и других остатков жилища. Эти четыре строительных горизонта дают представление о последовательной смене этапов в развитии культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и появлении волосовской культуры.

Нижний горизонт жилища

Он относится к ранней стадии развития льяловской культуры. Жилище этого времени представляло собой полуземлянку подчетыреугольной формы глубиной от уровня материка верхневолжского слоя 130—140 см и 210 см от современной поверхности. Общая площадь жилища около 120 м². Таким образом, нижняя часть жилища была вырыта в материке, состоящем из суглинка значительной твердости.

В грунте вокруг этой землянки хорошо прослеживались остатки деревянных стен в виде тлена от столбов, расположенных по краям жилища, бревен, слег, плах, ветвей и пр. По-видимому, эта наземная деревянная часть жилища имела прямоугольную форму и была достаточно высока. На дне жилища прослежены остатки центральных столбов, поддерживающих крышу, и остатки крупных деревянных слег, плах, жердей, ветвей, коры, бересты, мха и пр., хорошо сохранившихся в сыром песке, заполнявшем земляночную часть жилища.

По расположению слег и плах, лежавших продольно, и жердей с ветвями, расположенных поперек дна и в беспорядке, можно судить, что крыша была двускатной, покрытой слегами, жердями, ветвями, корой, берестой, мхом и, вероятно, «дерном»². Выход из этого жилища шириной около 2 м и длиной 4 м, прослеженный сбоку у восточной стены, фиксировался в светлом грунте следами от двойного ряда столбов и тленом от плах. Рядом в материке прослежены ступени, ведущие внутрь жилища. Не исключено, что существовал второй выход из жилища к реке.

У юго-западной стенки жилища прослежены остатки нар, представлявших собой земляное возвышение, на нем березовые плахи и прекрасно сохранившийся мох. На дне землянки обнаружены два больших

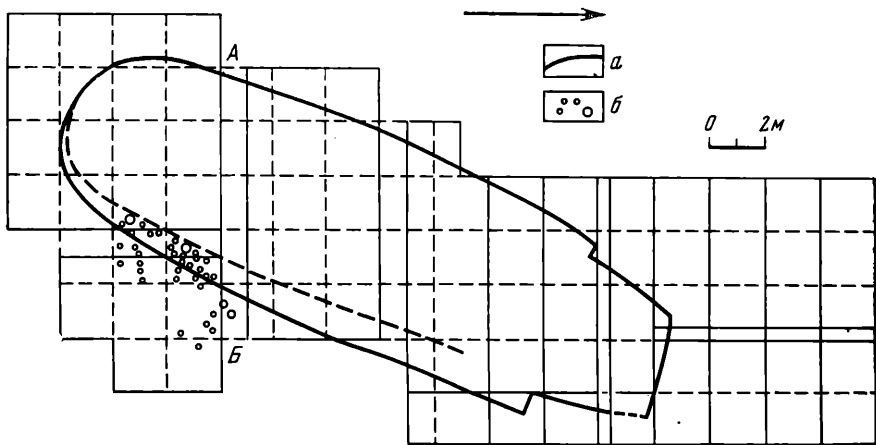

Рис. 1. План жилища № 1 на стоянке Сахтыш I, раскоп IIIa
 а — границы жилища, около дна; б — ямки от столбов восточного выхода

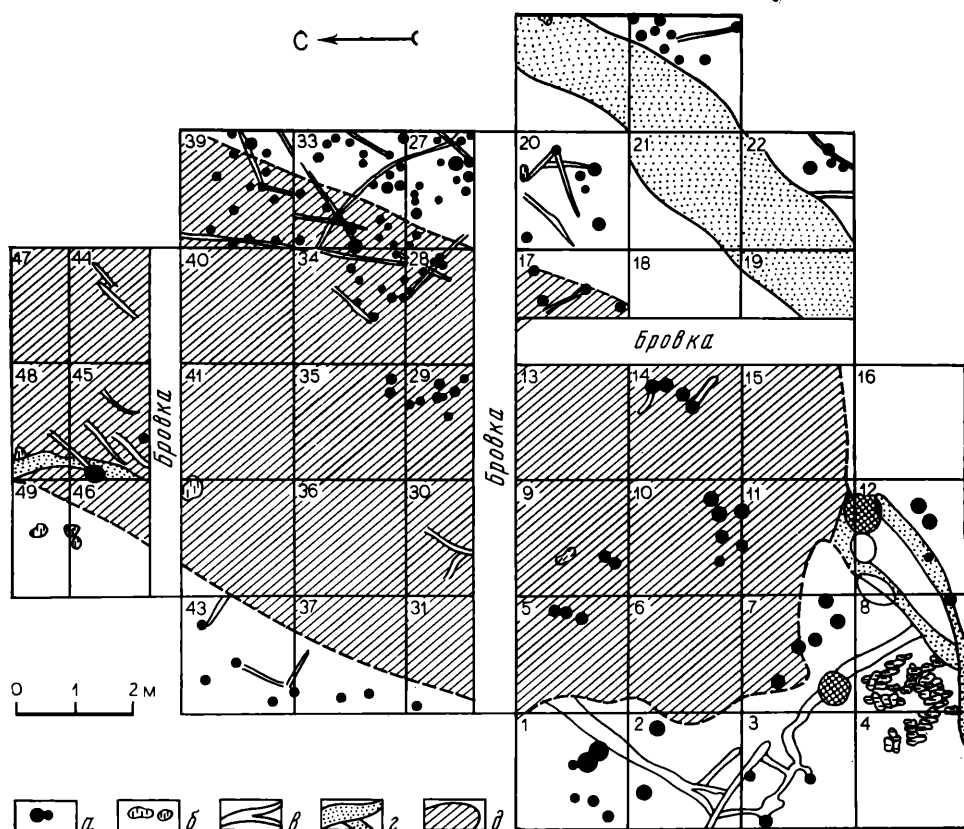

Рис. 2. Часть жилища № 1 на глубине 70 см
 а — столбы и кольца; б — камни; в — плахи деревянные; г — песок; д — жилище

очага, вокруг которых стояли развалы сосудов в ямках или обложенные камнями. Сосудов было не менее 30 котлообразного типа с острым дном, орнаментированных сплошными коническими ямками и ординарными гребенчатыми поясками. Размеры сосудов различны, от 10 до 50 см высотой и диаметром горла от 10 до 40 см. Они характерны для раннего этапа льяловской культуры. В некоторых сосудах обнаружена рыбья чешуя и рыбы кости, в одном сосуде лежали черепа бобров, а в других — кости

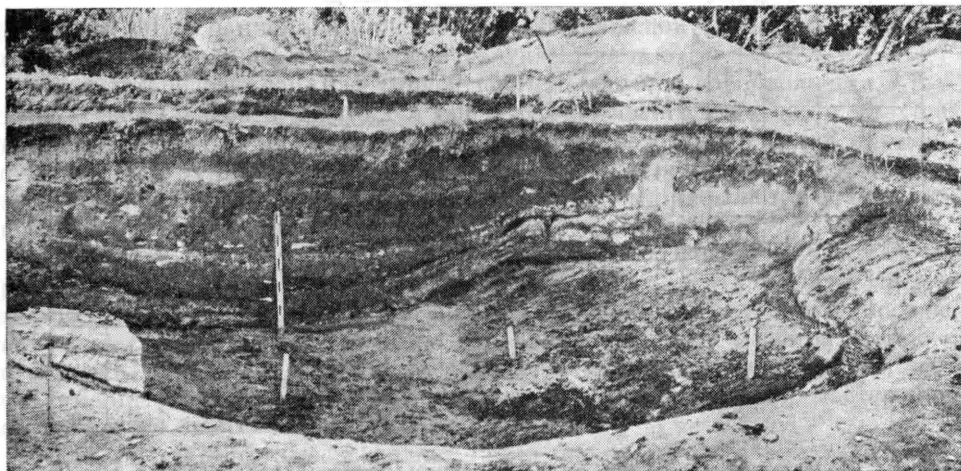

Рис. 3. Жилище I. Западный край и профиль

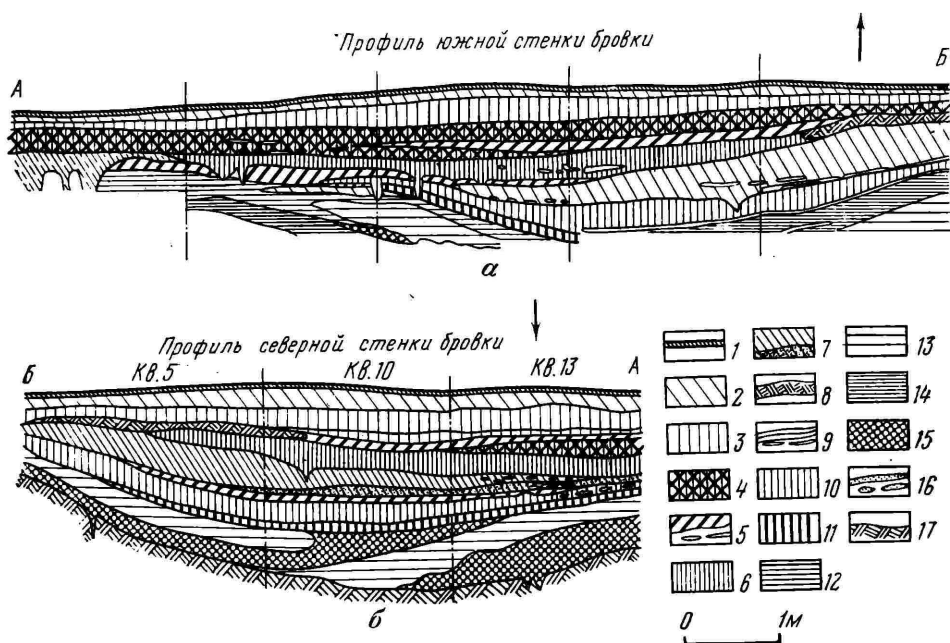

Рис. 4. Жилище I. Профили

а — южная стенка бровки А—Б; б — северная стенка бровки А—Б; 1 — дерн; 2 — торфянистый слой без находок; 3 — рыхлый культурный слой с прослойкой угля в нижней части; 4 — пестрый слой; 5 — слой с рыбьей чешуей; 6 — темный плотный слой; 7 — серовато-желтый слой; 8 — кострище; 9 — волнистые прослойки; 10 — серовато-коричневый слой; 11 — слой с рыбьей чешуей; 12 — синеватый песок; 13 — желтоватый песок; 14 — темно-серый слой; 15 — слой с остатками дерева; 16 — песчаные прослойки; 17 — материковая глина

животных. На всех сосудах заметен темный нагар внутри, свидетельствующий о варке пищи.

На дне, кроме остатков деревянных конструкций жилища, найдено большое количество кремневых, каменных, костяных и роговых изделий (наконечники стрел, скребки, наконечники дротиков, ножи, скребковидные орудия, топоры, тесла, гарпуны, пешни, шилья, проколки, игольники, долота и т. д.). Следует отметить, что все кремневые орудия сделаны отщепной техникой. Наряду с указанными изделиями в жилище были обнаружены и уникальные вещи. В ямке лежали две мотыги из рогов лося. В восточной стороне наблюдалось скопление ног журавлей, в западной

стороне — череп медведя, череп бобра с обломком гарпуна в черепе и пр. Кроме того, обнаружены деревянные разнообразные предметы: ковши, заготовки ковшей, ложки, колотушки, мутовки, лопаточки, наконечники стрел, с тупым концом, копьё, обломки луков и обломки разных деревянных изделий.

Также необходимо отметить берестяные и лубяные вещи: это берестяной туес, шитый жилами, сверток шляпообразного вида из луба, обрывки берестяных кошелей, туесов и берестяные поплавки. Около нар у юго-западной стенки жилища обнаружены «циновки» из длинных тонких лучин (сосновых). Около центрального очага стоял небольшой чурбан, очевидно для рубки мяса. Из предметов искусства найден костяной орнаментированный стержень (жест), окрашенный красной краской.

Вместе с людьми в жилище жили и собаки, копролиты которых найдены в значительном количестве.

Нижний горизонт по C_{14} датируется второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Второй строительный горизонт отделяется от первого (нижнего) довольно мощным слоем наносного речного или озерного песка. Очевидно, на какое-то время люди вынуждены были покинуть жилище из-за сильного наводнения, которое было, вероятно, неожиданным, так как на полу нижнего горизонта были обнаружены целые сосуды, засыпанные песком, целые деревянные ковши, колотушки и т. д. Следы сильного наводнения этого времени были прослежены нами и в других раскопах стоянки Сахтыш I, а также на стоянках Сахтыш VIII и Сахтыш II. На стоянке Сахтыш VIII в ряде мест обломки раннельяловской керамики были засыпаны слоем песка с окатанной галькой. Таким образом, можно считать, что указанное наводнение является причиной перерыва в обитании жилища. Потом оно, очевидно, было сравнительно быстро восстановлено в прежних размерах. Сосуды и другие вещи, найденные на полу этого горизонта, почти не отличаются от нижнего горизонта.

На полу этого жилища также были обнаружены очаги, развалы сосудов и огромное количество рыбьей чешуи и рыбьих костей. В центре жилища толщина слоя чистой чешуи и костей достигала 20 см. Очевидно, с этим горизонтом связаны и находки двух верш. Одна из них была обнаружена у выхода из жилища в речке Койке на глубине 130—140 см от современной поверхности. Она лежала в направлении юго-запад — северо-восток, горловиной на северо-восток. Длина ее (вместе с хвостом) около 150 см, ширина у горловины около 50 см, в середине — около 30 см и в хвостовой части — около 20 см. Верша была найдена в сплюсненном состоянии толщиной от 10 до 15 см. Сделана она из длинных лучин, прямоугольных в сечении. Поперечных переплетений не замечено. Возможно она была связана веревками из растительных волокон, не сохранившихся. Горловая часть до середины толще, чем вторая половина (хвостовая), очевидно, от вставленной здесь западни с отверстием для входа рыбы.

Вторая верша была обнаружена в полуразрушенном виде в северо-восточном конце жилища недалеко от выхода к речке. Длина сохранившейся части верши около 70 см, ширина 40 см. Сделана она также из узкой лучины, прямоугольной в сечении. Поперечные связующие обручи сделаны из такой же лучины. Они находятся на расстоянии 36 см друг от друга. Наличие в жилище II строительного горизонта огромного количества рыбьей чешуи, рыбьих костей, верш и выход из жилища прямо на речку свидетельствуют о промысловом, рыболовческом характере этого жилища. Это подтверждается и заколами, обнаруженными в речке рядом с жилищем. По определению Е. А. Цепкина, здесь были найдены кости следующих рыб: сома, осетра, стерляди, щуки, карася, язя и др. Сомы, осетры и стерляди достигали очень крупных размеров. Вероятно, этот горизонт относится к концу IV тысячелетия до н. э.

Третий строительный горизонт относится к более позднему времени. Центр жилища передвинулся ближе к речке. Его размеры увеличились,

и выход к речке заканчивался своеобразной «платформой» на сваях. В самой речке у выхода из жилища были обнаружены сваи, бревна от мостков, огромное количество разнообразной керамики, которая, очевидно, выбрасывалась из жилища в речку.

В жилище около очагов были найдены развалы и целые сосуды остродонной или округлодонной формы. Они тонкостенны (0,5–0,7 см), венчики гофрированные, неровные. Орнамент редкочешуйчатый — фигурный. Ямки нанесены или в древней манере белемнитами с жемчужинками на внутренней стороне, или тычковые, косые, без жемчужин на внутренней стороне. Примесь также различна: или песок с мелкой дрсевой, или толченая раковина. Есть обломки сосудов и с ямчато-гребенчатым орнаментом. Около очага обнаружена мастерская по изготовлению костяных подвесок. В ней найдено около 40 готовых и около 20 заготовок подвесок. Такие подвески потом широко распространяются в волосовское время. Этот горизонт относится к позднему этапу неолита, названного нами «протоволосовским». Он совпадает со временем регрессии в гидрологической сети Центра русской равнины — спадом воды в озере и речке. Очевидно, этим и можно объяснить приближение жилища к речке — с выходом прямо на речку. Сейчас она не существует, отведена каналом в другое место, и поэтому нам удалось перерезать старое русло широким раскопом.

На полу этого строительного горизонта, кроме сосудов, найдены костяные, кремневые, деревянные, каменные и другие вещи, характеризующие именно поздний этап неолита.

Четвертый строительный горизонт относится к раннему волосовскому времени. Жилище этого времени было уже не земляночного типа, а полуназемное. Оно достигло огромных размеров, около 200 м². Выход из него был только на речку. Около нее в торфе и мокром песке сохранились дубовые столбы с пазами, остатки деревянных стен и перекрытий. Жилище относится к типу столбовых. На полу этого жилища обнаружены обломки округлодонных сосудов с примесью раковины и разнообразным зубчатым орнаментом. Развалы сосудов располагались около очагов и кострищ. Кроме сосудов, было найдено большое количество костяных и кремневых изделий волосовского типа, подвески из костей и зубов животных, подвески из янтаря и сланца, предметы искусства (костяные скульптуры птиц, выдры, рыб, орнаментированные костяные изделия, флейта и пр.) и кухонные остатки в виде костей животных, птицы, рыб и пр. В жилище, кроме того, найдены два разрушенных погребения волосовского времени и рядом пятно красной краски. Это жилище существовало во второй половине III тысячелетия до н. э. и затем прекратило свое существование в силу каких-то причин, очевидно нового наступления воды и довольно длительного. Над этим строительным горизонтом лежит слой позднего торфа, доходящего до суходола («Маленького островка»). Поздние волосовцы в конце III и первой четверти II тысячелетия до н. э. уже строят свои жилища на самом суходоле. Эти большие прямоугольные жилища найдены здесь и исследованы нами.

Таким образом, открытое нами уникальное жилище существовало довольно длительное время. Для этого жилища получены следующие радиоуглеродные даты:

1. ЛЕ — 1024—5150±40—3200 г. до н. э.
2. ЛЕ — 1020—5000±70—3050 г. до н. э.
3. ЛЕ — 1019—4850±70—2900 г. до н. э.
4. ЛЕ—1023—4060±60—2100 г. до н. э.

Вероятно, две первых даты относятся к 1 и 2 строительным горизонтам, третья дата — к 3 строительному горизонту, а четвертая — к волосовскому.

Сахтышское жилище дает нам неоспоримую цепочку последовательной смены этапов неолита после верхневолжской культуры. Верхневолжский слой хорошо прослеживался в предматериковом суглинке около

жилища. Такая же закономерность наблюдается и в других многослойных поселениях Верхнего Поволжья (Сахтыш II, Сахтыш VIII, Языково I, Ронское I, Ивановское III, V, VII, Торговище I, Польцо и др.).

Открытие сахтышского жилища прямоугольной формы поколебало господствовавшее в археологической литературе мнение, что жилищами у неолитических племен с ямочно-гребенчатой керамикой были округлые землянки или полуземлянки (А. Я. Брюсов, П. Н. Третьяков, В. П. Третьяков и др.). Последующими исследованиями стоянок Сахтыш I, II, VIII, Торговище I, Ронское I и др. прямоугольные жилища льяловского времени получили неоднократное подтверждение.

¹ Крайнов Д. А. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1970—1975 гг. Раскопки стоянки Сахтыш I.— Архив ИА АН СССР.

² В нечерноземной полосе центра Рус-

ской равнины сохранились дома и сараи, на крыше которых имеется каркас из слег, покрытых поперечно жердями, потом берестой, затем ветвями и сверху соломой.

Е. Л. КОСТЫЛЕВА

ОСТАТКИ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТОЯНКЕ САХТЫШ II¹

Стоянка Сахтыш II входит в комплекс Сахтышских стоянок, расположенных в окрестностях древнего озера Сахтыш в Тейковском районе Ивановской области. Стоянка открыта Д. А. Крайновым в 1962 г. и исследовалась Верхневолжской экспедицией Института археологии в 1963—1965 гг.²

Раскопки стоянки были продолжены в 1978 г. Одной из задач раскопок было выявление ранненеолитического верхневолжского слоя, открытого ранее на соседних поселениях Сахтыш I и VIII, и в связи с этим уточнение культурных наслоений и стратиграфии стоянки.

Исследование стоянки Сахтыш II в 1978—1981 гг. подтвердило правильность положения Д. А. Крайнова о существовании в центре Русской равнины ранненеолитической культуры, предшествовавшей культуре с ямочно-гребенчатой керамикой, и позволило уточнить некоторые вопросы возникновения и развития верхневолжской культуры³.

Раскопками 1978—1981 гг. была вскрыта площадь в 472 м², получен богатейший археологический материал, большая часть которого представлена керамикой различных эпох: сетчатой, эпохи бронзы, волосовской, ямочно-гребенчатой, редко-ямочной и верхневолжской. Всего найдено около 76 000 фрагментов керамики. Преобладает ямочно-гребенчатая керамика — 71% (53 865 обломков), многочисленна волосовская — 10% (7559 обломков), сетчатая — 7% (4996 обломков), верхневолжская керамика составляет 6% (4575 обломков). Остальные виды керамики представлены в относительно небольшом количестве.

Вследствие нарушения культурного слоя стоянки хозяйственной деятельностью ее древнего населения, наблюдается значительная перемешанность материала, особенно это касается участков, занятых жилищами волосовского времени и прилегающих к ним. Благодаря выбросу земли при углублении пола жилищ, рытье ям, могил и прочего материалы нижележащих культурных слоев оказались наверху. Поэтому неудивительно, что верхневолжская керамика и орудия, сопровождающие ее, начинают встречаться сразу в поддерновом слое и продолжают до материка (глубина 80—90 см).

На материалах раскопок 1978—1981 гг. выяснено, что наибольшая насыщенность культурного слоя приходится на глубину 40—50 см.

Здесь керамический материал наиболее смешан. На этот слой приходится первый максимум ямочно-гребенчатой и верхневолжской керамики: 14 847 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики и 1057 фрагментов верхневолжской, что соответственно составляет 27,6% и 23,1% от всей керамики данного типа. По всей видимости, максимум верхневолжской керамики на глубине 40–50 см надо связать с попаданием части керамики из нижележащих слоев в результате деятельности населения, а не с первоначальным ее залеганием. Поскольку второй максимум верхневолжской керамики приходится на глубину 50–60 см (1002 фрагмента), а ямочно-гребенчатой — на глубину 30–40 см (11 388 фрагментов), мы можем полагать, что основной слой верхневолжской керамики залегает глубже основного слоя ямочно-гребенчатой керамики. Наблюдается также обратно пропорциональная зависимость в количестве верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамики при углублении слоя.

Необходимо также заметить, что в разных участках раскопа максимум верхневолжской керамики приходится на различные глубины: в раскопе 1978 г. — на глубину 40–50 см, в 1979 г. — на глубину 50–60 см, в 1980 г. — на глубину 40–50 см и в 1981 г. — на глубину 70–80 см.

Наименее нарушенным позднейшей деятельностью людей оказался верхневолжский слой в раскопе 1981 г., расположенном в северо-западной части раскопанной площади, ближе к реке, где культурный слой является наиболее мощным. Обломки верхневолжской керамики, найденные здесь в количестве 1216 черепков, распределяются по глубинам следующим образом: глубина 0–20 см — 24 обломка; глубина 20–30 см — 71; глубина 30–40 см — 155; глубина 50–60 см — 268; глубина 60–70 см — 224; глубина 70–80 см — 314; глубина 80–90 см — 18; ямы — 19 обломков. На глубине до 70 см верхневолжская керамика встречается вперемешку с ямочно-гребенчатой, которая численно преобладает и максимум которой приходится на глубину 40–50 см и 50–60 см. На глубине 70–80 см и ниже преобладающей является верхневолжская керамика, а ямочно-гребенчатая (188 фрагментов на глубине 70–80 см и 16 — на глубине 80–90 см) встречается лишь в ямках от столбов и ямах. Основной слой с верхневолжской керамикой залегает в твердом желтом суглинке.

Верхневолжская керамика стоянки Сахтыш II очень разнообразна как по форме сосудов, так и по орнаменту и по примесям к глине.

О форме сосудов приходится судить лишь по фрагментам венчиков и днищ. Основные формы венчиков — округлые (тип 1), приостренные плавным косым срезом вовнутрь (тип 2), приостренные косым срезом наружу и с плавным утолщением внутри (тип 3), с прямым срезом и иногда с плавным утолщением внутри (тип 4). Остальные типы венчиков являются различными вариантами этих основных четырех или, будучи оригинальными, представлены в единичных экземплярах (рис. 1, 1–4).

Донышки чаще всего округло-приостренные, иногда плоско-вогнутые. Плоско-вогнутые донца принадлежат небольшим тонкостенным сосудикам с прямым или округлым венчиком и накольчатым орнаментом (рис. 1, 12–14). Орнамент покрывает не весь сосуд, а лишь его верхнюю и придонную часть, иногда орнаментируется и донце. Часто под венчиком имеется желобок со сквозным отверстием, что, по-видимому, связано с опоясыванием и подвешиванием сосуда. Иногда подобные сосуды не орнаментировались вовсе (рис. 1, 10, 11, 18). Лишь один сосудик подобного типа, представленный обломками венчика и вогнутого донца, орнаментирован коротко-зубчатым штампом (рис. 1, 16). Обломки такой керамики имеют красновато-коричневый цвет и примесь мелкоотколотой раковины, иногда органики в тесте. Необходимо отметить, что было встречено также одно донышко от небольшого сосуда с накольчатым орнаментом и примесью раковины, имеющее в отличие от вышеописанных приостренно-округлую форму.

Обломки сосудов данной группы немногочисленны и находятся в основном в самых нижних слоях. В раскопе 1981 г. они встречались толь-

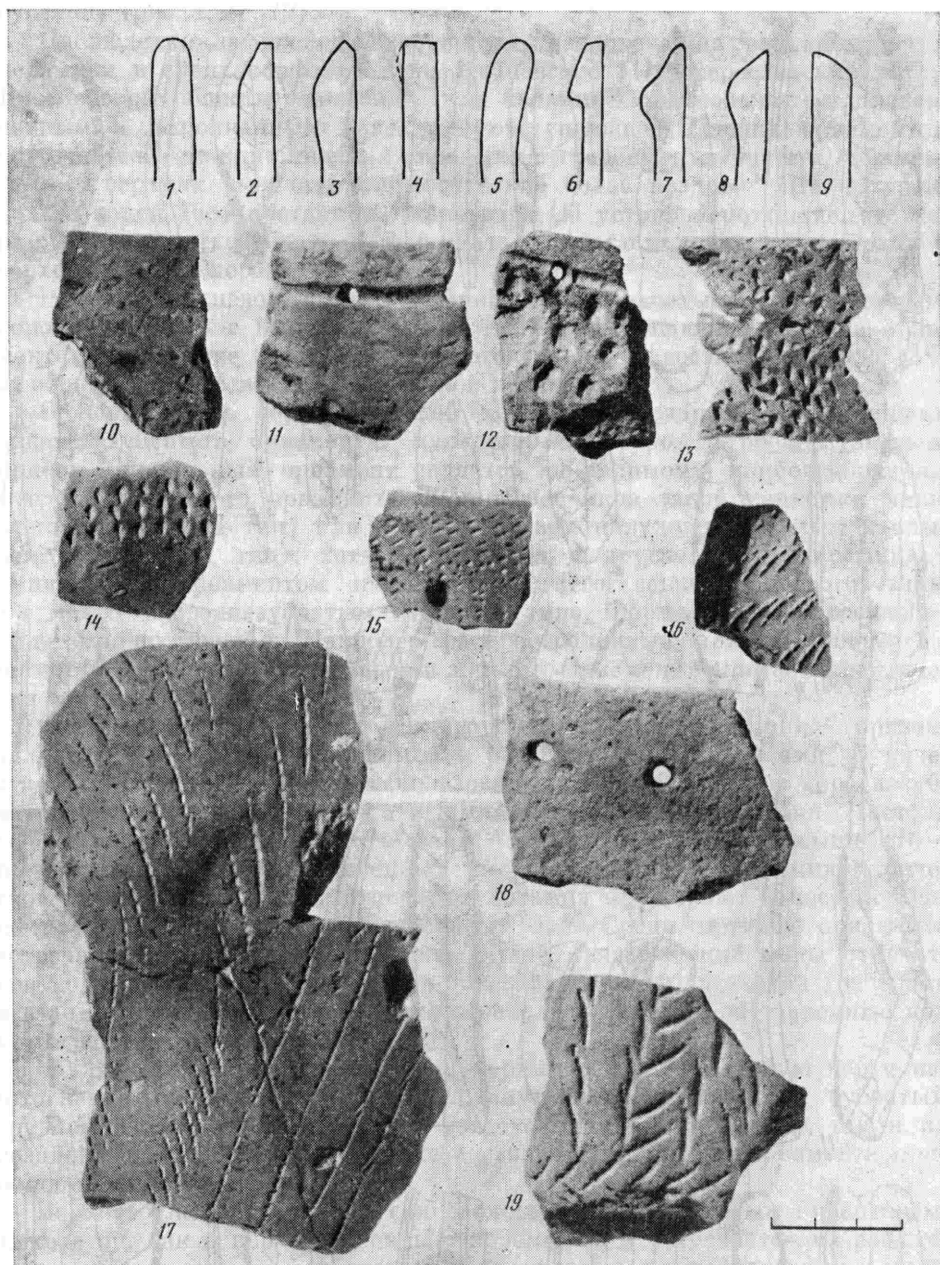

Рис. 1. Керамика

ко на глубине 75–85 см и лишь 4 фрагмента в юго-западной части раскопа, где культурный слой повышается и является менее мощным, — на глубине 40–50 см. Стратиграфия залегания тычково-накольчатой керамики позволяет говорить о том, что она является наиболее ранней в группе верхневолжской керамики данной стоянки.

Ближайшие аналогии подобной керамике найдены на стоянках Сахтыш VIII, Ивановское III, VII, Кухмарь I, Боринка II. Наряду с тычковой керамикой к наиболее ранней можно отнести и керамику, орнаментированную короткозубчатым штампом. Помимо обломков одного маленького сосудика с примесью раковины, орнаментированного подобным образом и упомянутого выше, на Сахтыше II встречаются также обломки более толстостенных сосудов с короткозубчатым орнаментом и

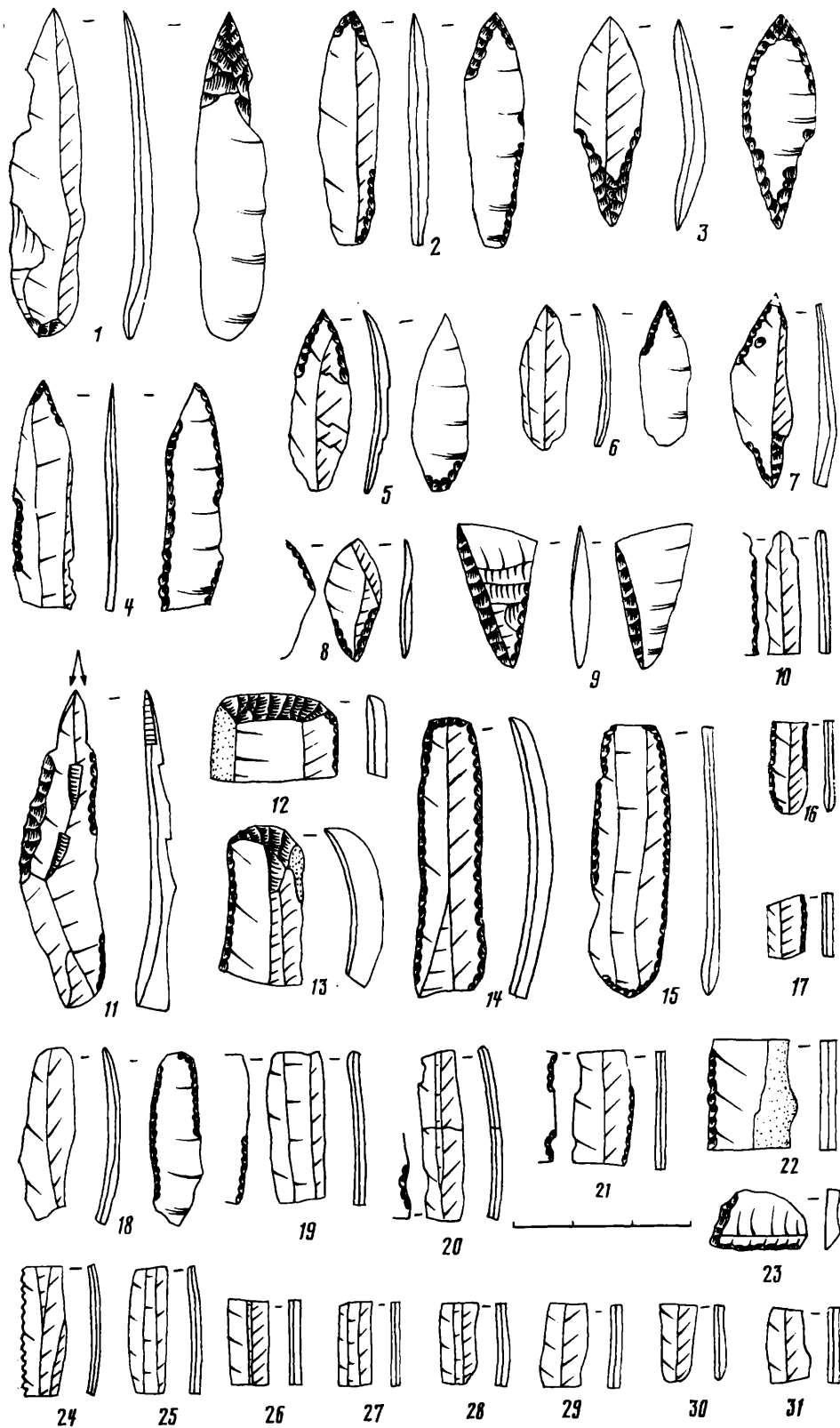

Рис. 2. Кремневые орудия

примесью крупного шамота. Они также встречаются в предматериковом суглинке (рис. 1, 17, 19).

Наблюдения за последовательностью расположения верхневолжской керамики в слоях торфа стоянки Ивановское III (Переславский район Ярославской области) показали, что керамика с накольчатым, прочерченным и выполненным в технике отступающей палочки орнаментом встречается в нижних слоях, а керамика с гребенчато-зубчатым орнаментом — в верхних и является относительно более поздней⁴. На материалах раскопок 1981 г. стоянки Ивановское III установлено также, что керамика с короткозубчатым орнаментом залегают совместно с ранней верхневолжской керамикой.

Ранняя верхневолжская керамика с накольчатым, прочерченным, короткозубчатым и выполненным в технике отступающей палочки орнаментом на стоянке Сахтыш II немногочисленна и составляет около 15% от общего количества верхневолжской керамики.

Большая часть верхневолжской керамики — поздняя, с различными видами зубчатого орнамента: пунктирным, мелко- и среднезубчатым, причем пунктирный орнамент является, по-видимому, наиболее ранним в группе зубчатого орнамента. Форма венчиков такой керамики чаще всего округлая (I тип) или с косым срезом наружу и плавным напылом внутри (III тип), хотя встречаются и другие типы. Керамика с пунктирным орнаментом имеет чаще всего венчики первого типа, а с мелко- и среднезубчатым — третьего типа. Форма донышек сосудов — округло-приостренная. Наиболее распространенные примеси — шамот и шамот в сочетании с дресвой или песком. Орнамент занимает практически всю поверхность сосудов.

Основной мотив орнаментации группы зубчатой керамики — горизонтальные ряды отпечатков штампа с разделительными поясами. В качестве разделительных поясов использовались ряды отпечатков короткозубчатого, чаще овалнозубчатого штампа и тычковые вдавления. Часто в сочетании с основным разделителем — несколько ниже или выше его — идет поясик редко расположенных ямок неправильной или цилиндрической формы. Иногда ряды отпечатков штампа примыкают непосредственно друг к другу, без разделительных зон. Среди мотивов орнамента встречается также горизонтальный зигзаг, связывающий ряды отпечатков короткозубчатого штампа, ромбическая сетка, «шагающая гребенка» и взаимосоприкасающиеся группы отпечатков штампа, поставленные под углом друг к другу.

Закljučая обзор верхневолжской керамики, отметим такую черту изготовления сосудов, как обработка внутренней поверхности зубчатым орудием. Следы такой обработки встречаются как на ранней, так и на поздней верхневолжской керамике с различными видами орнамента примерно на 15% черепков.

Верхневолжская керамика сопровождается пластинчатым инвентарем, и, хотя он, как и керамика, сильно перемешан и встречается на различных глубинах, все же наибольшая концентрация его наблюдается в нижних слоях. В раскопе 1981 г. наибольшее количество пластинчатого инвентаря соответствует максимуму верхневолжской керамики и распределяется по глубинам следующим образом: на глубине 0—20 см — 3 пластинки, на глубине 20—30 см — 1, на глубине 30—40 см — 5, на глубине 40—50 см — 8, на глубине 50—60 см — 30, на глубине 60—70 см — 29, на глубине 70—80 см — 77, на глубине 80—90 см — 28. Большая часть пластинчатого инвентаря на глубине 70—80 см представлена сечениями пластинок (32 из 77).

43% пластинчатого инвентаря из материалов раскопок 1978—1981 гг. встречено на глубине 60—70 и 70—80 см. Так как максимум верхневолжской керамики, большую часть которой составляет поздняя, приходится на глубину 40—50 и 50—60 см, а максимум пластинчатого инвентаря — на глубину 60—70 и 70—80 см, можно предположить, что пластинчатая

техника изготовления орудий, сохранявшая мезолитические традиции, была свойственна ранней стадии развития верхневолжской культуры.

Пластинчатый инвентарь, сопровождающий верхневолжскую керамику, представлен наконечниками стрел постсвидерского типа (рис. 2, 1-3; 5-8), концевыми скребками (рис. 2, 12-14) и небольшими округлыми скребочками, скобелями на пластинках (рис. 2, 20, 21), ножевидными пластинками с обработкой ретушью и без ретуши, сечениями пластинок, большим количеством микропластинок (рис. 2, 25-31).

Впервые в комплексе с верхневолжской керамикой найдена микропластинка с пильчатой ретушью по краю, имеющая аналогии в позднебутовской мезолитической культуре (рис. 2, 24).

Интерес представляет также находка наконечника стрелы с поперечным лезвием (рис. 2, 9), имеющая аналогии на ряде неолитических стоянок Верхнего Поволжья (Скрабы, Польцо, Уница). Подобные находки могут указывать как на связь верхневолжской культуры с поздним мезолитом данного региона, так и на контакты с такими раннеолитическими культурами, как днепро-донецкая или неманская, имеющими в своем инвентаре наконечники стрел с поперечным лезвием.

Таким образом, анализ верхневолжской керамики и сопровождающего ее кремневого инвентаря с учетом данных стратиграфии на стоянке Сахтыш II подтверждает более раннее возникновение верхневолжской культуры по сравнению с культурой ямочно-гребенчатой керамики, связь ее с мезолитом, хронологическую последовательность развития верхневолжской керамики от тычково-накольчатой, прочерченной, «ложношнуровой», коротко-зубчатой к гребенчато-зубчатой.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Д. А. Крайнову за любезно предоставленную возможность использовать для работы и частичной публикации материалы его раскопок стоянки Сахтыш II.

² Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, 1965, вып. 100; Гадзяцкая О. С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II.— КСИА, 1966, вып. 106; Крайнов Д. А. Новые исследования стоянки Сахтыш II.— КСИА, 1982, 169.

³ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья.— Вестн. АН СССР, 1973, № 5; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура.— СА, 1977, 3.

⁴ Крайнов Д. А. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973 год.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5033, с. 27; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура, с. 51.

А. В. УТКИН

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СО СТОЯНОК БЕРЕНДЕЕВО IV И VIII

Стоянки Берендеevo IV и VIII составляют часть хорошо известного в литературе микрорайона мезолитических и неолитических памятников, расположенных на одноименном торфянике в Переславском районе Ярославской области¹. Оба памятника находятся северо-западнее стоянки Берендеevo I (восьмая — в 200 м, а четвертая — в 1,5 км) и относится к типу болотных поселений, приуроченных в древности к береговой линии палеозера, существовавшего на территории центральной части современного торфяника в конце V — середине III тысячелетия до н. э.²

Стоянки, фактически уже полностью уничтоженные торфоразработками, открыл в середине 60-х годов местный краевед А. М. Бакаев. Им же собраны коллекции археологических находок. Позднее одно из посе-

лений, Берендеево IV, было обследовано А. Л. Никитиным, Н. А. Хотинским и А. М. Микляевым³, которые зафиксировали в разрушенном культурном слое поздненеолитическую керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Коллекции А. М. Бакаева⁴ по количеству найденных предметов небольшие и непропорциональны по их составу, что объясняется выборочностью сборов — поднимались лишь наиболее интересные вещи. Так, среди материалов со стоянки Берендеево IV имеется всего шесть маленьких обломков стенок сосудов, украшенных конической ямкой, а с восьмой — только два фрагмента керамики, определить культурную принадлежность которых затруднительно. Изделия из кремня представлены несколькими заготовками и отходами производства. Основную же часть коллекции составляют костяные орудия и обломки — 53 (26+27)⁵ экз., из них 38 наконечников стрел и гарпунов.

Наконечники стрел найдены двух типов: игловидные и биконические. К первому типу относятся 15 (7+8) экз. Почти все они дошли во фрагментах (13 экз.), но их форма хорошо восстанавливается. Это тонкие, длинные (15, 20, 25 см) стержни, постепенно сужающиеся от насада к острию, а в сечении, как правило, округлые или эллипсоидные. Насады короткие, оформлены двояко: часть наконечников имеет двусторонне-срезовые основания (рис. 1, 18—22)⁶, а другие — острозаточенный черешок (рис. 1, 17).

Наконечников стрел с биконической головкой насчитывается 17 (7+10) экз. Они в отличие от игловидных сохранились без серьезных повреждений, и для них характерна следующая типичная форма: острие и насад вырезаны в виде небольших конусов, причем конус острия всегда короче и круче основания, и они обычно разграничены неглубокой кольцевой нарезкой (рис. 1, 1, 4, 6, 7, 9—13, 16). Ряд наконечников сделан с незначительными отклонениями от этой формы. Так, боевая часть одного преднамеренно затуплена (рис. 1, 2), а три орудия имеют слегка утолщенные кончики острия и (два из них) тонкосточенные основания (рис. 1, 3, 5, 14).

Кроме этих типов, на стоянке Берендеево VIII найден обломок наконечника стрелы необычной формы. От него сохранилась только биконическая головка, имеющая на одной стороне мелкие зубцы и очень длинное острие с утолщением по середине (рис. 1, 16).

Наконечников гарпунов всего 5 экз., два из них подняты на стоянке Берендеево IV. Оба они вырезаны из массивных костей лося, в сечении подтреугольные, насады обломаны, зубцы большие и имеют клювовидную форму (рис. 2, 4, 5).

Остальные гарпуны найдены на восьмом поселении и относятся к очень редким типам. Первый наконечник представляет собой длинный стержень, круглый в поперечном разрезе, с двумя близко расположенными клювовидными зубцами (не сохранились), а между основанием острия (само острие обломано) и верхним зубцом с двух сторон прорезаны неглубокие (3—4 мм) пазы для кремневых вкладышей (рис. 2, 1). От второго гарпуна сохранилась только тыльная часть (рис. 2, 2). Полная же форма была, по-видимому, очень близка предыдущему наконечнику. Последний гарпун вырезан из короткого ответвления лосиного рога с тщательной проработкой большинства деталей (исключением является только неоформленный насад). Гарпун имеет три небольших зубца — выступа, а одна из его граней украшена мелкими наколами, расположенными двумя вертикальными строчками, которые в свою очередь разграничены тремя парами косых нарезок (рис. 2, 6).

Прочие костяные изделия немногочисленны. Это найденные на стоянке Берендеево VIII обломок штампа, оставляющий на пластилине четкие гребенчатые оттиски (рис. 2, 7), и уникальный кривой нож. Лезвие ножа очень тонкое, остро заточено; на поверхностях хорошо сохранились густые штрихи — стрелы обработки орудия кремневым инструментом (скребком?), а параллельно, кроме обушка, с двух сторон прорезаны

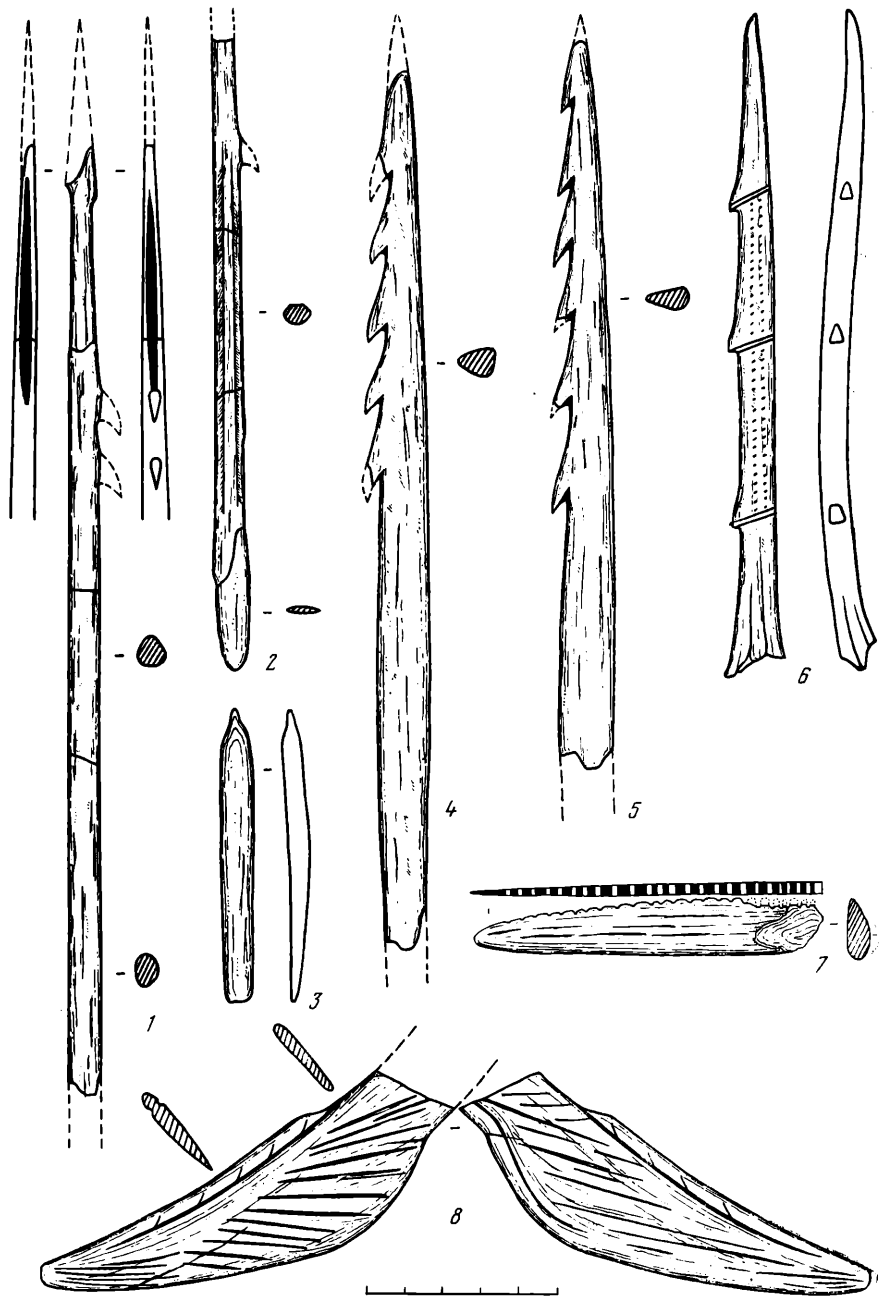

Рис. 2. Наконечники гарпунов (1, 2, 4—6), проколка (3), штамп (7), нож (8)

4, 5 — Берендеево IV; 1—3, 6—8 — Берендеево VIII

неглубокие линии, имеющие, по-видимому, орнаментальный характер (рис. 2, 8).

С этого же поселения происходит проколка с коротким острием и одностороннесрезанным насадом, к которому крепилась рукоять (рис. 2, 3). Две проколки обычной формы (заточен только рабочий конец) имеются в коллекции с четвертой стоянки. На этом сборы А. М. Бакаева исчерпываются⁷.

В заключение необходимо установить культурно-хронологическую принадлежность рассматриваемых памятников. Типологически большинство

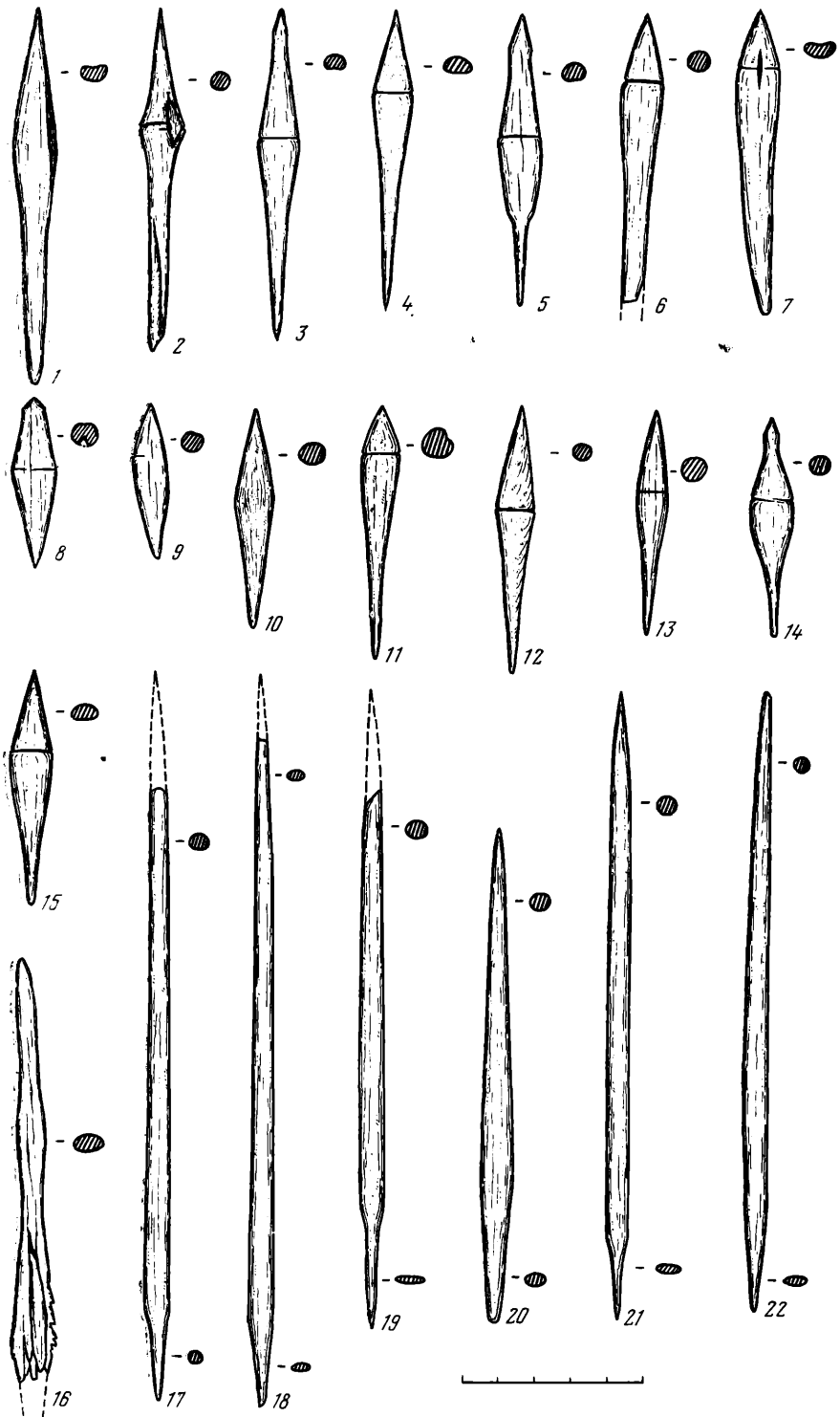

Рис. 1. Наконечники стрел

1, 3, 8, 9, 12, 13, 15, 18—20, 22 — Берендеево IV; 2, 4—7, 10, 11, 14, 16, 17, 21 — Берендеево VIII

перечисленных выше костяных изделий⁸ (особенно в этом плане показательны наконечники стрел) аналогичны материалам стоянок Берендеево I⁹ и Ивановское III (второй слой)¹⁰. Поэтому четвертое и восьмое поселения следует отнести к кругу неолитических памятников с поздней ямочно-гребенчатой и редко-ямочной керамикой первой половины III тысячелетия до н. э. Подобная датировка хорошо согласуется с предложенной ранее датировкой (по керамике) для стоянки Берендеево IV Н. А. Хотинским и А. М. Микляевым¹¹ и с палеогеографическими наблюдениями формирования самого торфяника¹².

¹ Никитин А. Л., Хотинский Н. А. Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области.— В кн.: Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики. М., 1966; Нейштадт М. И., Завельский Ф. С., Микляев А. М., Хотинский Н. А. Комплекс стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области.— В кн.: Голоцен Северной Евразии. М., 1977; Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО 1979 г. М., 1980; Кольцов Л. В. Раскопки памятников мезолита в Калининской и Ярославской областях.— АО 1979 г. М., 1980; Жилин М. Г., Крайнов Д. А. Стоянка Берендеево Па.— КСИА, 1981, вып. 169; Уткин А. В. Исследования на юге Ярославской области.— АО 1981 г. М., 1982.

² Нейштадт М. И. и др. Комплекс..., с. 133.

³ Там же, с. 132, 133.

⁴ Автор выражает признательность А. М. Бакаеву за предоставленное право работать над коллекциями и опубликовать их.

⁵ Здесь и далее в скобках первое слагаемое указывает количество предметов со стоянки Берендеево IV, а второе — с VIII.

⁶ Рисунки выполнены художником А. Лукьяновым.

⁷ В коллекциях имеется еще 10 (8+2) неопределимых обломков и осколков костяных орудий.

⁸ Находка на стоянке Берендеево VIII обломанного наконечника гарпуна с пазами для вкладышей является пока неясной. С одной стороны, подобные орудия более характерны для ранних комплексов (поздний мезолит и ранний неолит), а с другой — на стоянке Берендеево I (сборы А. М. Бакаева) найден длинный и очень тонкий наконечник стрелы, имеющий с одного края аналогичный паз. Очевидно, эти орудия имели место и в позднем неолите, но не были для него типичными.

⁹ Коллекция сборов А. М. Бакаева стоянки Берендеево I; Никитин А. Л., Хотинский Н. А. Свайное..., с. 213, рис. 1, 1, 3—6; Никитин А. Л. Неолитическое..., с. 199, рис. 5, 1—5, 7—10.

¹⁰ Материалы раскопок стоянки Ивановское III в 1972—1974 и 1981 гг. Автор выражает искреннюю признательность Д. А. Крайнову за любезно предоставленное право работать с неопубликованными материалами.

¹¹ Нейштадт М. И. и др. Комплекс..., с. 132, 133.

¹² Там же, с. 133; Хотинский Н. А. Голоцен...

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

СТОЯНКИ НА Р. ЛУХ

В 1962 и 1967 гг. во время работ в Ивановской области Верхневолжская археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова обследовала стоянки на берегах р. Лух. Стоянки открыл заведующий Мытского народного музея краевед Н. М. Романов. Силами Верхневолжской экспедиции были проведены небольшие раскопки на трех стоянках, находящихся в урочищах Клячино и Поляна в Палехском районе. Полученные материалы не были опубликованы, но они интересны для характеристики культур периода неолита и бронзы, изучение которых только начинается в этом районе¹.

Стоянка Поляна находится на левом берегу р. Лух близ дер. Гоголи, к югу от с. Мыт. Она занимает невысокое всхолмление, окруженное водой и болотами и заросшее деревьями и кустарником. В центре Поляны, свободной от деревьев, в 15 м от реки был заложен шурф 1 (2X.

×1,5 м), шурфы 2 и 3 (1×1 м) в 30 м от шурфа 1 вверх и вниз по течению реки.

Стратиграфия, выявленная в шурфе 1, характерна для всей стоянки. В рыжевато-смешанном слое под дерном мощностью в 20 см находились обломки керамики эпохи бронзы и раннего железа вместе с ямочно-гребенчатой керамикой и черепками посуды с серым лощением XVII—XVIII вв. и костями животных. Ниже, в черном торфянистом слое мощностью в 50—60 см отмечалось наибольшее число находок разного времени, среди которых преобладали неолитические. Возможно, на стоянке были разрушенные погребения, так как в центре шурфа на глубине 30—40 см обнаружены обломки черепа человека рядом с углями и обгорелыми костями, под ними лежали обломки ямочно-гребенчатой керамики и отдельные кремневые отщепы. Культурный слой стоянки перемешан.

Вместе с ямочной керамикой на глубине 45 см залежали обломки сетчатой керамики и керамики эпохи бронзы, на глубине 60 см найден кусочек железного шлака. Преобладание ямочной керамики отмечалось только на глубине 50—70 см. Культурный слой стоянки на глубине 70—80 см подстилал рыжеватый песок без находок.

Вероятно, центр поселения находился там, где был заложен шурф 1, так как два других шурфа дали мало находок. Значительная часть памятника была затоплена и размыта, о чем свидетельствуют находки керамики в реке у берега. Материалы стоянки Поляна разнородны и разновременны. Общее количество находок 444, среди них преобладают фрагменты сосудов, которых более 330.

Выделяются следующие группы древней керамики: ямочно-гребенчатая, керамика волосовского типа, эпохи бронзы и сетчатая керамика.

Обломки ямочно-гребенчатой керамики составляют около половины общего количества керамики (рис. 1, 7—15), они коричневого или серого цвета, толщиной 0,4—0,9 см, с примесью дресвы в тесте. Большая часть сосудов украшена ямочным орнаментом. Ямки, составляющие основу композиций, различны по размерам и форме (диаметр их 0,3—1,2 см, ямки с коническим дном встречаются в три раза чаще, чем ямки неглубокие уплощенные). Ямки нанесены вертикально, очень редко под углом, и занимают все орнаментальное поле, располагаясь в шахматном порядке. Иногда ямки сдвинуты, нанесены на сосуды с промежуточными или группами. Узор из ямок изредка дополняется полулунными вдавлениями (на 19 фрагментах), как гладкими (рис. 1, 14), так и зубчатыми. Ямки на сосудах разделены иногда горизонтальными поясами из оттисков гребенчатого штампа (рис. 1, 13). Встречаются различные оттиски узких и широких штампов (рис. 1, 8—10, 15), в сочетании с ямками (на 18 обломках) и без них. Сосуды имели открытую горловину и яйцевидное дно. Край горловины прямой, немного наклоненный внутрь сосуда или слабо отогнутый наружу. Верхний срез венчиков прямой, скошенный внутрь или округлый, иногда украшен косыми оттисками штампа (рис. 1, 7, 11, 13). Наряду с крупными сосудами в коллекции имеются и маленькие (диаметр горла 5—7 см). Наблюдается некоторое отличие ямочной керамики из верхних и нижних горизонтов слоя: в верхних встречается больше неглубоких уплощенных ямок и наклонных вдавлений в орнаменте, в нижних прослойках преобладают конические ямки. Однако редкоямочная керамика и фрагменты с неправильными вдавлениями частично встречаются и в нижних горизонтах культурного слоя.

Керамика волосовского типа представлена единичными фрагментами. Обломки толстостенных сосудов с органической (рис. 1, 16—18) и раковинной примесью в тесте (рис. 1, 19, 22) украшены вдавлениями гребенчатого, рамчатого и зубчатого штампов.

Керамика эпохи бронзы имеет в глине примесь песка, орнаментирована гребенчатым штампом. Край венчиков двух сосудов с раструбным горлом скошены внутрь (рис. 1, 20) или закруглены (рис. 1, 21), диаметр горловин 18—20 см. Сетчатая керамика найдена на разной глубине.

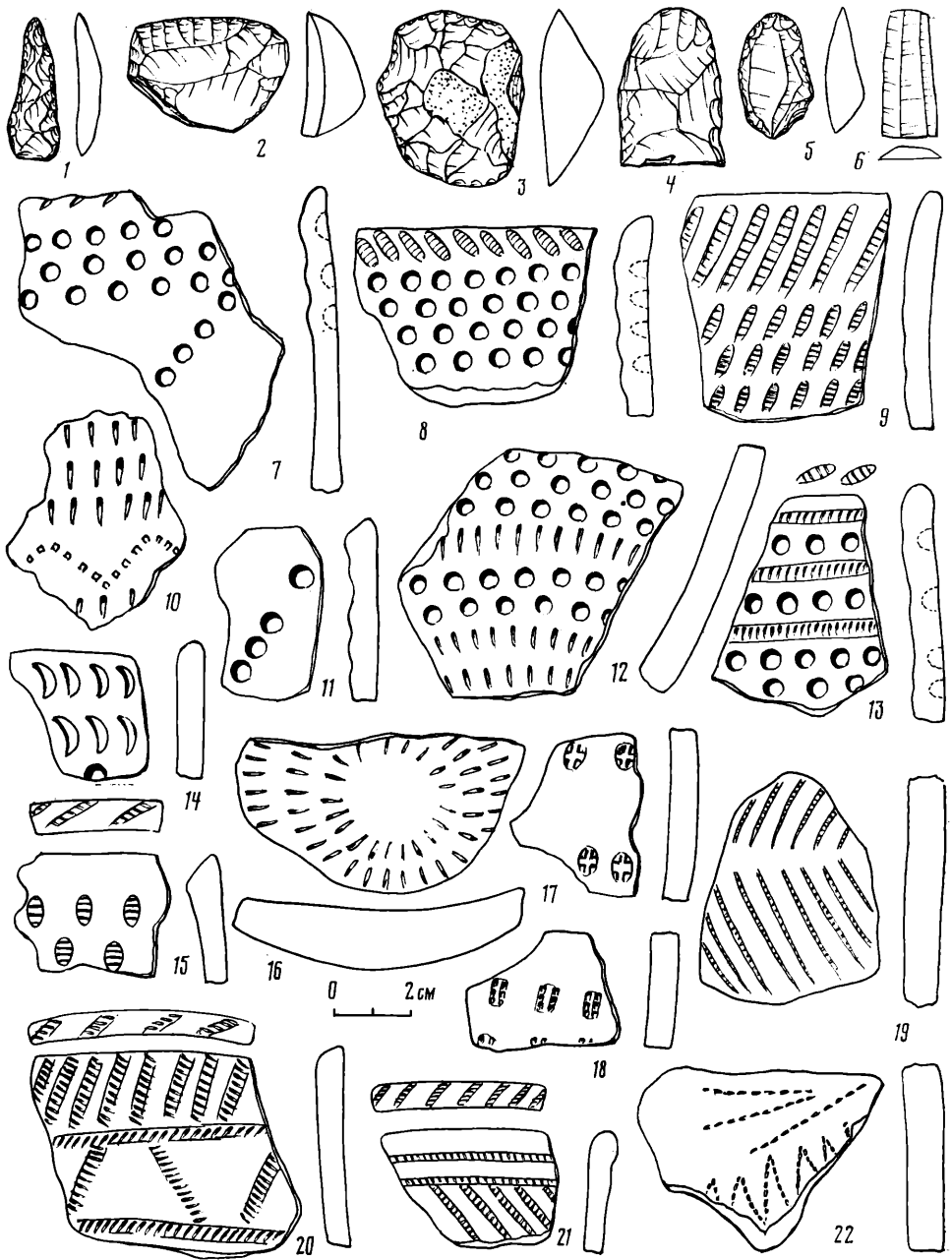

Рис. 1. Инвентарь стоянки «Поляна»

1—6 — кремневые орудия; 7—22 — керамика

12 обломков сосудов из плотной красновато-коричневой глины с примесью песка покрыты отпечатками сетки, по которой редко нанесены неправильные вдавления, часть фрагментов без орнамента.

Поделок из камня мало в коллекции. Орудия из отщепов валунного кремня представлены тремя скребками (рис. 1, 2, 3, 5), орудием с приостренным концом (рис. 1, 1), заготовкой орудия (рис. 1, 4), найденными на разной глубине. Кремневая пластинка без обработки происходит из нижней части культурного слоя (рис. 1, 6). Возможно, она указывает на наличие на стоянке разрушенной прослойки времени верхневолжской культуры.

Кроме орудий, имеется только 17 кремневых отщепов без обработки.

Фаунистические остатки из слоя стоянки были определены В. И. Цалкиным. Он выделил кости диких животных: лося, северного оленя, медведя, бобра, кабана, лисицы.

Стоянка Поляна датируется концом IV — началом III тысячелетия до н. э. — первой половиной I тысячелетия до н. э. по находкам ямочно-гребенчатой керамики развитого и позднего типа и сетчатой керамики. Место это посещалось и в более позднее время.

Стоянки в урочище Клячино расположены также на левом берегу р. Лух, но значительно выше по течению, чем стоянка Поляна. С восточной стороны урочища тянутся болота, за которыми находится дер. Серково. Попасть на стоянку можно водным путем от стоянки Стрелка I, которая находится вверх по течению на правом берегу р. Лух, при впадении в него р. Люлех. Этот памятник исследовал Д. А. Крайнов². В урочище Клячино выявлены две стоянки.

Стоянка Клячино I занимает возвышенную часть берега реки, поросшего кустами и деревьями. Берег, высота которого здесь 3 м, подмывает вода. Раскоп, ориентированный по странам света, площадью 32 кв. м, расположен у самого берега. Шурфы 1 и 3, заложенные к югу и юго-востоку от раскопа, показали, что находки встречались только около края берега реки. На расстоянии 15 м от воды (шурф 2) и к северу от раскопа, где ранее шурфовал Н. М. Романов, культурный слой не прослежен. Часть стоянки сохранилась только на протяжении 50—60 м вдоль кромки берега. Раскопки выявили небольшую мощность культурного слоя: 20—35 см в восточной части раскопа, 40—50 см — в западной, у реки. Находки встречались в серовато-коричневой супеси под дерном, культурный слой подстилал светлый песок без находок. Наиболее интенсивная окраска слоя и большее количество находок наблюдались у обрыва. Вероятно, основная часть стоянки размыта.

Археологический материал стоянки Клячино I представлен обломками сосудов, кремневыми орудиями и отщепами (всего 838 единиц). Керамика различается по форме, орнаментике и примесям к глине: с дресвой, с дресвой и шамотом, с органическими остатками и шамотом. Керамика первых двух групп с примесью дресвы в тесте (рис. 2, 9, 10) и дресвы и шамота (рис. 2, 16—19) разновременна. Сетчатая керамика с дресвой единична: 5 обломков с ямками и треугольными вдавлениями (рис. 2, 8); также мало фрагментов ямочно-гребенчатой посуды (рис. 2, 10); основную массу составляют обломки сосудов с примесью дресвы или дресвы и шамота с орнаментом из оттисков мелкозубчатого штампа (рис. 2, 17—19), нарезок, вдавлений (рис. 2, 9) и без орнамента (рис. 2, 16), всего 223 экз. Толщина стенок сосудов от 0,5 до 1 см. Большая часть керамики относится ко времени позднего неолита и численно преобладает в культурном слое до глубины 30 см от поверхности.

Более значительную группу образует керамика волосовского типа (391 фрагмент). Обломки сосудов с органической примесью в тесте встречаются на разной глубине: на глубине до 30 см было найдено 64 обломка, на глубине 30—40 см — 173, на глубине 40—50 см — 73, а в квадратах у берега на глубине 50—60 см — 81 обломок. Керамика с органической примесью нередко с добавлением шамота и дресвы орнаментирована оттисками зубчатыми (118 экз., рис. 2, 14, 15, 23—25, 28—30, 33) или зубчатыми и ямчатыми (17 экз., рис. 2, 27), прочерченными линиями (97 экз., 2, 21, 26, 34), различными ямчатыми вдавлениями (76 экз., рис. 2, 13), реже — оттисками перевитого шнура (рис. 2, 22). Рамчатый штамп имеется только на 4 фрагментах, 60 обломков венчиков и стенок сосудов не орнаментированы (рис. 2, 20). Сосуды этого типа с толстыми стенками (0,9—1,3 см) имели плоское или закругленное дно без орнамента. Край горловин сосудов утолщены: они имеют выступ с внешней стороны горла (г-образные, рис. 2, 20—27) или расширяются и внутрь сосуда (т-образные, рис. 2, 14, 31—34), венчики с краем, скошенным внутрь сосуда, встречаются реже (рис. 2, 13, 28).

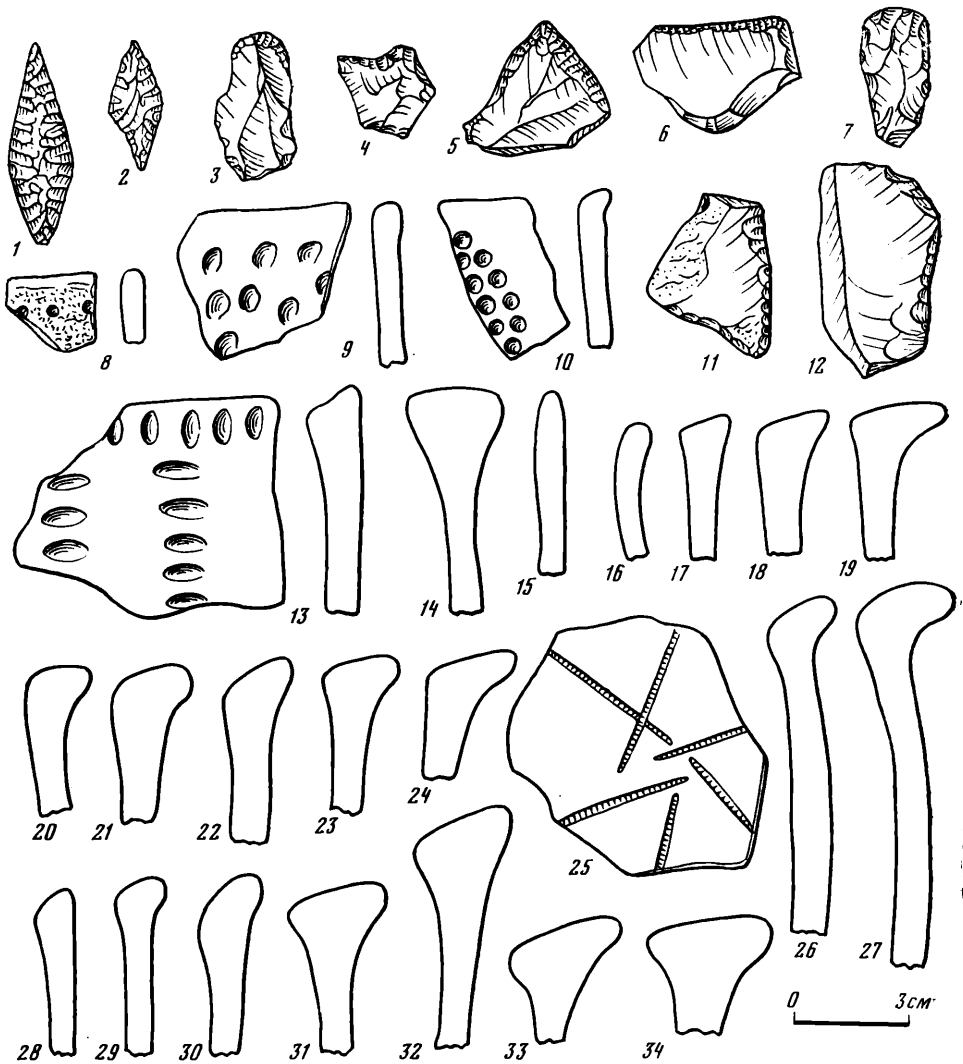

Рис. 2. Инвентарь стоянки Клячино I

1—7, 11, 12 — кремневые орудия; 8—10, 13—34 — керамика

Обломки посуды с примесью раковины в тесте, украшенные прочерченными линиями или зубчатым штампом, были найдены в большом количестве в основном на глубине 40—60 см. Подавляющая масса обломков посуды волосовского типа представлена поздними образцами. Керамика с органической примесью и с примесью шамота и органических остатков в глине из стоянки Клячино I по форме, орнаменту и составу теста близка к волосовской керамике позднего типа из верхних слоев стоянок у оз. Сахтыш и на р. Лух, на стоянке Стрелка I. В этих памятниках керамика позднего типа залегала выше, чем волосовская керамика с примесью раковины³.

Кремневые поделки стоянки Клячино I сравнительно немногочисленны и маловыразительны. Найдено 10 орудий, среди них ножи на отщепках (рис. 2, 5, 6, 11, 12), скребки (рис. 2, 3), наконечник стрелы ромбической формы (рис. 2, 1), 2 сверла (рис. 2, 2, 4). Одно из них, похожее на наконечник стрелы, так же как заготовка орудия (рис. 2, 7), обработано ретушью с двух сторон. В коллекции, кроме орудий, имеются 12 отщепов с подработкой, сколы и отщепы без следов употребления. Валунный кремль, из которого они сделаны, невысокого качества, жел-

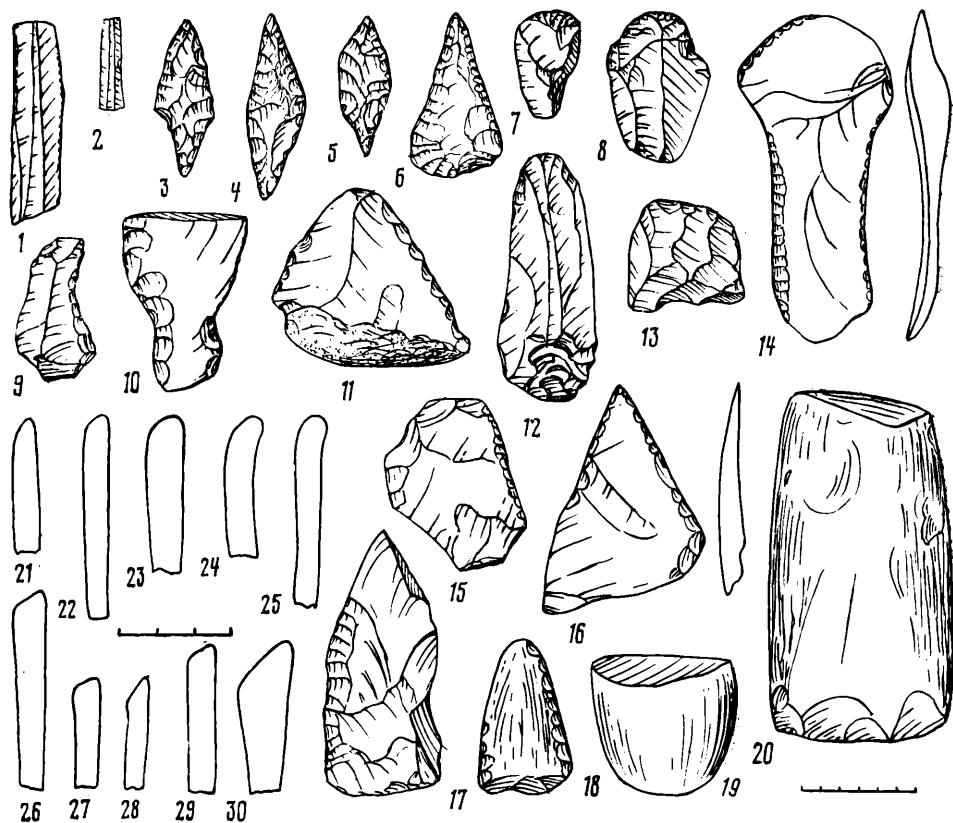

Рис. 3. Инвентарь стоянки Клячино II
1—20 — кремневые орудия; 21—30 — керамика

того, красного, коричневого или беловатого цвета. В целом кремневые изделия подобного типа могут быть связаны в основном с волосовским слоем поселения.

Стоянка Клячино I была заселена, вероятно, в эпоху неолита, но была обитаема и позднее, на что указывают находки керамики эпохи бронзы и раннего железа. Точнее судить об этом трудно, так как стоянка разрушена.

Стоянка Клячино II расположена на низком берегу р. Лух, в северной части урочища, в 130 м к северу от стоянки Клячино I. В 1962 г. стоянка была обследована краеведом Н. М. Романовым, который нашел на ее территории мотыгообразное (?) каменное орудие и кремневый клиновидный топор. В том же году экспедиция Д. А. Крайнова шурфовала стоянку. В пробном шурфе (1×1 м) было найдено 76 предметов: ямочно-гребенчатая керамика, керамика волосовского типа, обломки посуды из плотной глины с примесью песка и дресвы, почти без узоров, с редкими подпрямоугольными вдавлениями, вероятно эпохи бронзы; кремневые орудия: нож треугольной формы (рис. 3, 16), нож-скребок с закругленным концом (рис. 3, 14), тонкая пластинка (рис. 3, 2), а также отщепы. В 1967 г. работы экспедиции на стоянке были продолжены: раскоп-траншея площадью 24 кв. м, ориентированный с северо-запада на юго-восток, был заложен на расстоянии 12 м от воды, на ровном плоском песчаном берегу р. Лух, местами поросшем кустарником и дубами. Находки залегали под дерном в слое серовато-коричневого песка, который подстилал светлый песок без находок. Мощность культурного слоя от 5 см в северной части раскопа до 40—45 см в его южной части. Можно полагать, что стоянка тянется далее к югу, в заросли.

Находки стоянки Клячино II, сделанные в основном на глубине 10—30 см, состоят из обломков сосудов и кремневых поделок, всего 335 единиц. Керамика различается по составу теста: выделяется группа сосудов с примесью дресвы и группа с органической примесью (иногда с добавлением шамота). Последняя, керамика волосовского типа, найдена была в небольшом количестве, орнаментирована нарезками, зубчатыми, ямчатыми вдавлениями, края венчиков сосудов скошены внутрь (рис. 3, 29, 30).

Керамика с примесью дресвы в тесте представлена главным образом ямочно-гребенчатой керамикой желтого цвета, с мелкими (рис. 3, 21) или средними ямками (рис. 3, 22—24), с узором из ямок (рис. 3, 25), ямками и оттисками веревочки (рис. 3, 26), с орнаментом из различных вдавлений (рис. 3, 27), треугольных, круглых, квадратных и зубчатых. Имеются фрагменты без орнамента. Края горловин у сосудов прямые (рис. 3, 21—23) или слегка отогнутые (рис. 3, 24, 25), иногда скошенные внутрь (рис. 3, 26—28). Керамика может быть отнесена к поздне-неолитической и, возможно, к периоду ранней бронзы. Находки сетчатой керамики незначительны.

Кремневый инвентарь стоянки состоит из орудий на отщепках, отщепов с подработкой и без нее. Найдены скребки и скребковидные орудия (рис. 3, 7, 8, 12, 13), скобель (рис. 3, 9), ножи (рис. 3, 11, 15, 17), узкая ножевидная пластина с подработкой (рис. 3, 1). Наконечники стрел обработаны ретушью с двух сторон, два из них асимметричной формы со слабо выделенным черешком, один наконечник с черешком треугольной формы (рис. 3, 3—5). Имеется комбинированное орудие, нож-скребок (рис. 3, 6), обломок наконечника дротика (рис. 3, 10). Интересны кремневые полированные орудия: желобчатые долота белого цвета (рис. 3, 20) и обломок орудия из серого камня (рис. 3, 19), небольшое черное тесло с двусторонней обработкой по краям (рис. 3, 18). Основные формы каменных орудий, особенно полированные долота и черешковые наконечники стрел, характерны для времени позднего неолита и ранней бронзы.

Стоянки в урочище Клячино входят в один культурный круг с другими стоянками на р. Лух. Стоянки Клячино не были, вероятно, долговременными поселениями, хотя и неоднократно заселялись. Стоянка Клячино I может быть связана с носителями ямочно-гребенчатой керамики и волосовскими племенами, стоянка Клячино II связывается с населением ямочно-гребенчатой керамики позднего типа и эпохи бронзы. Волосовский слой стоянок Клячино близок мощному слою долговременной стоянки Стрелка I у дер. Рыбино, где Д. А. Крайновым были исследованы жилища, содержащие разнообразные и многочисленные изделия из глины, камня и кости. Материалы клячинских стоянок можно соотнести с верхним слоем этого поселения по сходной керамике с органической примесью. Волосовцы, судя по керамике, претерпевшей ряд изменений в своем развитии, обитали на р. Лух длительное время. Это подтверждают и материалы других стоянок, выявленных разведками Н. М. Романова и Верхневолжской экспедицией в этом районе. На р. Лух зафиксированы поселения: в с. Мыт (Мыт I, II и Боринка), Стрелка I, II у дер. Рыбино, стоянка на полуострове между оз. Шадрино и р. Лух, стоянки Толстуха I, II на левом берегу р. Лух, при впадении в нее р. Устье. На всех этих поселениях преобладают находки времени неолита: слои с ямочно-гребенчатой керамикой раннего и позднего типа конца IV — начала III тысячелетия до н. э. и волосовские слои, керамика которых находит аналогии в материалах, датированных по С₁₄ III — рубежом II тысячелетия до н. э. из стоянок у оз. Сахтыш⁴. Близкую дату для волосовских памятников Оки приводит и И. К. Цветкова⁵. Р. Лух, связанная через Клязьму с Окой, являлась естественным водным путем, по которому расселялись древние охотники и рыболовы.

- ¹ См. отчеты Верхневолжской археологической экспедиции АН СССР за 1962, 1967 гг.: *Гадзяцкая О. С.* Разведочные работы в Ивановской области; *Она же.* Отчет о раскопках стоянок Клячино I и Клячино II.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2522, 3567. Коллекции хранятся в Ивановском областном музее.
- ² *Крайнов Д. А.* Отчеты о работах Верхневолжской археологической экспедиции за 1967—1969 гг.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3567, 3706, 4008.
- ³ *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятни-

ков Верхнего Поволжья.— КСИА, 1965, вып. 100; *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: *Кавказ и Восточная Европа в древности.* М., 1973.

⁴ *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА, 1978, вып. 153; *Она же.* Отчет о раскопках стоянки Сахтыш II в 1981 г.— Архив ИА АН СССР.

⁵ *Цветкова И. К., Кравцов А. Е.* Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I.— СА, 1982, № 2, с. 90—94.

М. П. ЗИМИНА

МОГИЛЬНИК НА СТОЯНКЕ «РЕПИЩЕ»

При раскопках поселения «Репище», находящегося недалеко от слияния р. Уверь с р. Мстой (Новгородская область), был обнаружен древний могильник. Он найден в западной суходольной части стоянки, возвышающейся над поймой и современным уровнем ручья Прямик на 2,5 м. Здесь мощность культурного слоя не превышает 0,45—0,65 м.

В настоящее время расчищено 22 погребения (рис. 1). Костяки погребенных не сохранились. В нескольких погребениях встречены лишь зубы. По стратиграфическому положению, наличию или отсутствию могильных ям и ориентировке погребения можно подразделить на две группы.

К первой группе относятся двенадцать погребений: 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17 (табл. 1). Погребения первой группы располагались в середине культурного слоя, в верхней части темно-серого песка, на глубине 0,4—0,5 м. Они определялись по охристому пятну. Длина пятна охры варьировала от 0,8 до 1,65 м, ширина — от 0,35 до 0,5 м, мощность — от 0,1 до 0,2 м. Пятна охры имели овальную форму и четко выделялись на фоне окружающего слоя. В некоторых случаях один конец пятна расширен (погребения 4, 8, 13, 14), иногда утолщен (погр. 5, 13, 14, 17). В тех случаях, когда обнаруживались зубы в погребениях, они находились в расширенном или утолщенном конце охристого пятна (погр. 5, 14). Поэтому представляется возможным, что более широкий конец пятна охры соответствовал головной части погребения, что и учитывалось при определении ориентировки. В рассматриваемой группе погребений преобладает юго-западная — северо-восточная ориентировки.

Могильные ямы в этой группе погребений не прослежены. Возможно, они почему-либо не сохранились в культурном слое. Аналогичная картина отмечается на некоторых стоянках сопредельных территорий, где у погребений, находящихся в культурном слое, могильные ямы также прослеживаются не всегда ¹.

В трех из перечисленных погребений инвентаря нет. В остальных обнаружены в небольшом количестве янтарные украшения. Они располагались обычно в области груди (погр. 1, 2, 5, 13), головы (погр. 5, 14), реже — вдоль всего погребения (погр. 9, 14).

В погребении 13 (рис. 2, а) в области груди расчищены две изогнутые прямоугольные в сечении сланцевые подвески, перекрещенные друг с другом. Слева от них лежали сланцевое, также прямоугольное в сечении, кольцо и небольшая янтарная подвеска. Справа, на некотором удалении, — второе сланцевое кольцо (рис. 3, 38—41). Ближе к центру погребения располагались полукругом пять трапециевидных янтарных подвесок. Две из них имели уплощенную сторону, одна — утолщенный край. Вокруг подвесок находилось девять янтарных сегментовидных в сечении

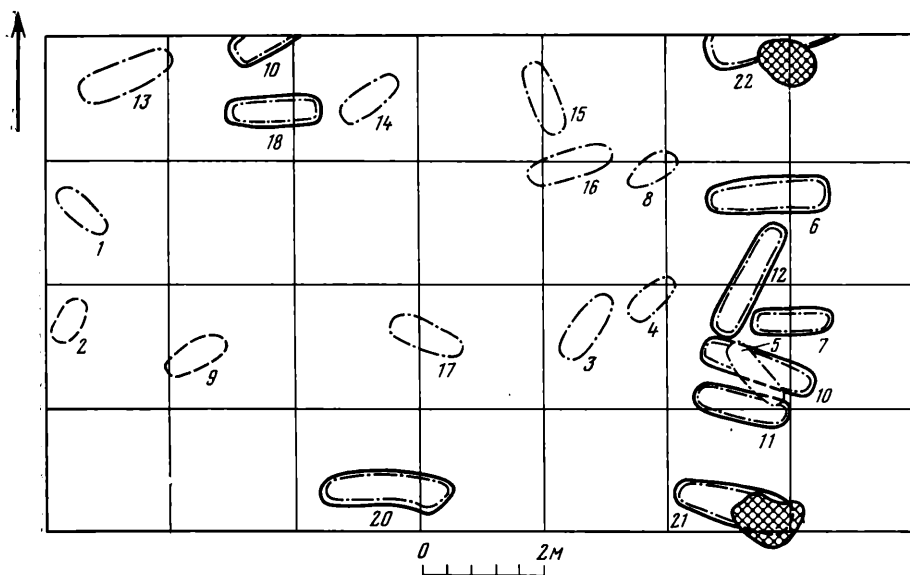

Рис. 1. План могильника

а — очертания могильной ямы, б — контур охристого пятна; 1—22 — номера погребений

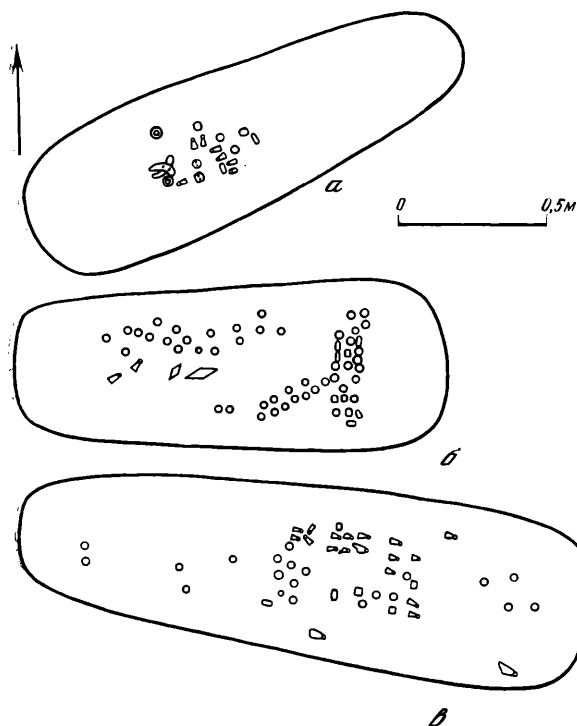

Рис. 2. Планы погребений

- а — погребение 13,
- б — погребение 18,
- в — погребение 21;
- 1 — подвеска,
- 2 — пуговица,
- 3 — сланцевая подвеска,
- 4 — сланцевое кольцо,
- 5 — наконечник копья,
- 6 — наконечник стрелы

пуговиц. Пять пуговиц имели круглую форму. У одной из них линзовидное сечение (рис. 3, 36). Две пуговицы овальной формы, одна — прямоугольная, одна — квадратная (рис. 3, 37).

В погребении 14, почти по всей его площади, в толще охры в несколько слоев друг на друге или с прослойкой в несколько миллиметров пятнадцать янтарных подвесок и двадцать пуговиц. В головной части погребения находилось три пуговицы прямоугольной формы. Справа — обломок ножевидной пластины из красноватого кремня. В центре погребения двумя рядами располагались восемь трапециевидных подвесок и

Таблица 1
Погребения I группы

№ погребения	Глубина	Размеры охристого пятна	Ориентировка	Костные остатки	Инвентарь погребений: янтарь, кремль, сланец								Примечание	
					подвески	пуговицы	скребки	долота	сверла	ножевидные пластинки	отщепы	подвески		кольца
1	0,45	1×0,4×0,1	СЗ	—	7	3	—	—	1	—	—	—	—	частично разрушено
2	0,4	0,8×0,3×0,08	ЮЗ—СВ	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	
3	0,45	1,2×0,4×0,2	ЮЗ—СВ	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	частично разрушено
4	0,4	1,15×0,35×0,2	ЮЗ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
5	0,4	1,2×0,4×0,15	СЗ	зубы	2	9	—	—	—	—	—	—	—	частично разрушено
8	0,5	0,95×0,4×0,1	СВ—ЮЗ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
9	0,4	1,1×0,4×0,08	ЮЗ—СВ	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	частично разрушено
13	0,5	1,6×0,5×0,15	ЮЗ	—	6	9	—	—	—	—	—	2	2	
14	0,5	1,4×0,45×0,15	ЮЗ	зубы	15	20	—	—	—	1	—	—	—	частично разрушено
15	0,45	1,2×0,45×0,1	ССЗ—ЮЮВ	—	—	3	1	1	—	—	1	1	—	
16	0,45	1,65×0,4×0,1	ЮЗЗ—СВВ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	частично разрушено
17	0,4	1,25×0,45×0,12	СЗ—ЮВ	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	
					35	57	1	1	1	1	1	3	2	

шесть пуговиц. У пуговицы прямоугольной формы два сквозных отверстия вдоль длинной оси и линзовидное сечение. Пять пуговиц круглых с сегментовидным сечением. У двух из них У-образное отверстие размещено на выпуклой стороне, у остальных — на плоской. Далее вытянуты в линию четыре подвески трапециевидной формы с линзовидным и прямоугольным сечением (у одной из них тыльная сторона вогнута). Справа от них — шесть круглых сегментовидных в сечении пуговиц. У двух из них — отверстие на выпуклой стороне. В районе нижних конечностей найдены две трапециевидные, одна треугольная подвеска и три прямоугольные пуговицы. У двух пуговиц сегментовидное сечение и отверстие на выпуклой стороне, у третьей — линзовидное сечение. Между этой группой украшений и группой янтарных поделок в центральной части погребения находились две круглые сегментовидные в сечении пуговицы.

В сохранившейся части погребения 13, помимо трех янтарных пуговиц, обнаружена треугольной формы сланцевая подвеска, а также кремневый отщеп, долото и скребок (рис. 3, 33—35). У скребка, изготовленного из серого кремня, слегка сработан небольшой участок рабочего края. Долото из желтоватого кремня треугольной в плане и сечении формы также частично сработано. Крупный отщеп коричневатого кремня следов работы не имеет.

Все предметы, обнаруженные в погребениях, залегли в средней или нижней части охристого слоя. Непосредственно над погребениями или в первых миллиметрах охристого слоя некоторых погребений (погр. 3, 4, 9) встречены отщепы из пестроцветного кремня, мелкие обломки керамики с примесью дресвы в тесте и ямочно-гребенчатым орнаментом, обломок ножевидной пластины, скребок. Представляется возможным считать их принадлежащими культурному слою стоянки.

Ко второй группе относятся десять погребений: 6, 7, 11, 12, 18, 19, 20, 21, 22² (табл. 2). Погребения второй группы находились в нижней части культурного слоя и углублялись в материк на 0,15—0,2 м. Они располагались в могильных ямах, четко выделяющихся черным цветом на фоне окружающего слоя. Длина их варьировала от 1,6 до 2,1 м, ширина — от 0,5 до 0,7 м, глубина — от 0,17 до 0,3 м. Могильные ямы, как правило, имели прямоугольную с закругленными углами форму. Один конец их нередко расширен, другой сужен (погр. 6, 10, 11, 12, 18, 20, 21). На дне могильных ям находился слой ярко красной охры. Обычно после

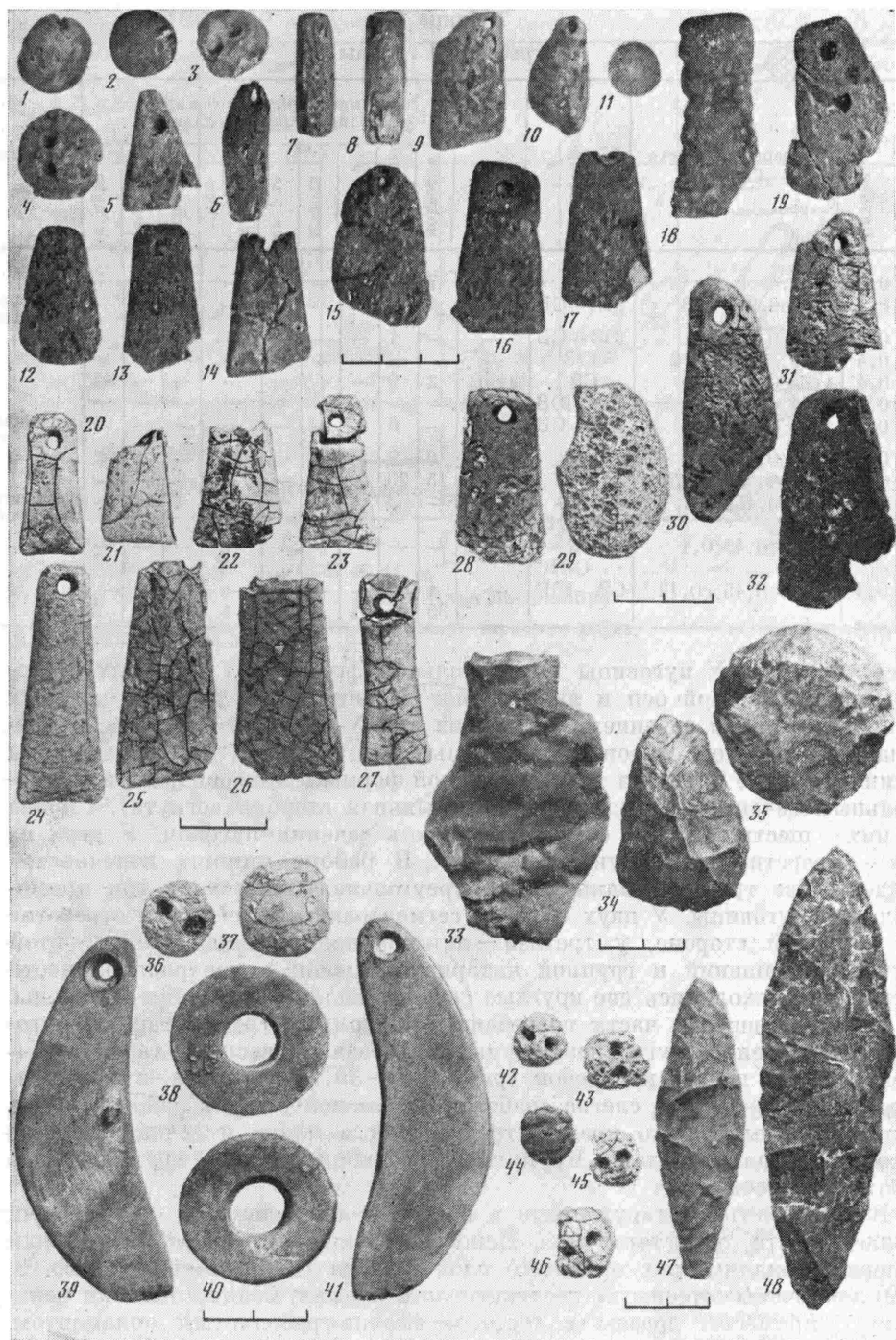

Рис. 3. Инвентарь погребений

1—19 — погребение 10; 20—27 — погребение 14; 28—32 — погребение 21; 33—35 — погребение 15; 36—41 — погребение 13; 42—48 — погребение 18

снятия нескольких сантиметров черного песка появлялись отдельные пятна охры, которые затем, увеличиваясь в количестве и размерах, сливались в сплошное пятно. Размеры охристых пятен варьировали в пределах $1,05 \times 1,9 - 0,35 - 0,5$ м, мощность слоя охры $0,1 - 0,2$ м. В расширенном конце могильных ям в охре лежали зубы погребенных, если они

Таблица 2
Погребения II группы

№ погребения	Глубина	Размеры могильной ямы	Размеры охристого пятна	Ориентировка	Костные остатки	Инвентарь погребений янтарь, кремнь					
						подвески	пуговицы	пронизки	наконечник копья	заколотчик	стрел
6	0,45	1,8×0,6×0,2	1,5×0,36×0,1	В	зубы	5	49	—	—	—	—
7	0,45	1,2×0,6×0,2	1,05×0,45×0,1	В	зубы	6	29	—	—	—	—
10	0,55— 0,6	2×0,7×0,3	1,9×0,55×0,25	ЮВ	зубы	63	84	4	—	—	—
11	0,6	1,6×0,5×0,2	1,4×0,35×0,15	ЮВ	зубы	—	—	—	—	—	—
12	0,6	2×0,5×0,3	1,8×0,4×0,2	ЮЗ	—	—	—	—	—	—	—
18	0,65	1,5×0,6×0,17	1,35×0,35×0,1	В	зубы	2	54	—	1	1	—
19	0,68	? ×0,6×0,2	? ×0,5×0,1	ЮЗ—СВ	—	—	1	—	—	—	—
20	0,65	2,1×0,6×0,2	1,95×0,45×0,15	В	—	2	1	—	—	—	2
21	0,6	2×0,6×0,25	1,8×0,35×0,15	ЮВ	—	19	27	—	—	—	—
22	0,65	? ×0,7×0,2	? ×0,5×0,08	ЮЗ—СВ	—	1	—	—	—	—	—
						98	245	4	1	1	2

сохранялись. Во второй группе погребений преобладает восточная и юго-восточная ориентировки.

В засышке некоторых погребений (погр. 6, 10, 11, 20, 21), в верхней части черного песка встречено несколько отщепов пестроцветного кремня, скребок, миниатюрный шлифованный топорик из красноватого кремня, несколько обломков ямочно-гребенчатой керамики с примесью дресвы в тесте.

Инвентарь погребений находился в средней и нижней части охристого слоя. В других погребениях (погр. 11, 12) инвентаря нет. В остальных, за редким исключением, обнаружены только янтарные украшения. Они располагались в области головы и груди (погр. 6, 7) или почти по всей поверхности погребения (погр. 10, 18, 21) без видимого порядка или рядами, вынутыми вдоль погребения или в поперечном направлении. Иногда янтарные поделки размещались в несколько слоев непосредственно друг над другом или разделялись несколькими прослойками охры.

В погребении 6 янтарные предметы лежали двумя слоями. В области головы в беспорядке находились четырнадцать пуговиц и четыре подвески. Одна из них треугольная, остальные прямоугольные. В центральной части погребения тремя группами располагались 35 пуговиц и одна подвеска подтреугольной формы с закругленным основанием, 17 пуговиц сломаны. Среди остальных 27 круглых. У шести из них линзовидное сечение, у остальных — сегментовидное. У 12 пуговиц отверстие размещено на выпуклой стороне. Одна пуговица квадратная с закругленными углами и линзовидным сечением. Три пуговицы прямоугольные с закругленными углами, линзовидные в сечении.

В погребении 7 янтарь размещался одним слоем. В головной части вместе с зубами лежали в беспорядке 27 сегментовидных в сечении пуговиц (у одной отверстие на выпуклой стороне) и прямоугольная подвеска. В центре погребения располагалось 5 подвесок. Одна из них ромбическая с линзовидным сечением, вторая — овальная с утолщенным краем. Рядом с подвесками находились две пуговицы — овальная, с отверстием на выпуклой стороне, и квадратная с отверстием на плоской стороне.

В погребении 10 в три слоя друг на друге несколькими группами размещалась 151 янтарная поделка. В головной части погребения на одном уровне с зубами расчищено две трапециевидных подвески и двадцать одна круглая пуговица с сегментовидным сечением. В центре погребения располагались вразброс двумя слоями друг над другом 29 подвесок,

21 пуговица и две пронизки. Над ними полукругом, раскрытым в сторону головы, лежали тридцать две подвески, двадцать одна пуговица и одна пронизка. Далее, ближе к противоположному концу погребения на одном уровне с предыдущей группой, 21 пуговица вытянута в два ряда в поперечном направлении. Пуговицы в погребении в большинстве своем круглые, в сечении сегментовидные. У 13 из них отверстие на выпуклой стороне. Пять пуговиц имеют линзовидное сечение. Среди подвесок — 25 трапециевидных. Одна орнаментирована по краю узкими нарезками, вторая — широкими (рис. 3, 18). Семь подвесок выделялись треугольной формой. У одной из них вогнутое основание, у двух других вогнута тыльная сторона. Три подвески овальные, две изогнутые, одна ромбическая, одна асимметричная, остальные — прямоугольные (рис. 3, 1—19).

В погребении 18 (рис. 2, б) в головной части располагалось двумя рядами 18 пуговиц круглой, квадратной и прямоугольной формы. Под ними найден ряд из семи пуговиц, от которого наискось вправо отходила двухрядная полоса из 11 пуговиц. Вдоль погребения, слева, тянулись два изогнутых ряда из 18 пуговиц круглой и прямоугольной формы (рис. 3, 42—46). Справа от них под углом друг к другу лежали наконечник копья и наконечник стрелы и две трапециевидные подвески. Наконечник сделан из сероватого кремня, наконечник стрелы — из желтоватого кремня (рис. 3, 47—48). Оба наконечника обработаны грубыми сколами и не несут следов дополнительной подправки. Они находились на границе охры и подстилающего слоя. Нижние их плоскости были уже без охры. Янтарь, залегающий на одном уровне с наконечниками, настолько плохой сохранности, что рассыпался от прикосновения к нему.

В погребении 21 (рис. 2, в) янтарь размещался почти по всей площади охристого пятна, но концентрировался в центральной части погребения. Большая часть подвесок находилась в области груди, пуговицы — вдоль всего погребения. Среди них имеются круглые, овальные, круглые с линзовидным и сегментовидным сечением, с размещением отверстия на различных плоскостях. Большинство подвесок трапециевидные, часть подвесок прямоугольные, одна — овальная, две — треугольные, две — асимметричные (рис. 3, 28—32). Над восточным концом погребения, захватывая его и выходя за его пределы, располагалась очажная яма, идущая с середины культурного слоя, с глубины 0,4 до 0,6 м. Она слегка повредила верхнюю часть могильной ямы. Южная сторона погребения 22 также частично прорезана очажной ямой, идущей с глубины 0,5 м.

Исходя из формы и размеров охристых пятен и могильных ям, расположения инвентаря и костных остатков (зубов), можно предположить, что погребения в обеих группах одиночные, вытянутые. Меньшие по размерам погребения были, возможно, детскими.

Большинство погребенных, как в той, так и в другой группе, сопровождалось инвентарем, как правило, в виде янтарных украшений, иногда сланцевых поделок и кремневых орудий. Кремневый инвентарь немногочислен и не отличается ни по характеру материала, ни по технике обработки. Янтарные украшения также носят одинаковый характер в обеих группах погребений.

Всего на могильнике обнаружено 439 янтарных поделок. Две трети из них сосредоточены в погребениях второй группы. Обычно это небольшие круглые пуговицы, сегментовидные в сечении с У-образным отверстием. Встречаются и линзовидные в сечении пуговицы. Диаметр пуговиц варьирует в пределах 1—2,2 см, толщина — 0,3—0,7 см. В небольшом количестве имеются пуговицы других форм. Овальные, сегментовидные в сечении пуговицы также невелики. Длина их 1,5—2,2 см, ширина 1,1—1,2 см, толщина 0,4—0,5 см. Квадратные с закругленными углами пуговицы в основном сегментовидные, изредка линзовидные. Их размер 1,1—1,2 см, ширина 0,4 см. Несколько крупнее прямоугольные с закругленными углами пуговицы, также в основном сегментовидные. Линзовидные среди них редки. Длина их 1,8—2,4 см, ширина 1,2—1,8 см, толщи-

на 0,3—0,7 см. У большей части плоско-выпуклых пуговиц, независимо от формы, отверстие располагается на плоской стороне, у остальных — на выпуклой. Расположение отверстия с различных сторон сегментовидных в сечении пуговиц известно на стоянках Швянтойи и др.³

У одной пуговицы прямоугольной формы два сквозных отверстия вдоль длинной оси. Размер ее 2,8 см × 2,4 см, толщина 0,5 см. На других памятниках как будто такие пуговицы неизвестны. Круглые пуговицы с двумя сквозными отверстиями опубликованы Р. Клебсом и Л. В. Ванкиной⁴. Все разновидности пуговиц (по форме, сечению, расположению отверстий) встречаются в одном погребении. Не отмечается преимущественного использования той или иной разновидности пуговиц по группам погребений.

Среди янтарных подвесок чаще всего встречаются пластинчатые трапециевидные. Длина их варьирует от 2,4 до 5,5 см, ширина — от 1,6 до 3,2 см, толщина — 0,3—0,8 см. У большинства подвесок прямое основание, у некоторых скошенное или закругленное, иногда приостренное. У некоторых подвесок слегка вогнуто основание или боковые стороны. Прямоугольные подвески несколько меньше по размеру. Длина их 1,5—3 см, ширина 1—1,5 см, толщина 0,3—0,5 см. У треугольных подвесок прямое или несколько вогнутое основание. Длина их 2,4—4,5 см, ширина 2—3,5 см, толщина 0,5—0,9 см. Немногочисленны овальные, ромбические, изогнутые и не имеющие четких геометрических форм подвески. Самые мелкие — овальные подвески. Длина их 1,5—2 см, ширина 0,9—1 см, толщина 0,3—0,4 см. Такие подвески найдены лишь в погребениях второй группы. Остальные подвески с равной частотой встречаются всюду. Сечение подвесок, независимо от формы, прямоугольное, линзовидное или сегментовидное. Отверстие, обычно просверленное с двух сторон, находится в верхнем суженном конце. У некоторых трапециевидных подвесок по два отверстия.

В одном погребении (вторая группа) найдены четыре пронизки цилиндрической формы. Длина их 3,3—3,7 см, диаметр 0,9—1 см.

Расположение украшений в погребениях свидетельствует о том, что они определенным образом нашивались на одежду. По-видимому, пуговицы располагались по вороту, несколькими рядами на груди и по низу одежды. Пуговицы, нашитые на одежду с двух сторон, лежали отверстиями навстречу друг другу. Иногда подвески нашивались вдоль груди и бедер, на рукавах. В некоторых погребениях пуговицами был расшит головной убор.

Украшения, найденные на могильнике, изготовлены из желтого, реже — красноватого янтаря. Условия залегания могильника не способствовали сохранности янтаря. Он покрыт толстой коркой, трещиноват, нередко рассыпается от прикосновения. Происхождение его связано с восточной Прибалтикой⁵. Аналогичные формы янтарных украшений широко распространены на стоянках развитого и позднего неолита и поздненеолитических могильниках лесной полосы европейской части СССР, как в самой Прибалтике, так и за ее пределами. Наибольшее сходство янтарные украшения публикуемого могильника находят с такими же поделками на стоянках Швянтойи, Сарнате, Абора I, Найниексте, могильнике Звейниекки (третья группа), стоянке Пиестиня, в погребениях на стоянке Сахтыш VIII, Иловец, на стоянке Модлона, могильнике Каргулино, в Кончанском могильнике⁶.

Считается, что некоторые формы янтарных украшений — круглые пуговицы с линзовидным сечением, трапециевидные подвески с сегментовидным сечением — характерны для среднего неолита⁷. Но в описанной коллекции ранние и поздние формы янтарных изделий находятся не только в пределах одного могильника, но и в одном и том же погребении. Совместное нахождение ранних и поздних форм янтаря отмечается в погребениях на стоянке Сахтыш VIII⁸. По наблюдениям Р. К. Римантене, в поселениях Швянтойи, относящихся к различным периодам, встречаются одни и те же янтарные пуговицы, а в поселениях, датирова-

мых средним неолитом, найдены сегментовидные в сечении пуговицы⁹.

Как видно из вышесказанного, инвентарь погребений практически одинаков. Но наблюдения над стратиграфическим положением погребений в обеих группах позволяют сделать вывод о некотором хронологическом разрыве между двумя группами погребений, так как погребения этих групп не только находятся на различной глубине, но и одно из погребений первой группы (погр. 5) перекрывает два погребения (№ 10, 11) второй группы (рис. 1). Возможно, за это время несколько изменился обряд погребений (произошла смена ориентировки погребенных). Но не исключена и принадлежность погребений различным группам населения.

Все погребения находятся в культурном слое стоянки, в разных его частях. В засыпке некоторых погребений встречаются находки, аналогичные таким же в культурном слое. Следовательно, погребения второй группы, располагавшиеся в нижней части культурного слоя, были совершены уже после того, как сформировался его нижний пласт, но раньше, чем отложился средний. Так как очажные ямы средней части культурного слоя перекрывают и прорезают некоторые погребения (№ 21, 22). Погребения первой группы, залегающие выше, соответственно устроены уже после того, как сформировалась средняя часть культурного слоя стоянки. Последний неоднороден и на разных участках поселения состоит из различных по структуре прослоек. Неодинакова и мощность его.

В западной половине стоянки, где находится могильник, слой имеет наименьшую толщину и залегает в песке. Здесь, в верхней толще, сразу под дерном, находятся остатки эпохи бронзы и раннего железа: шаровидные сосуды с выраженной шейкой и мелкогребенчатым орнаментом по шейке и плечикам, обломки льячек; грубая лепная плоскодонная посуда без орнамента и с текстильными отпечатками. Эти находки ни разу не встречены в засыпке погребений. Надо думать, могильник не связан с верхней частью культурного слоя стоянки. Ниже расположенные напластования содержат находки, относящиеся к эпохе неолита.

В юго-восточной, приречной части поселения мощность культурного слоя достигает 1,9 м. Здесь культурные напластования залегают под слоем торфа в различных прослойках: глине, торфе, оторфованном и иловатом песке. В двух первых слоях содержится янтарь. В обоих слоях одинаковая керамика: ямочно-гребенчатая и гребенчато-ямочная с примесью дресвы в тесте, пористая с гребенчатым орнаментом, керамика с примесью песка или шамота и поверхностным мелкозубым и мелкоямочным орнаментом. Но большая часть пористой керамики находится в первом слое, большинство ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной — во втором. В первом слое каменный инвентарь выполнен из пестроцветного кремня. Во втором — только из темно-серого и другого качества. Очевидно, в разное время население использовало разные источники сырья. Во втором слое янтарь прозрачен, в первом — нет. Это, видимо, связано с условиями залегания. В нижележащих неолитических слоях янтара нет.

На возвышенной территории стоянки ни разу не встречены орудия из темно-серого кремня. Кремневый инвентарь этой части поселения и могильника идентичен инвентарю из глинистого слоя приречного участка стоянки. Представляется, что могильник устроен неолитическим населением, оставившим находки, содержащиеся в глинистом слое приречной территории поселения. Видимо, местоположение стоянки неоднократно изменялось в зависимости от уровня воды. В более сухие периоды население располагалось ближе к реке, и умерших хоронили на суходоле. В период повышенной влажности, наоборот, поселение размещалось на возвышенной территории. В поздненеолитическое время было по крайней мере два таких местных переселения.

Нижний слой торфа с неолитическими остатками датируется по C_{14} первой половиной III тысячелетия до н. э.¹⁰ Следовательно, вышерасположенный слой относится к более позднему времени. Предварительно могильник может быть датирован второй половиной III тысячелетия до н. э. Именно в это время (середина III тысячелетия до н. э. — начало

II тысячелетия до н. э.) янтарные изделия получают широкое распространение на неолитических стоянках лесной полосы Европейской части СССР.

- ¹ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 50; *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979, с. 43—52; *Янигс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайгы. Таллин, 1959, с. 63, 102, 105; *Idem.* Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland.— In: SMYA, Helsinki, 58, S. 80—100.
- ² Погребения № 19, 22 расчищены частично, так как остальная их часть уходила в стенку раскопа, границы которого расширить в момент раскопок не представлялось возможным.
- ³ *Rimantene R.* Svetoji narvos kultūros guvenvietės. Vilnius, 1979, p. 170, pav. 72, 21; *Klebs R.* Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Boggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. Königsberg, 1882, taf. 11, 8, 14.
- ⁴ *Klebs R.* Der bernsteinschmuck der Steinzeit, taf. 111, 4; *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970, табл. LI, 13; табл. LIV, 30.
- ⁵ *Лозе И. А.* Вопросы картографирования находок янтаря эпохи неолита на Европейской части СССР.— В кн.: LZAV, 1980, 9, с. 73—86.
- ⁶ *Rimantene R.* Svetoji... pav. 72, 77, 79; *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка... с. 106—111, табл. XLIV, XLV, XLVIII, XLIX; *Лозе И. А.* Поздний неолит..., с. 114—117; табл. LIV, 5; табл. LV, 11; табл. LVI; табл. LIX, 16—22; *Она же.* Янтарные изделия каменного века из стоянок Лубанской низменности.— В кн.: АЕ, Рига, 1974, XI, рис. 1, 7, 13; *Она же.* Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia.— In: Przegląd Archeologiczny, 1975, fig. 12, pl. II; *Загорский Ф.* Типология и хронология погребений могильника каменного века Звейниекс.— В кн.: АЕ, 1974, XI, рис. 5, 10; *Она же.* Jauni materiāli par neolitu Latvijas austrumu daļa.— In: LZAV, 1965, 6, с. 46, рис. 5; *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник..., с. 52, рис. 4; *Урбан Ю. Н.* Поселение и могильник Иловец.— КСИА, 1973, вып. 137, рис. 4; *Брюсов А. Я.* Свайное поселение на р. Модлона и другие в Чарозерском районе Вологодской области.— МИА, 1951, 20, с. 38, рис. 9; *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978, с. 130, 131, табл. 52, 4, 6, 10; *Периз Н. К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежицкой.— ЗОРСА, 1903, т. V, вып. 1; *Зимина М. П.* Отчет о работе Северо-Западной экспедиции.— Архив ИА.
- ⁷ *Лозе И. А.* Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике.— СА, 1969, № 3, с. 124—130; *Она же.* Янтарные изделия..., с. 61.
- ⁸ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник, с. 54.
- ⁹ *Римантене Р. К.* Указ. соч., с. 170.
- ¹⁰ *Зимина М. П.* Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981, с. 126.

А. Е. КРАВЦОВ, А. Н. СОРОКИН

ЗООМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРКА СО СТОЯНКИ ГРИГОРОВО I

В 1977 г. во время обследования стоянки Григорово I отрядом археологической экспедиции МИРМ В. Ю. Дукельским¹ была найдена глиняная зооморфная фигурка². Произведения мелкой пластики эпохи камня и бронзы в лесной полосе Европейской части СССР немногочисленны, и каждая новая находка является сама по себе уникальной. Это в большой степени определяет задачу публикации предметов искусства.

Стоянка Григорово I находится у восточной окраины д. Григорово Рузского района Московской области и расположена на правом берегу р. Москвы при впадении в нее безымянного ручья на площадке первой надпойменной террасы. На стоянке заложен раскоп площадью 16 кв. м, из которых 2 кв. м испорчено позднейшими ямами³. Стратиграфия шурфа следующая: 1) дерново-почвенный слой мощностью до 10 см; 2) слой светло-коричневой супеси толщиной до 45 см; 3) темно-серая супесь — до 40 см; 4) коричневато-желтая супесь с включениями мелких угольков до 20 см; 5) светлая материковая супесь. Культурный слой общей мощностью до 90 см содержал значительное количество изделий из камня и

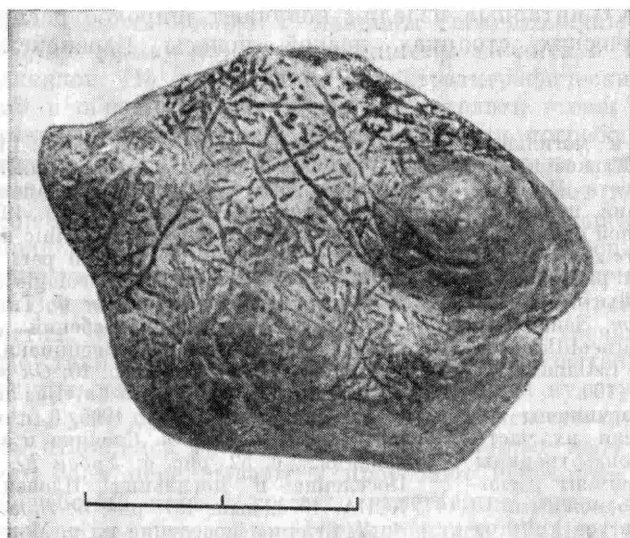

Рис. 1. Зооморфная скульптура, стоянка Григорово I. Вид в три четверти

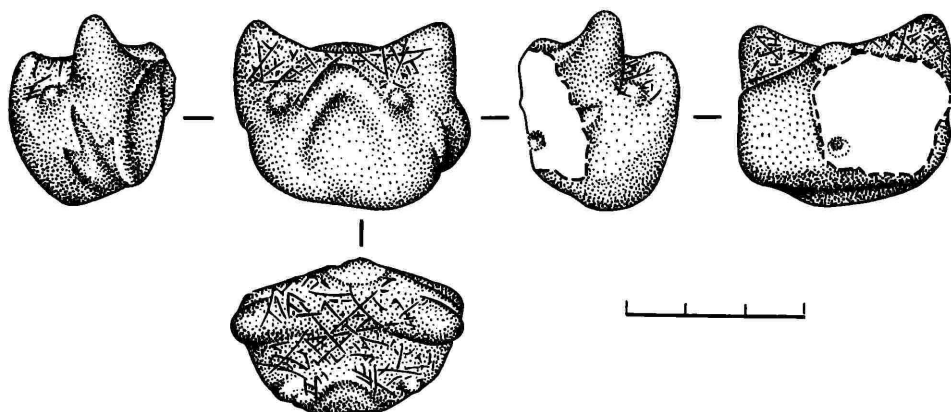

Рис. 2. Зооморфная скульптура со стоянки Григорово I

разнообразную керамику, распределение которой по глубинам показано в таблице ⁴.

Глиняная зооморфная скульптура (рис. 1, 2) залегала в ненарушенном слое пласта IV. Она выполнена в условно-реалистической манере и представляет собой голову животного. Цвет фигурки равномерно серый, обжиг сильный. Размеры: высота (от «подбородка» до кончиков ушей) 26 мм, ширина (на уровне ушей) 36,5 мм, толщина (от затылочной части до носа) 26 мм.

Морда животного короткая, приплюснутая с выступающим вверх подковообразным носом. На месте рта — слабо заметное углубление дугообразных очертаний, возможно, непреднамеренно оставленное пальцами мастера. Нижняя часть морды округлая; глубокими нарезками по бокам выделены надутые щеки, как бы с плотно набитыми защечными мешками, причем левая несколько больше правой. С двух сторон от носа полушарическими выпуклостями обозначены глаза. Уши стоячие, острые, не вполне симметричные. Затылочная часть на месте перехода в шею завершается небольшой плоской скошенной назад площадкой. Тыльная сторона фигурки образована двумя сходящимися под тупым углом плоскостями, между которыми от площадки на затылке по линии симметрии проходил выступ — «гребень», в нижней половине которого находилась глубокая коническая ямка; правая сторона изделия сзади, включая почти

Таблица

№	Группа керамики	Количество сосудов по пластам по 10 см							Всего
		I-II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1	Развитая льяловская	—	—	2	13	15	20	1	51
2	Поздняя льяловская	2	1	2	3	1	—	—	9
3	Ямочно-гребенчатая с ромбической ямкой	1	—	1	—	5	5	—	12
4	Ямочно-гребенчатая с ромбической и прямоугольной ямкой с оттисками веревочки внутри	—	2	—	—	1	1	—	4
5	Ямочно-гребенчатая с овальной ямкой, нанесенной эпифизом косточки	—	—	—	—	—	1	—	1
6	«Дубровяческого» типа ⁵ , объединяющая сосуды с «лапчатыми», «гусеничными» и частично с гребенчатыми отпечатками	—	4	13	1	—	—	—	18
7	Гребенчатая со сплошным заполнением поля рядами косо поставленных оттисков среднего размера	—	—	—	—	2	—	—	2
8	Волосовская	—	—	—	2	3	—	—	5
	Текстильная	—	1	—	—	—	—	—	
Всего		3	8	18	19	27	27	1	103

весь «гребень» и устье ямки, сколота в древности. Ямка, вероятно, предназначалась для насаживания головки на костяной или деревянный стержень. В пользу такой интерпретации углубления говорит сильная залощенность его стенок, которая могла образоваться в результате использования в качестве втульчатого насада.

Верхняя часть морды от глаз, лоб, затылок и уши, исключая их внешние боковые стороны, заштрихованы линиями толщиной 0,25–0,3 мм различной глубины, имитирующими шерсть. На лбу и затылке длинные штрихи, пересекающиеся под углами, близкими к прямым, образующие рисунок в виде ромбической решетки. На ушах и за ними, в обрамлении глаз и носа линии короче, ориентированы беспорядочно. Орнаментированная поверхность залощена. В местах пересечения линии прерываются. Это объясняется тем, что при нанесении штриховки по сырой глине вдоль штрихов образовывались валики, затем выровненные лощением.

Мы затрудняемся определить вид изображаемого животного. Но можно заметить отдаленное сходство с медведем.

Наиболее выразительными особенностями, выделяющими скульптурку со стоянки Григорово I из массы зооморфных и антропоморфных изображений, являются ее глубокая объемность, тщательная проработка отдельных деталей головы животного, трактовка глаз, выпуклостями вместо традиционных для глиняной мелкой пластики вдавлений, имитация шерсти частыми штриховыми линиями, применение приема лощения и, наконец, наличие втулки для крепления на стержне.

Отсутствие близких аналогий, а главное — необычность техники исполнения вызвали даже сомнения в искусственной обработке предмета, предположения о геологическом и палеонтологическом его происхождении. По просьбе авторов он был осмотрен сотрудниками ГИН АН СССР и ПИН АН СССР и признан артефактом⁶. В ГИН фигурка была подвергнута микроанализу с целью идентификации состава формовочной массы с одной из групп керамики⁷. Фигурка и все исследованные образцы керамики изготовлены из идентичных местных глин, но в отличие от керамики глиняное тесто фигурки не содержит искусственных наполнителей. Учитывая, однако, что в пласте IV, где была найдена фигурка, преобладает поздненеолитическая и энеолитическая керамика (см. таблицу), вероятнее всего, фигурку следует связывать именно с керамикой «дубровяческого» типа.

Основная зона распространения неолитической и энеолитической глиняной мелкой пластики в лесной полосе Европейской части СССР охватывает Восточную Прибалтику⁸, Карелию⁹, Восточное Прионежье¹⁰, а также Восточную Финляндию¹¹ и Урал¹². Единичная эмбрионовидная фигурка найдена на стоянке Николо-Перевоз II на р. Дубне¹³. Ни в одном из этих регионов прямых аналогий скульптурке из Григорово I нет. Незначительное сходство с ней имеет только головка собаки со стоянки Модлона¹⁴, имеющая отчетливо выделенные уши и орнаментированная оттисками гребчатого штампа, имитирующими шерсть, на лбу.

До некоторой степени аналогичными григоровской скульптурке можно считать налепы в виде голов животных на венчиках сосудов. Венчик позднерязанского, по И. К. Цветковой¹⁵, сосуда, украшенного ромбической ямкой с отпечатками веревочки внутри и чередующимися оттисками гребчатого штампа и веревочки, навитой на палочку, найден на стоянке Владычинская-Береговая I на р. Пре¹⁶. Налеп в виде схематической головки животного с выделенными ушами и мордочкой выступает наружу. С внешней стороны на ушах оттиски гребчатого и веревочного штампов. На правом ухе — крестообразная насечка. Сходный налеп имеется на венчике сосуда из Береговой стоянки Горбуновского торфяника¹⁷. Мордочка, обращенная внутрь сосуда, орнаментирована оттисками гребенки; выделены только острые торчащие уши. При общем сходстве с фигуркой из Григорово I эти изображения отличаются гораздо большим схематизмом.

Стилистически более близки григоровской скульптурке изображения голов лосей и медведей на карельских и финских фигурных молотах¹⁸. Их объединяет четкое выделение ушей, обозначение глаз выпуклостями, в ряде случаев — тщательность проработки деталей. Однако эти черты сходства в большой степени определяются особенностями материала — песчаника и других пород камня — и техникой изготовления фигурных молотов точечной оббивкой. Использувавшиеся, вероятно, в качестве наверший ритуальных жезлов, фигурные молоты имеют сквозные или незаконченные отверстия для насаживания на рукоять. Фигурка из Григорово I, как отмечалось выше, также являлась навершием костяного или деревянного стержня.

В заключение отметим значительное сходство энеолитической «лапчатой» керамики с наиболее глубокими отпечатками, входящей в комплекс «дубровического» типа, с которым мы связываем скульптурку из Григорово I, и керамики, орнаментированной ромбической и ромбовидной (ромбо-овальной) ямкой с отпечатками веревочки внутри. Последняя в Волго-Окском междуречье очень близка к так называемой белевской керамике, орнаментированной гладкими ромбическими ямками, относящейся к развитому и позднему неолиту. В некоторых регионах лесной полосы Европейской части СССР глиняные зооморфные изображения связываются именно с этими группами керамики. К их числу относится упомянутый фигурный налеп из Владычинской-береговой I. На карельской стоянке Вигайнаволок I, давшей серию энеолитических зооморфных фигурок, 74,9% энеолитической керамики орнаментировано ромбическими и ромбовидными ямками (включая фрагменты с сочетанием ромбических и подчетырехугольных, треугольных и зубчатых вдавлений), в том числе 2,3% — «ромбическими ямками с насечкой». Энеолитический комплекс стоянки датирован серединой II тысячелетия до н. э.¹⁹ Кстати, обращает на себя внимание различие составов формовочных масс сосудов, содержащих «умеренную примесь плохо истолченной дресвы»²⁰, и скульптурок²¹. Лишь одна из них содержала в глиняном тесте «незначительное количество дресвы»; в составе прочих отмечается наличие только мелкого песка, вероятнее всего являющегося естественной примесью.

Исходя из вышеизложенного, можно датировать фигурку из Григорово I по комплексу керамики «дубровического» типа концом III — серединой II тысячелетия до н. э. Наличие же фрагмента ямочного

сосуда с текстильными отпечатками из пласта III позволяет сузить дату до середины II тысячелетия до н. э.

- ¹ Авторы выражают благодарность В. Ю. Дукельскому за разрешение использовать материалы его исследовательской стоянки Григорово I.
- ² Хранится в МИРМ оф № 24657/326.
- ³ Дукельский В. Ю. Отчет о разведках в Московской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6681.
- ⁴ Пласт IX содержал только изделия из камня раннеолитического облика. В таблицу не включены фрагменты сосудов из перекопа. Подсчет количества сосудов производился по развалам и венчикам.
- ⁵ Фоломеев Б. А. К вопросу о памятниках «дубровического» типа бассейна Средней Оки.— КСИА, 1975, вып. 141.
- ⁶ Выражаем благодарность за помощь в атрибуции скульптурки старшему научному сотруднику ГИН АН СССР А. Г. Черняховскому, заведующему лаборатории ПИН АН СССР Б. И. Богословскому и старшему научному сотруднику А. А. Шевыреву.
- ⁷ Микроанализ скульптурки и образцов керамики выполнен старшим научным сотрудником ГИН АН СССР А. Г. Черняховским.
- ⁸ Loze I. Seno ticējumu un tradīciju atspoguļojums akmens Laikmeta māksla austrumbalijā.— Arheologija un etnogrāfija. Rīga, 1970, IX.
- ⁹ Журавлев О. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из неолитического поселения Вигайнаволока I.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- ¹⁰ Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- ¹¹ Miettinen T. En idol från Hietaniemi i Luopioinen.— Finskt Museum, 1964, LXXI.
- ¹² Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- ¹³ Раушенбах В. М. Стоянка Николо-Перевоз II на р. Дубне в Московской области.— В кн.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
- ¹⁴ Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978, с. 122, табл. 40, з.
- ¹⁵ Цветкова И. К. Племена рязанской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44, с. 138.
- ¹⁶ Студзицкая С. В. Фигурные налпы на сосудах со стоянок волосовской культуры.— Тр. ГИМ, 1980, вып. 51, с. 28; с. 170, рис. 3.
- ¹⁷ Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала.— Тр. ГИМ, 1940, вып. X, с. 94, рис. 89, 90.
- ¹⁸ Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940, с. 84; с. 260, рис. 122; с. 242, рис. 92; табл. XIV, 59; Студзицкая С. В. Фигурный молот из Карелии.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
- ¹⁹ Панкрушев Г. А., Журавлев О. П. Стоянка Вигайнаволока I.— В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1966, с. 176.
- ²⁰ Панкрушев Г. А., Журавлев О. П. Стоянка Вигайнаволока I..., с. 167.
- ²¹ Журавлев О. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из неолитического поселения Вигайнаволока I...

Ю. А. МОРОЗОВ, Б. Г. ТИХОНОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В НИЗОВЬЕ Р. БЕЛАЯ

История изучения неолитических памятников бассейна р. Белая насчитывает более 20 лет. В 50–60-х годах во время разведочных маршрутов в районе низовья р. Белая несколько пунктов находок кремня и керамики было обнаружено А. П. Шокуровым¹. В дальнейшем сборы с поверхности этих памятников и публикацию материала провели Г. Н. Матушин и М. Ф. Обьеднов². Сосредоточение сравнительного большого количества неолитических и энеолитических памятников на правобережье р. Белая³ безусловно повышает интерес к данному микрорайону и вызывает необходимость введения в научный оборот ранее не опубликованных археологических материалов.

Наиболее изученными являются стоянки Кюнь II и Старо-Буртюково, исследования которых проводились соответственно в 1960 г. Башкирской археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А. В. Збруевой и Б. Г. Тихонова, а в 1971 г. отрядом Башкирского филиала АН СССР под руководством Ю. А. Морозова.

Стоянка Кюнь II находится восточнее села Старо-Янзигитово Краснокамского района Башкирской АССР. Площадка памятника расположена

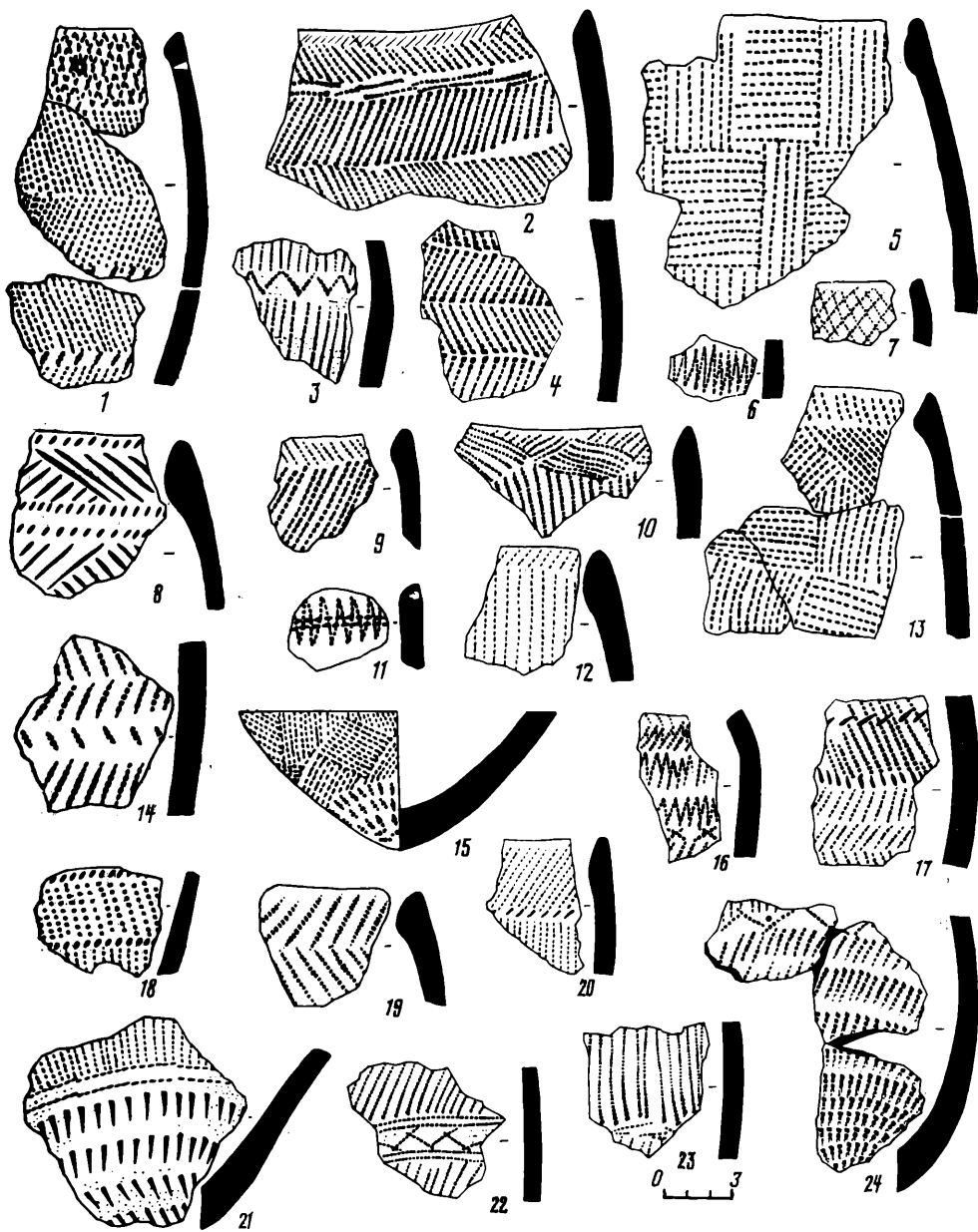

Рис. 1. Керамический материал неолитических стоянок

1—4, 6—7, 9—10, 13, 15—16, 18, 21—22, 24 — стоянка Кюнь II; 5, 8, 11, 12, 14, 17, 19—20, 23 — стоянка Старо-Буртукново

на 4-метровой коренной террасе правого берега р. Белая, недалеко от ее русла и вблизи реки Кюнь. Раскоп площадью 100 кв. м (10×10 м) был заложен на небольшом мысу, ограниченном с восточной стороны заболоченной поймой, а с южной — неглубоким овражком.

Большая часть памятника была нарушена пашней. Стратиграфия раскопа следующая: под 0,25 м слоем перепаханной почвы залегал до глубины 0,45 м не потревоженный слой гумуса, который подстилался слоем материкового песка.

Основная масса находок обнаружена в не потревоженном слое гумуса на глубине 0,25—0,45 м. Культурный слой насыщен осколками кремня, орудиями, фрагментами керамики. Распределены они по площади раскопа более или менее равномерно. Зачистка культурных слоев каких-либо сле-

дов жилищных сооружений не выявила. Зафиксировано лишь два углубления нечетких очертаний в квадратах 3-БВ и 5-А, в которых глубина культурного слоя достигает 0,6 м. В заполнении отмеченных углублений обнаружено несколько фрагментов орнаментированной неолитической керамики.

Коллекция, полученная в результате раскопок стоянки, и подъемный материал в общей сложности насчитывают 1014 предметов. Керамика представлена 948 большей частью орнаментированных обломков сосудов, из которых 109 являются венчиками. Диаметр горла сосудов, судя по имеющимся фрагментам, равен 28—36 см. Подавляющее большинство сосудов было крупными, яйцевидной формы, с утолщенным изнутри венчиком (рис. 1, 1, 9, 10, 13, 20) и приостренным дном (рис. 1, 15, 21, 24). Поверхность большинства фрагментов тщательно заглажена, толщина стенок колеблется от 0,7 до 1,5 см, обжиг неровный, цвет черепков от светло-серого до красноватого. Основным элементом орнамента служит гребенчатый штамп. Композиция орнамента довольно проста, она состоит из удлиненных отпечатков штампа, расположенных вертикальным зигзагом, и покрывает всю поверхность сосуда (рис. 1, 2, 4, 9). В отдельных случаях пересекающиеся под венчиком отпечатки образуют своеобразную решетку (рис. 1, 1, 7).

На двух сосудах гребенчатым орнаментом заполнены взаимопроницающие треугольники и ромбы (рис. 1, 10, 13, 15). Нередко горизонтальные пояски ямочных вдавлений или отпечатки ломаной линии делят орнамент на зоны (рис. 1, 3, 18, 22). На некоторых фрагментах рисунок включает комбинацию вертикальной и шагающей гребенки (рис. 1, 6, 16). Сохранившиеся придонные части сосудов орнаментированы короткой гребенкой или углом гребенчатого штампа, нередко образующие клиновидные вдавления (рис. 1, 15, 21, 24).

Каменный инвентарь стоянки насчитывает 66 орудий, сколов и отщепов, материалом для изготовления которых послужил темный и светло-серый кремнь. Всего в коллекции 24 орудия. Среди них имеются скребки, плитчатые ножи, скребла, нуклеус и ножевидные пластины.

6 скребков изготовлены из массивных подтреугольной формы сколов и имеют округлый рабочий край, оформленный крутой плоской ретушью (рис. 3, 1—4). На двух скребках по боковым сторонам имеется ретушь (рис. 3, 4). Четыре скребка оформлены на ножевидных пластинах, один из которых имеет скошенный рабочий край (рис. 3, 5, 6). Три ножа изготовлены на плитчатых кремневых пластинах и имеют двустороннюю ретушь (рис. 3, 7, 9). Один нож оформлен на ножевидной пластине и ретуширован по одному краю брюшка. В коллекции имеется скребло с сильно скошенным рабочим краем, изготовленное из крупного краевого скола.

10 ножевидных пластин, довольно разных по размерам, от $1,3 \times 0,9$ до $5,8 \times 2,2$ см, в основном имели неправильное огранение (рис. 3, 8, 10—14). Две пластины имели следы ретуши (рис. 3, 12, 14). На одной из широких пластин имелись две выемки с ретушированными краями, используемые, вероятно, как скобель (рис. 3, 10).

Нуклеус двухплощадочный, размером $3,1 \times 2,9$ см. Сколы с нуклеуса скалывались лишь с одной стороны (рис. 3, 15).

Наличие в коллекции краевых, продольных и ребристых сколов, а также отщепов и кусков кремня со следами обработки позволяет считать, что весь процесс изготовления орудий производился на стоянке.

Материал, полученный при раскопках памятника Кюнь II, позволяет датировать его неолитическим временем. Керамика в большинстве случаев состоит из сосудов яйцевидной формы, в большинстве случаев со слегка скошенным или утолщенным изнутри венчиком. Вся поверхность сосудов полностью орнаментирована отисками гребенчатого штампа, что также является датирующим признаком. Керамика такого типа характерна для неолитических памятников Южного Приуралья —

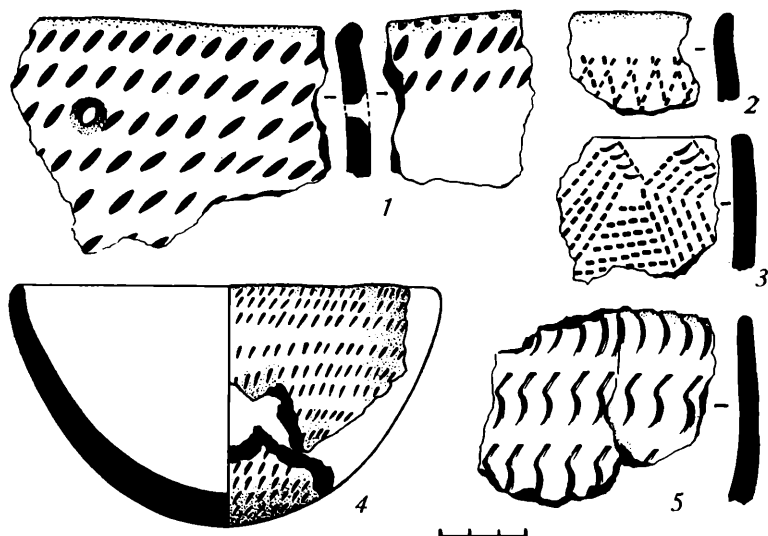

Рис. 2. Стоянка Старо-Буртуково
1—5 — вторая керамическая группа

Давлеканово⁴, Старая Мушта⁵ и волго-камских памятников — Боровое озеро I, Хуторская, Кряжская и др.⁶

Стоянка Старо-Буртуково находится на юго-западной окраине одноименной деревни Калтасинского района Башкирской АССР. Памятник расположен на мысу, образованном старицей р. Танып и поймой правого берега р. Белая. Во время весеннего разлива воды р. Белая, находящейся к югу от памятника, подмывают его, но не заливают полностью.

Стоянка обнаружена в 1964 г., тогда с поверхности было собрано несколько фрагментов неолитической керамики и три ножевидные пластины.

В течение 1971—1972 гг. на мысу, со стороны старицы, заложен раскоп общей площадью 260 кв. м (26×10), который имел следующую стратиграфию: под слоем дерна в 60 см культурный слой до глубины 0,4—0,5 м, ниже — плотная материковая глина. Культурный слой в некоторых местах был прорезан остатками поздних построек. Залегание материала неравномерно. На краю террасы, в восточной части раскопа, основная масса находок залегала на глубине 0—0,2 м, в западной части материалы обнаружены главным образом на глубине 0,3—0,5 м.

В результате зачисток культурного слоя каких-либо жилищных сооружений не обнаружено.

Общее количество находок составило 2378 экз., куда вошли изделия из камня и керамика. Коллекция керамики насчитывает 2255 фрагментов. Вся керамика красноватого цвета, тесто плотное, стенки сосудов хорошо заглажены, толщина которых 0,9—1,1 см. Орнаментация сосудов в основном сходна с керамикой стоянки Кюнь II, однако следует отметить преобладание прямых венчиков без наплыва с внутренней стороны. Орнамент покрывает всю поверхность, но по технике нанесения делится на две группы.

К первой, преобладающей группе относится керамика, орнаментированная вертикальным зигзагом, нанесенным длинным гребенчатым штампом (рис. 1, 12, 19, 23), и взаимопроникающие квадраты, заполненные этим же штампом (рис. 1, 5). Серия сосудов украшена короткими отпечатками гребенки (рис. 1, 11, 14). В коллекции имеются три сосуда, не отличающиеся по фактуре и технике изготовления от остальной неолитической керамики, но орнамент выполнен гладким штампом или прочерчиванием округлой палочкой (рис. 1, 8).

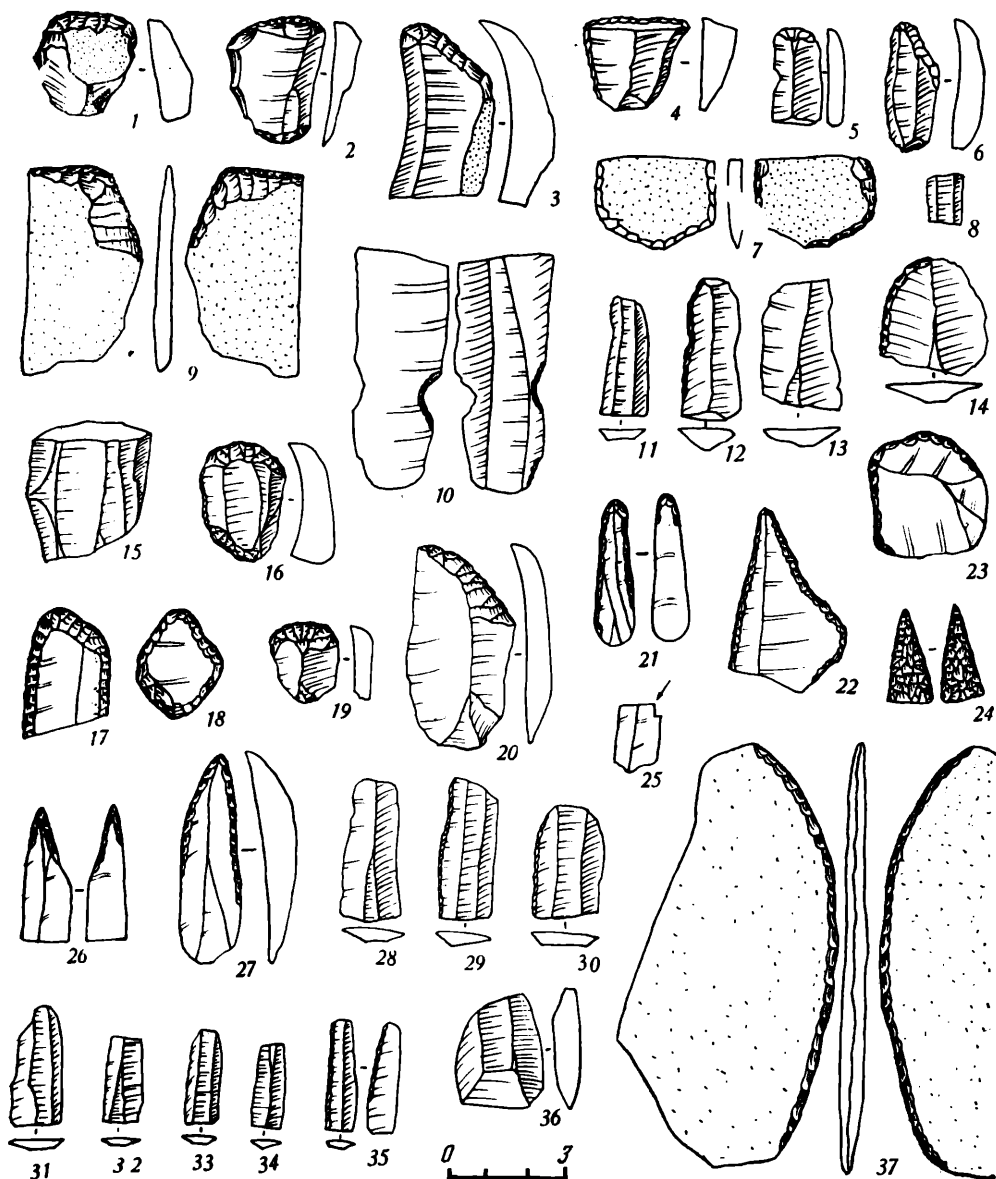

Рис. 3. Кремневые изделия

1—15 — стоянка Кюнь II; 16—37 — стоянка Старо-Буртюково

На ряде фрагментов наблюдается горизонтальное членение зон за счет сильного надавливания одного конца гребенчатого штампа или глубоких насечек (рис. 1, 14, 17, 20).

Вторая группа керамики немногочисленна, в нее входят 7—8 сосудов, орнаментированных короткими насечками, которые расположены косыми, по отношению к верхнему краю, рядами, и имеющих уплощенные или округлые днища (рис. 2, 1, 4). Здесь же керамика с гребенчатым орнаментом, отпечатки которого представляют собой треугольники (рис. 2, 2, 3) и фрагменты с оттисками зигзагообразного штампа (рис. 2, 5). В отличие от первой группы указанные сосуды тонкостенные, серого и красноватого цвета, в изломе отдельных сосудов прослеживается примесь ракушки. Аналогичные комплексы мы находим на целом ряде неолитических памятников (Бачки-Тау II, Какры-Куль, Какрыбашево, Старо-Мушта и др.), керамика которых также украшалась горизонтальными рядами ямок, насечек и косой гребенкой⁷.

Следует отметить, что материалы второго комплекса перекрывают горизонты с гребенчатой керамикой и в основном расположены в западной части раскопа, дальней от края террасы, где сохранность культурного слоя позволяет проследить стратиграфию.

Выделить каменный инвентарь, сопровождающий обе группы керамики, довольно сложно, так как ведущие формы орудий типологически близки и сохраняют весь набор предшествующего времени. Коллекция из камня составляет 123 экз., материалом для которых служил известняковый кремль темного, светло-серого и желтого цвета. Из общего количества изделий 53 являются орудиями. Наибольшим количеством представлены ножевидные пластины — 26 экз., размеры которых от 1,8 до 3,5 см, при ширине 0,8—1,7 см (рис. 3, 28—35). Семь ножевидных пластин оформлены боковой ретушью (рис. 3, 29—30), две из которых несут следы ретуши со спинки и брюшка (рис. 3, 35). Кроме того, следует отметить, что ряд орудий изготовлены на ножевидных пластинах и представлены резцом (рис. 3, 25), двумя проколками (рис. 3, 26—27) и четырьмя концевидными скребками (рис. 3, 21). Всего же в коллекции 17 скребков, из которых 10 изготовлены на отщепках (рис. 3, 18, 23), три на концах продольных сколов (рис. 3, 17, 19, 20) и четыре, указанных выше, на ножевидных пластинах.

Отмеченные формы концевых скребков очень близки позднемезолитическим памятникам низовья р. Белая, и в первую очередь IV Татарско-Азбейской⁵ и нижнему слою Старо-Муштинской⁶ стоянкам.

Одно из орудий комбинированное, которое может применяться как проковка и скребок (рис. 3, 22). Изготовлено оно на продольном сколе, левый край оформлен пологой, а противоположный — крутой ретушью.

Не менее характерны для крупных ножа на плоских плитках (рис. 3, 37) и обломок наконечника стрелы из желтоватого кремня, который изготовлен при помощи плоской ретуши, нанесенной сплошь с обеих сторон (рис. 3, 24).

Кроме того, обнаружено шлифованное долотце из сланца. На одной стороне имеются грани, другая плоская. Высота 2,9 см, ширина в сечении 2,1 см, толщина 0,9 см (рис. 3, 36). Здесь же обнаружены две заготовки рубящих орудий.

Остальные находки из камня представлены разнообразными сколами и отщепками, характерными процессу изготовления орудий на стоянке.

Заканчивая обзор полученных материалов со стоянок Кюнь II и Старо-Буртюково, следует отметить, что характерной чертой керамической посуды является яйцевидность формы, утолщение венчика изнутри сосуда, приостренность дна. Представленная коллекция позволяет дополнить имеющийся список неолитических памятников Приуралья и сравнить ее с ранее известными стоянками Давлеканово, Муллино, Старая Мушта, а кроме того, отметить близость волго-камским стоянкам этого времени.

¹ Шокуров А. П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белая и среднего течения р. Ик. — В кн.: Древности Башкирии. М., 1970, с. 132.

² Матюшин Г. Н. Памятники каменного века в низовьях р. Белая. — Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М., 1972, вып. 1, с. 57; Обыденнов М. Ф. Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла. — В кн.: Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978, с. 160.

³ Археологическая карта Башкирии. М., 1976, с. 256.

⁴ Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. — СА, 1970, № 4.

⁵ Матюшин Г. Н. Памятники каменного века..., с. 61—63, рис. 5—7.

⁶ Бадер О. Н. Стоянки Нижнеадигевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. — МИА, 1951, № 22; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 12, 20.

⁷ Обыденнов М. Ф. Нижнебельские стоянки..., с. 167—168, рис. 4, 2, 5, рис. 6, 1, 5.

⁸ Косменко М. Г. Новая мезолитическая стоянка в устье р. Белой. — В кн.: Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М., 1972, вып. 1, с. 53, рис. 5.

⁹ Матюшин Г. Н. Памятники каменного века..., с. 66, рис. 8, 3, 7, 9.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БОТАЙ

За последние 10 лет Северо-Казахстанская археологическая экспедиция открыла и исследовала ряд памятников каменного века на территории, которая занимает промежуточное положение между Уралом и Иртышом. На археологическую карту нанесено более 200 памятников от мезолита до ранней бронзы¹.

Основным итогом изучения каменного века Северного Казахстана в 70-е годы было выделение атбасарской неолитической культуры, хронологические рамки которой ограничивались VI — началом III тысячелетия до н. э. и территориально охватывали лесостепную и степную зоны Тоболо-Иртышского междуречья. Уже в тот период древнее население было полусоседлым и знакомо с элементами производящего хозяйства².

Во II тысячелетии до н. э. на этой территории расцвела алакульская, а затем федоровская культуры андроновской культурно-исторической общности³. Поставлен был вопрос о происхождении этих культур, об истоках оседлости и производящей экономики⁴.

В 1980 г. был открыт памятник Ботай⁵. Это крупное энеолитическое поселение на правом берегу р. Иман-Бурлук (одного из притоков Ишима) близ с. Никольское Володаровского района Кокчетавской области (рис. 1, А).

В полевые сезоны 1981—1982 гг. специалистами (И. В. Ивановым, Н. П. Белецкой, С. Г. Водопьяновой) были произведены почвенные и геолого-геоморфологические обследования местности в районе памятника⁶. Поселение площадью более 100 тыс. кв. м располагается на наклонной выровненной площадке, сложенной из плейстоценовых и голоценовых суглинков. Правый берег образует к долине реки крутой обрыв, на левом — имеются участки низкой и высокой поймы. Современные почвы площадки — слабо сформированные черноземы суглинистого состава. На поверхности фиксируются несколько десятков блюдцеобразных впадин от котлованов жилищ. В пределах поселения, вследствие высокой плотности жилищных впадин, повсюду распространен культурный слой. Происхождение его комплексное: выкиды из жилищных котлованов и хозяйственных ям, делювий и золотые отложения. Как показали стационарные и рекогносцировочные работы, поселение однослойное и долговременное.

О производственно-хозяйственной деятельности ботайцев свидетельствует огромное количество костей лошади (сотни тысяч единиц) и других находок (более 100 тыс.): орудия труда, оружие, посуда, украшения и т. д. В жилых помещениях концентрировались скребки, ножи, керамика, ретушеры, отбойники, наконечники, костяные инструменты и пр. В производственной части (на мысу) поселения набор орудий несколько богаче и разнообразнее. Особенно много изделий из кости. Достаточно многочисленной является группа кремневых предметов. Особое место занимает в коллекции керамика, которая впервые в памятниках каменного века Казахстана представлена столь широко.

За два полевых сезона (1980—1981 гг.) на поселении было обнаружено 7625 фрагментов керамики, происходящих из 28 жилищ, прилегающих к ним же хозяйственных ям и межжилищного пространства.

Статистическая обработка керамического материала велась по сокращенной программе В. Ф. Генинга⁷. В связи со спецификой керамического материала Ботая в программу обработки были внесены необходимые корректировки. Каждому отдельному, вынесенному за пределы суммарной таблицы признаку, который характеризует ту или иную сторону керамики, был присвоен отдельный цифровой шифр. Это позволило максимально расчленить признаки на их составные элементы. Принятые

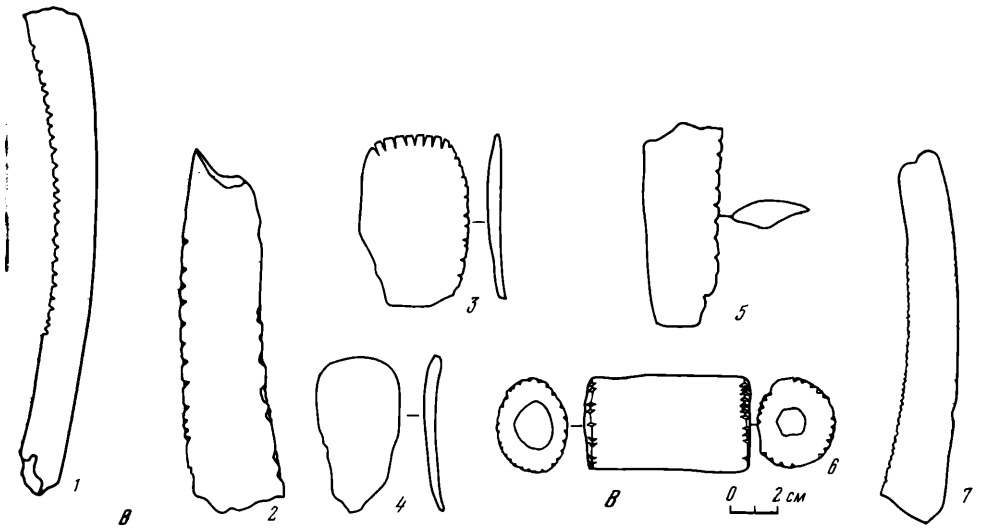
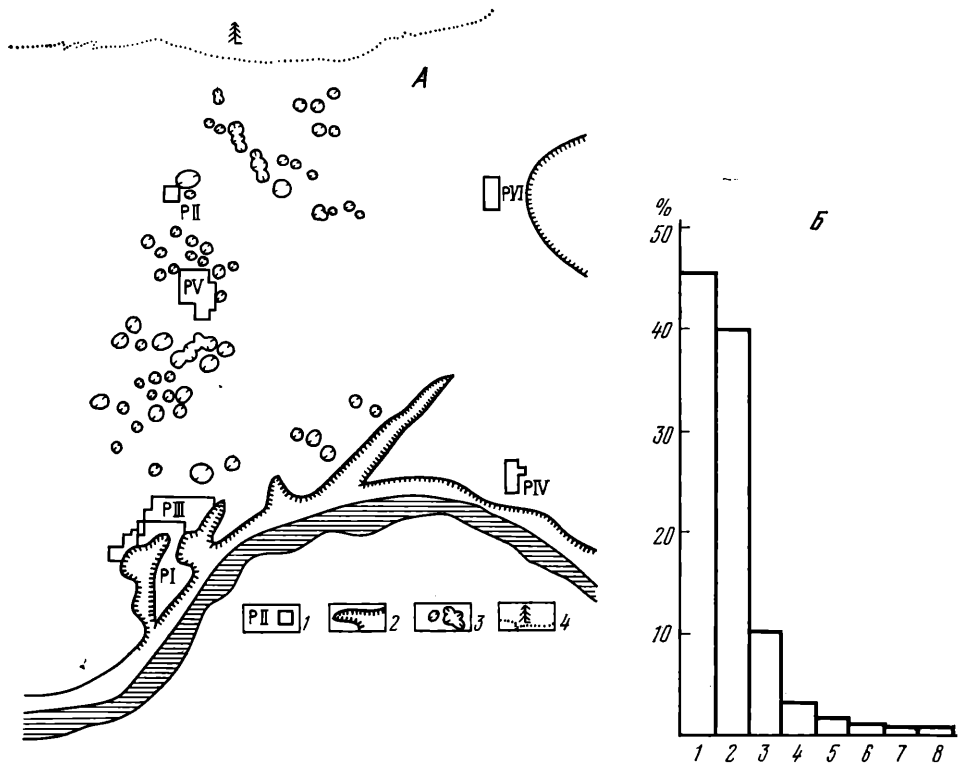
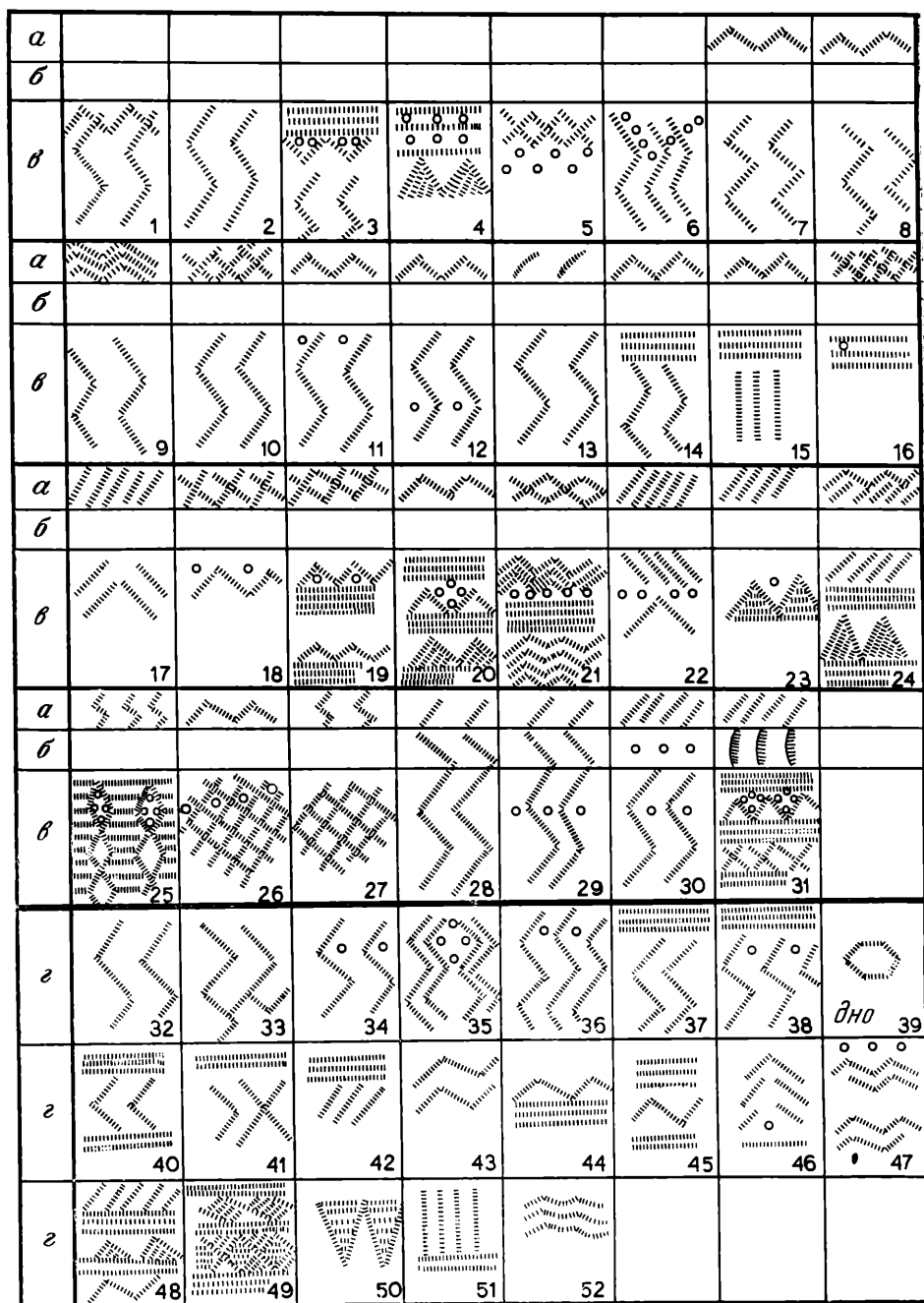

Рис. 1. Поселение Ботай (стр. 82—84)

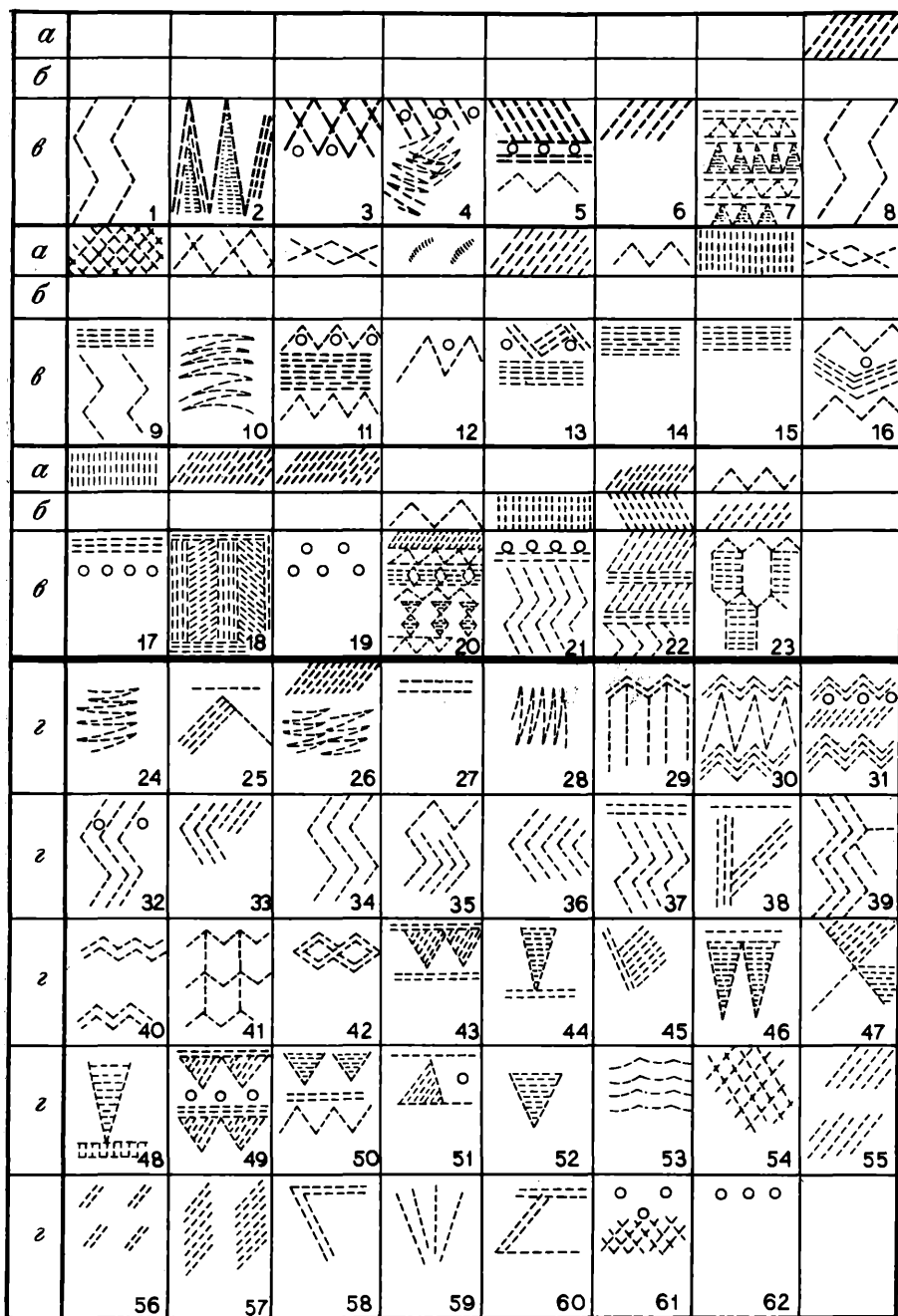
А — план: 1 — раскопы и их нумерация; 2 — обрыв; 3 — жилищные впадины; 4 — граница соснового леса; **Б** — соотношение техники нанесения орнамента на керамике раскопа V: 1 — веревочный штамп; 2 — гребенчатый штамп; 3 — сочетание веревочного штампа и ямочных вдавлений; 4 — сочетание гребенчатого штампа и ямочных вдавлений; 5 — плоский штамп; 6 — вдавления трубочкой; 7 — прочерченный орнамент; 8 — резной орнамент; **В** — гребенчатые штампы (1—3, 5—7), костяное лоцило (4); **Г** — сводка орнаментальных композиций веревочной керамики раскопа V: а — внутренняя поверхность горловины; б — срез венчика; в — наружная поверхность горловины; г — стенки сосудов; **Д** — характеристика оттисков веревочных штампов; **Е** — сводка орнаментальных композиций гребенчатой керамики раскопа V: а — внутренняя поверхность горловины; б — срез венчика; в — наружная поверхность горловины; г — стенки сосудов

Г

<i>Название штампа</i>	<i>Графическое изображение отписка</i>	<i>Абсолютные размеры шага, мм</i>
1. Широкий, с крупным шагом		2 - 2,3
2. Широкий, с мелким шагом		0,8 - 1,0
3. Узкий, с крупным шагом		2 - 2,2
4. Узкий, с мелким шагом		0,7 - 1

Д

Е

изменения существенно сократили время и облегчили классификацию поселенческой керамики.

По форме выделилось два варианта полужайцевидных сосудов: 1) с закрытой горловиной, 2) с вертикальными стенками. По технике нанесения рисунка керамика делится на две большие группы: сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом и «веревочкой». Ямочные вдавления, за редким исключением, встречаются лишь в сочетании с композициями, выполненными «гребенкой» и «веревочкой». Изредка сосуды орнаментированы плоским штампом и прочерченной техникой (рис. 1, В).

Наиболее ярко керамика Ботая представлена на раскопе 5 заложенного в центре поселения. Здесь обнаружена целая, в развалах и фраг-

ментированная посуда. Всего на раскопе зафиксировано 1025 экз. Она происходит из 4-х жилищ, межжилищного пространства и из хозяйственных построек. Количественное соотношение фрагментов по конструкциям следующее: котлованы жилищ № 14 — 87 экз., № 15 — 174 экз., № 16 — 325 экз., № 17 — 81 экз., хозяйственные конструкции — 240 экз., межжилищное пространство — 118 экз.

Керамика характеризуется ленточным способом изготовления, окислительным низкотемпературным обжигом. Глина использовалась местная, железненная, с естественной примесью кварцита и полевого шпата⁹. Толщина фрагментов варьирует в пределах 0,6—0,9 см, но встречаются экземпляры толщиной менее и более указанных интервалов. Орнамент наносился в основном «веревочкой» и гребенчатым штампом (рис. 2). На раскопе найдено 75 обломков верхних частей полужидцевидных сосудов. Из них с закрытой горловиной 67 экз. Орнамент наносился гребенкой в 28 случаях, а 39 фрагментов украшены веревочкой.

Сосудов с вертикальной стенкой — восемь. Три — орнаментированы гребенкой, пять — веревочкой.

Первый вариант, с закрытой горловиной, составляет большинство от общего количества уценных сосудов. Сорок из них имеют слегка отогнутый наружу венчик, остальные — прямой или чуть загнутый внутрь верхний край. Орнамент наносился по всей поверхности, а зачастую по венчику и внутренней стороне сосудов. Кроме перечисленных черт, объединяющих керамику, гребенчатая и веревочная керамика имеет различия, которые будут даны при характеристике посуды по группам.

Керамика, орнаментированная «веревочкой» (44,2%). Отощителем глины служили шамот, крупный песок, дресва. Внутренняя сторона лишь изредка заглаживалась гребенчатым штампом. В основном это делалось жгутом травы, рукой или лоцилом (рис. 1, В, 4). На внешней в большинстве случаев гладкой поверхности отпечатки ткани отсутствуют. По всей вероятности, они тщательно заглажены при подготовке внешней поверхности для орнаментации.

Статистическая обработка показала, что орнаментировалась керамика в основном четырьмя разновидностями штампа⁹ (рис. 1, Д). Одним из самых распространенных элементов орнамента является зигзаг. Остальные элементы лишь как бы сопутствуют или дополняют его. Довольно часто встречаются заштрихованные треугольники (рис. 1, Г, 4, 20, 23, 24, 48, 50), ромбическая сетка (рис. 1, Г, 16, 19), ромбические ряды (1, Г, 18, 21, 25, 26, 49), нередки отиски горизонтальных рядов ямок (рис. 1, Г, 14, 15, 16, 19—21, 25, 31, 37) и др.

Сосуд 16 закрытого типа имеет толщину стенок 0,9 см. Внутренняя поверхность сосуда в верхней части орнаментирована короткими косыми линиями. Венчик украшен глубокими вдавлениями веревочного штампа. Наружная поверхность сосуда имеет рисунок в виде горизонтальных линий, косо заштрихованных равнобедренных треугольников и ямочных вдавлений, выстроенных в форме ромбиков. Сосуд происходит из жилища 16 (рис. 2, 5).

Сосуд 18 имеет вертикальные стенки и отогнутый наружу округлый венчик. В тесте примесь крупного песка. Изнутри сосуд орнаментирован ромбической сеткой, а снаружи — вертикальным многорядовым зигзагом. Фрагменты обнаружены в жилище 16 на глубине 60 см (рис. 2, 3).

Сосуд 21, обнаруженный в жилище 16, закрытого типа со слегка отогнутым наружу округлым венчиком. В тесте имеется примесь крупного песка и шамота. Толщина стенок 0,8 см. Сосуд орнаментирован по внутренней поверхности горловины и внешней части сосуда. Изнутри идет горизонтальный зигзаг, снаружи — чередование горизонтальных линий, зигзага и заштрихованных треугольников. В верхней части имеется ряд ямочных вдавлений в виде ромбиков (рис. 2, 1).

Сосуд 30 закрытого типа, происходит из жилища 16. Орнаментирован зигзагом: изнутри — горизонтальным однорядовым, снаружи — вертикальным многорядовым (рис. 2, 4).

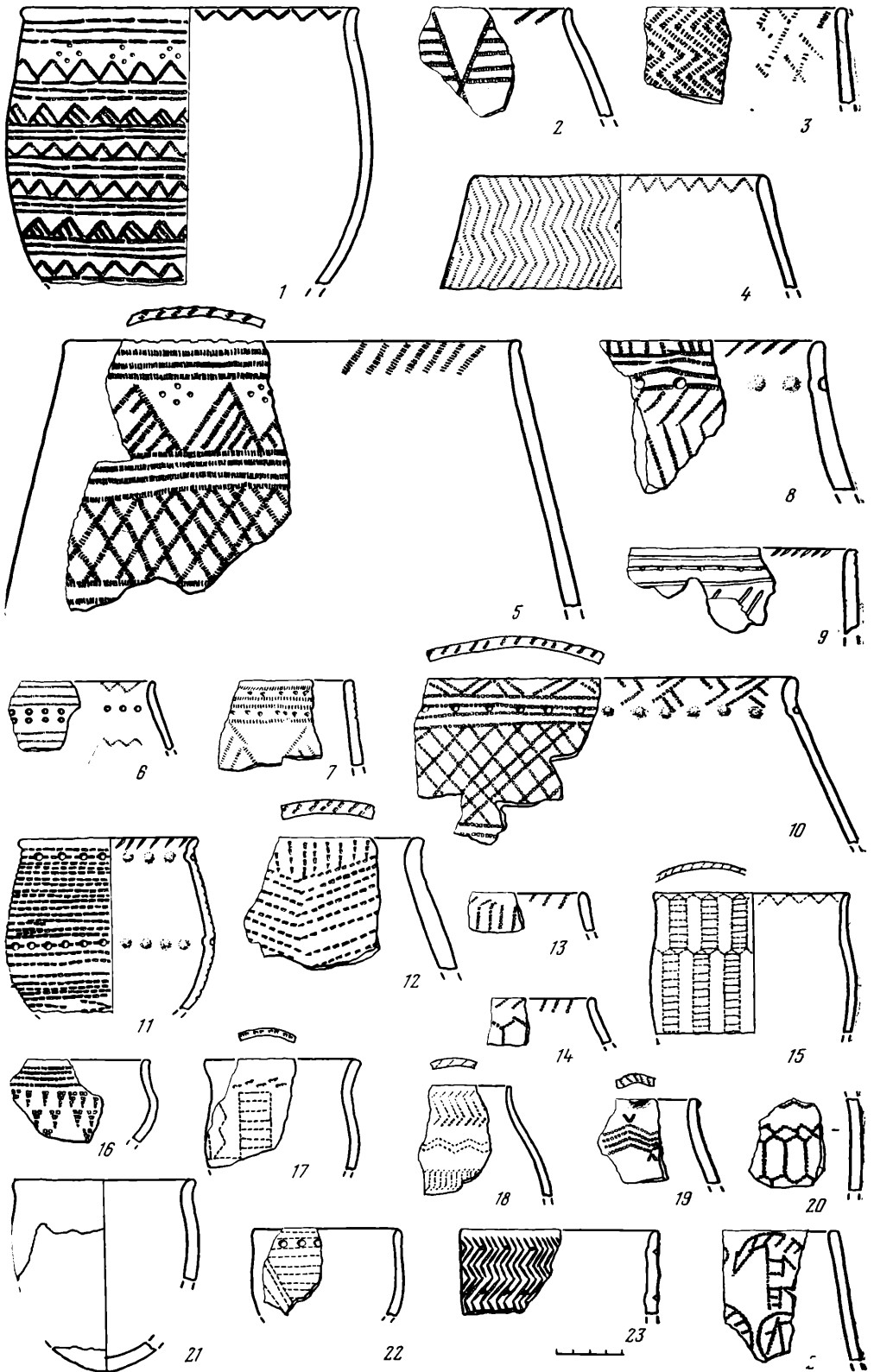

Рис. 2. Вереvoчная и гребенчатая керамика поселения Ботай
 1—5 — раскоп V; 6—15 — раскоп IV; 16—24 — раскоп I

Керамика, орнаментированная гребенчатым штампом (35,8%). В качестве примеси использовался песок, шамот, очень редко тальк. Интересной особенностью является наличие на внутренней поверхности следов заглаживания гребенчатым штампом, а у части сосудов еще и отпечатков ткани на внешней стороне. Характер текстильных отпечатков позволяет представить назначение и способ использования ткани при формовке сосудов. Относительно равномерная четкость и глубина следов материала на внешней поверхности позволяют полагать, что отпечатки образовались вследствие прижимания текстиля к глиняной ленте в процессе изготовления сосуда, а не наоборот. Это предположение подкрепляется расчесами гребенчатого штампа на внутренней поверхности посуды. Судя по характеру этих расчесов, формовка производилась внутри тканевого мешочка, помещенного в какой-нибудь шаблон (например, ямку в земле или песке). Использование зубчатого орудия является целесообразным, так как позволяет срезать излишки глины без смещения ее основной массы¹⁰.

Наиболее распространенными мотивами орнаментации были вертикальный и горизонтальный зигзаг, ромбическая сетка, горизонтальные линии (рис. 1, *E*, 3, 5, 8, 11, 12, 14, 15, 18). Выполнялся орнамент гребенчатым штампом как с крупными, так и с мелким шагом. Широко встречены отпечатки тонкого штампа. Как правило, гребенчатый штамп ставился перпендикулярно поверхности, но имеются примеры и слегка наклонного расположения орудия (рис. 3, 1). Обнаружены фрагменты, орнаментированные цилиндрическим гребенчатым штампом (рис. 1, *B*, 6). На рисунке приведены зубчатые орудия для нанесения орнамента, которые были обнаружены на различных участках поселения (рис. 1, *B*, 1–3, 5–7). Оттиски штампа, как правило, четкие, но есть и небрежно нанесенный рисунок.

Довольно частым элементом орнамента являются треугольники (более 20 разновидностей), в большинстве случаев имеющие горизонтальную, косую или вертикальную штриховку (рис. 1, *E*). Значителен процент «висячих» равнобедренных треугольников вытянутых пропорций (рис. 1, *E*, 44–47, 49–51, 53). Дополнительными элементами в композициях выступают всевозможные вариации косых и вертикальных коротких линий, оттиски «шагающей» гребенки. Встречены вертикальные, горизонтальные и наклонные «лесенки» (рис. 1, *E*, 4, 7, 10, 14, 19, 25, 27, 29, 42, 49, 58, 59). Ямочные вдавления лишь в нескольких случаях выступают как самостоятельный элемент в орнаментации, когда горизонтальный ряд ямок опоясывает верхнюю часть сосуда. В основной же массе ямки идут в сочетании с вышеперечисленными элементами (рис. 1, *E*, 3–5, 13, 14, 18, 20, 22, 38, 50, 52, 63).

Так называемая «гусеничка» украшает венчик или верх внутренней поверхности сосуда (рис. 1, *E*, 12).

Особо необходимо сказать об орнаменте, который зафиксирован только на талькированной керамике (рис. 1, *E*, 24, 30, 32, 39, 54, 57). Оттиск гребенчатого штампа на этих сосудах в отличие от массового материала несколько выделяется аккуратностью. Гребенка отличалась изящностью, имела очень мелкий шаг между зубцами (рис. 2, 13–20). Часто применялся трехзубый штамп.

Сосуд 1, происходящий из жилища 16, имеет сильно отогнутый наружу венчик. В самой узкой части горловины имеется небольшое ребро, образовавшееся в процессе формовки сосуда, когда к уже готовому сосуду была прикреплена дополнительная лента, образующая венчик с косым срезом. По венчику идет орнамент в виде зигзага. Выше ребра сосуд орнаментирован косыми линиями, ниже — пунктирной горизонтальной линией. Далее сосуд украшен композицией элементов, которая, трижды повторяясь, покрывает все тулово. Композиция включает в себя горизонтальные зигзаги, линии, ромбы и своеобразные «рыбки». Ряд редко расставленных незаштрихованных ромбов заключен между двумя зигзагами. Свободное поле между ромбами занято горизонтальными линиями.

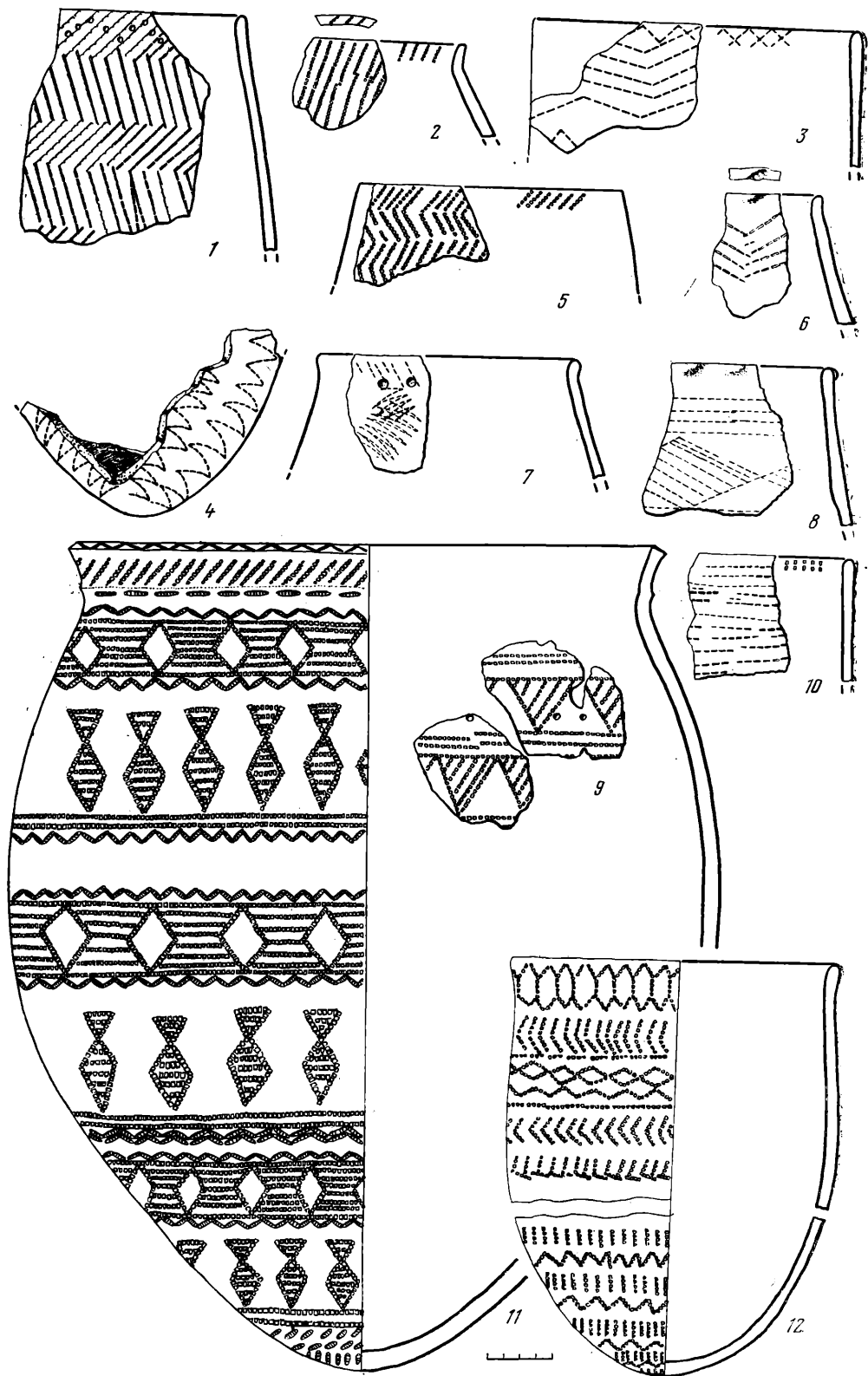

Рис. 3. Гребенчатая керамика поселения Ботай

1, 8 — раскоп III; 2, 3, 5, 7—11 — раскоп V; 4 — раскоп I, 12 — раскоп II

«Рыбка» составлена из горизонтально заштрихованных треугольников и ромба. Днище сосуда украшено короткими косыми линиями (рис. 3, 11).

Сосуд 3, происходящий из жилища 15, имеет вертикальные стенки. По внутренней поверхности идет орнамент в виде ряда незаштрихованных ромбов. Снаружи сосуд украшен горизонтальным зигзагом. Пятирядный крупный горизонтальный зигзаг заключен между двумя рядами горизонтального мелкого зигзага. Толщина стенок сосуда 0,6 см (рис. 3, 3).

Сосуд 8 закрытого типа с отогнутым наружу округлым венчиком. Орнамент в виде коротких косых линий, ямочных вдавлений и отгисков шагающего штампа украшает верхнюю часть внешней стороны сосуда. Сосуд обнаружен в жилище 15 на глубине 80 см (рис. 3, 7).

Сосуд 42 закрытого типа. Орнаментирован гребенчатым штампом и ямочными вдавлениями, выстроенными в виде зигзага (рис. 3, 1). Таким образом, ботайская керамика раскопа 5 характеризуется следующими особенностями: 1) при изготовлении посуды использовалась глина в основном с естественными примесями; 2) при формовке сосудов применялся текстиль конопляный или льняной; 3) посуда имеет устойчивую полувидную форму; 4) широко использовались гребенчатые и веревочные штампы; 5) орнамент наносился по всей поверхности сосуда с переходом на внутреннюю часть горловины; 6) выработана устойчивая традиция оформления венчика; 7) типичны геометрические элементы и зональность орнамента.

Одним из главных критериев определения культурной принадлежности археологического материала является, как известно, керамика. Приведенные выше характерные черты ботайской керамики говорят о ее своеобразии. В то же время отдельные элементы орнамента широко встречаются на сопредельных территориях в культурах энеолита¹⁴.

Последнее свидетельствует о том, что в IV—III тысячелетиях до н. э. в лесостепной части Евразии складываются крупные культурно-исторические общности на основе активного развития производительных сил общества и оформления производящей экономики. Одна из таких общностей (пока без названия) существовала и в Урало-Иртышском междуречье. Не случайно на этой территории прослеживается сходный путь исторического развития древнего населения на всем протяжении голоцена и особенно в конце каменного века в период распространения скотоводства (коневодства).

В рамках этой общности для Южного Зауралья Г. Н. Матюшиным выделена суртандинская культура. Для территории Северного Казахстана нами выделяется своеобразная ботайская культура. Сложение последней происходит на основе местной неолитической атбасарской культуры, характеризующейся керамикой яйцевидной формы и гребенчато-ямочной орнаментацией. Носители атбасарской культуры жили оседло в рамках зон хозяйственной миграции, были знакомы с домашними промыслами, занимались рыболовством, охотой, начали приручать животных.

Оформление ботайской культуры происходит в ходе перестройки древней экономики присваивающего характера на производящие формы хозяйства. Это в свою очередь отразилось на социальной структуре, быте, духовном мире энеолитического населения.

Пока остаются открытыми вопрос взаимоотношений носителей суртандинской, ботайской и других культур, их относительная и абсолютная хронология, роль ботайской культуры в сложении андронидных культур, взаимодействие населения степей и леса в переходную эпоху.

Однако открытие памятников ботайской культуры (Роцинское I и др.) и их скорейшее изучение позволяет ответить уже в ближайшие годы на многие из вышеуказанных вопросов и проблем, заполнить существующий пока культурный и хронологический вакуум между памятниками раннеалакульского (петровского) типа и ботайской культуры.

- ¹ *Зданович Г. Б.* Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15; см. также: АО за 1972—1980 гг.
- ² *Зайберг В. Ф.* Неолит Северного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Он же.* Некоторые итоги изучения Тельманского микрорайона.— ВАУ, Свердловск, 1981, с. 70—74.
- ³ *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишмия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- ⁴ *Зайберг В. Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим.— КСИА, 1973, вып. 134, с. 106—113; *Зайберг В. Ф., Плешаков А. А.* Результаты исследования памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинка.— СА, 1978, № 1, с. 242—249.
- ⁵ *Зайберг В. Ф.* Исследования в Северном Казахстане.— АО 1980 г. М., 1981, с. 435.
- ⁶ *Иванов И. В.* и др. Отчет: Полевые исследования СКАЭ в 1982 году. Петропавловск, 1983. Прил. 1.
- ⁷ *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1, с. 114—136.
- ⁸ Определения сделаны Т. М. Тепловодской в экспериментальной лаборатории ИИАЭ АН КазССР.
- ⁹ За шаг принимается расстояние между зубцами штампа. В данном случае — между витками веревочки, намотанной на жесткое основание.
- ¹⁰ Включения по текстильным отпечаткам сделаны Е. М. Чернаем. Он считает, что выравнивание стенок посуды было основным назначением гребенчатого штампа.
- ¹¹ *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала. М., 1982; *Крижевская Л. Я.* Ранне-бронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.

В. Л. ДЕРЖАВИН

ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В СТЕПНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

В 1981 г. Александровский отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР производил раскопки курганов у с. Грушевское Александровского района Ставропольского края. Большинство погребений в курганах относилось к эпохе бронзы. Среди них особый интерес представляют погребения в каменных ящиках, часть из которых ограблена или по какой-либо причине разрушена. В настоящую публикацию вошли погребения бронзового века из кургана 1 (курганная группа II), давшие наиболее интересный материал.

Курган 1 был самым большим во второй курганной группе и имел высоту около 2,5 м, а диаметр — 60 м. Он возведен в два приема на холме естественного происхождения (высота 1,40 м, диаметр 27 м), на поверхности которого хорошо прослеживался слой погребенной почвы.

Погребение 1 (рис. 1, 1, 2), впускное, обнаружено в 8 м к югу от центра насыпи. С глубины 0,95 м от вершины кургана начинался каменный заклад, мощность которого достигала 0,30 м. В плане он представлял собой неправильный круг (диаметр около 2,40 м) из лежащих плашмя плоских песчаниковых плит, наиболее крупные из них достигали следующих размеров: 1,40×0,75×0,12 м; 0,95×0,55×0,10 м; 1,25×0,60×0,10 м. Под этим закладом находился каменный ящик (1,80×1,40×0,90 м), ориентированный в направлении запад-юго-запад—восток-северо-восток. Южная стенка ящика состояла из двух плит, остальные — из трех. Плиты для большей устойчивости были углублены в грунт на 15—25 см и слегка наклонены в стороны. Дно ящика — на глубине 2,00—2,09 м.

Скелет взрослого человека лежал на левом боку в скорченном положении, головой на восток-северо-восток и был сдвинут к северо-западной стенке ящика. Со временем костяк завалился на грудь так, что линия позвоночника выступила вверх, а правая плечевая кость была смещена со своего первоначального положения. Обе руки были слегка согнуты в локтях, а их кисти находились между бедренными костями. Пятки стоп были подтянуты к тазовым костям. По дну ящика прослеживался темно-коричневый тлен органической подстилки. У теменной стороны черепа и около ступней ног были зафиксированы два пятна красной краски.

В погребении обнаружен следующий инвентарь.

В северо-западном углу ящика, у головы погребенного, стоял реновидный сосуд серого цвета с плоским горизонтальным венчиком и с отломанной в древности ручкой. Диаметр венчика 15 см, высота сосуда 17 см (рис. 2, 22). Перед погребенным лежали бронзовые черешковый листовидной формы нож (рис. 2, 13) и четырехгранное пило (рис. 2, 14). В районе таза и запястий рук обнаружен пастовый бисер голубого, белого и желтого цвета.

Погребение 4 (рис. 1, 3, 4), кенотаф, впускное, обнаружено в северо-западном секторе кургана, в 11 м от центра по пятну заполнения. Яма прямоугольной формы (1,45×0,95 м) была ориентирована в направлении северо-восток—юго-запад. С глубины 3 м от вершины насыпи относительно мягкое заполнение сменилось выходом скальной породы, в которой у юго-восточной стенки была выдолблена яма овальной формы (1,10×0,70 м), ориентированная так же. Глубина дна ее 3,48 м от вершины насыпи. Северо-западная стенка являлась как бы ступенькой в камеру, свод у которой отсутствовал. Юго-восточная, северо-западная и юго-западная стенки имели небольшие подбои. Таким образом, здесь имела место явная имитация катакомбы без свода. Никаких следов захоронения человека в погребении не обнаружено.

В камере обнаружено два сосуда. Первый сосуд кувшиновидной формы с ручкой, серовато-оранжевого цвета, стоял близко к северо-западной стенке. Венчик слегка выделен. Диаметр венчика 11 см, высота сосуда 17 см (рис. 2, 23). Рядом с этим сосудом лежал маленький неорнаментированный сосуд с ручкой, оранжево-белесого цвета, со слегка отогнутым венчиком. Диаметр венчика 5,3 см, высота сосуда 6 см (рис. 2, 24).

Погребение 7 (рис. 1, 5, 6), впускное, было обнаружено в центре кургана по выступившему каменному закладу на глубине 1,02—1,08 м. Для этого погребения, так же как и для находящегося с ним рядом погребения 8, была вырыта большая яма, четко зафиксированная по обеим сторонам центральной бровки. Заклад над погребением имел в плане круглую форму (3,80×3,30 м) и был ориентирован в направлении север—юг. Необработанные плоские песчаниковые камни лежали плашмя друг на друге. Наиболее крупные из них достигали следующих размеров: 0,80×0,75×0,10 м; 0,70×0,60×0,10 м; 1,10×0,70×0,12 м. Заклад перекрывал каменный ящик (2,20×1,90×1,00 м), который был ориентирован в направлении север-северо-восток—юг-юго-запад. Плиты ящика углублены на 10 см в грунт и слегка наклонены в стороны. Поперечные стенки были сложены из двух пар песчаниковых плит; продольные — из одной.

Мужской скелет был сдвинут в восточную сторону ящика и лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юг-юго-запад, завалившись на грудь. На черепе были хорошо видны следы ударов чуть выше лобной части, в районе правой глазницы и виска, что свидетельствовало о насильственной смерти погребенного. Слегка согнутые в локтях руки были протянуты к бедренным костякам. Пятки ступней ног были подтянуты к костям таза. На черепе сохранились остатки головного убора коричневого цвета волокнистой структуры. На дне могилы прослеживались следы темно-коричневого органического тлена. Перед погребенным лежали две грудные части бараньей туши.

В погребении обнаружен следующий инвентарь.

У головы найден кувшиновидный сосуд светло-коричневого цвета с относительно высоким горлом и отбитой в древности ручкой. На внешней стороне дна были видны отпечатки ткани. Диаметр венчика 8,5 см, высота сосуда 18 см (рис. 2, 18). За головой обнаружены остатки деревянного подноса подпрямоугольной формы. На остатках головного убора (войлок?) и перед лицом найдено скопление мелкого пастового бисера белого цвета.

Между сосудом и теменной стороной черепа лежал хорошо отшлифованный костяной футляр из трубчатой кости овцы (рис. 2, 6), в который была вставлена бронзовая игла с ушком (рис. 2, 7). Длина футляра 17,2 см, диаметр отверстия 0,7 см, длина иглы 11,7 см. На футляре ле-

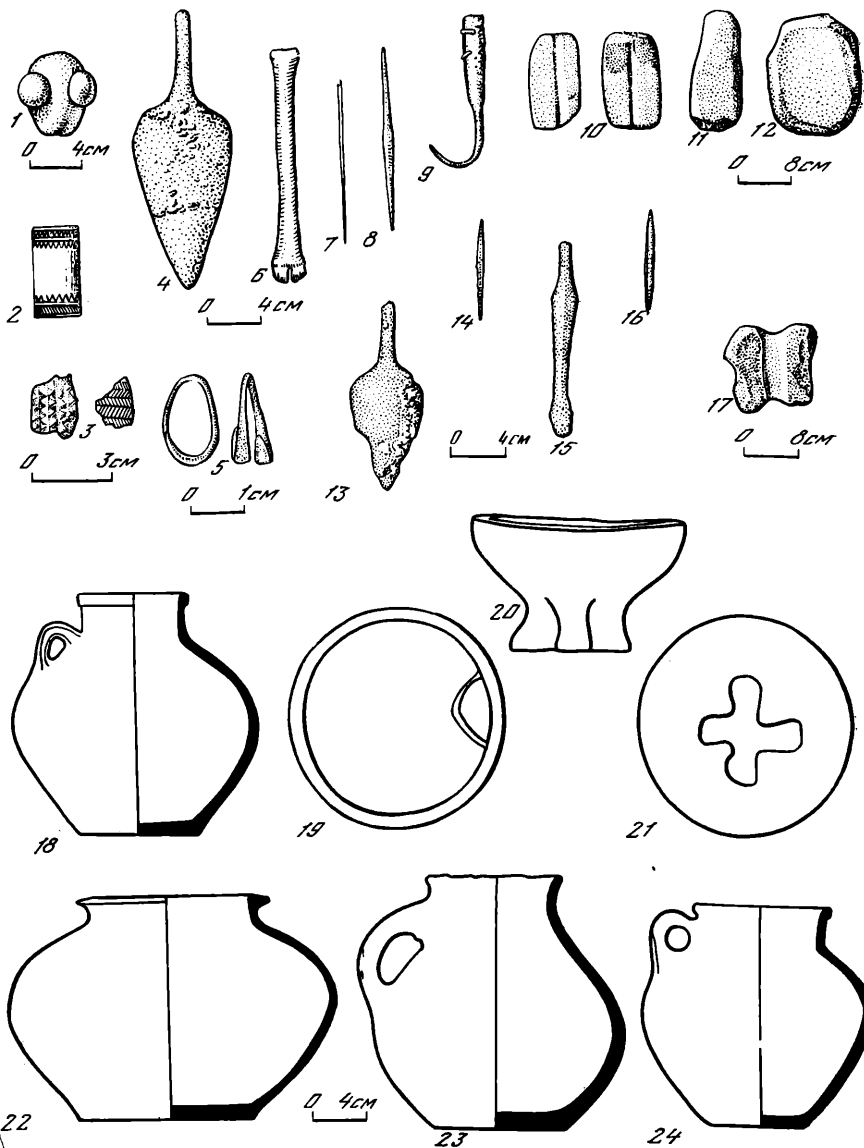

Рис. 2. Инвентарь погребений кургана I

1—12, 18 — погребение 7; 13, 14, 22 — погребение 1; 15, 16, 19—21 — погребение 8; 17 — погребение 9; 23, 24 — погребение 4; 1 — булава, 2 — обойма, 3 — обкладки рукояти булав, 4, 13, 15 — ножи, 5 — подвеска, 6 — футляр, 7 — игла, 8, 14, 16 — шилья, 9 — крюк, 10 — «выпрямители древков стрел», 11 — пест, 12 — плитка, 17 — молот, 18—24 — сосуды; 1, 10—12, 17 — камень; 2, 6 — кость; 3, 4, 7—9, 13—16 — бронза; 5 — золото; 18—24 — глина .

жало бронзовое четырехгранное шило со следами деревянной ручки. Длина шила 13,5 см (рис. 2, 8).

У правой ключицы найдена золотая височная подвеска в 1,5 оборота овальной формы с лопастными концами. Диаметр ее 1,0—1,6 см (рис. 2, 5). Рядом с ней лежало 6 бронзовых цилиндрических пронизей, длина их 0,3—1,7 см, диаметр 0,3 см.

У левого крыла таза найден бронзовый крюк с раскованной втулкой и двумя бронзовыми скобами для прочного крепления с рукоятью, деревянные остатки которой обнаружены во втулке. Длина крюка 11 см, длина втулки 7 см (рис. 2, 9).

На одной из частей бараньей туши лежал крупного размера бронзовый черешковый нож листовидной формы (рис. 2, 4). Длина ножа 19,2 см.

На локте правой руки, на крестце и в 30 см севернее ножа найдены три «рубленных» сердоликовых бусины.

В 15 см западнее правого плеча лежала бочонковидная булава из белого мрамора с четырьмя круглыми выступами (рис. 2, 1). Отверстие булавки было просверлено с обеих сторон. Диаметр булавки без выступов 4,8 см, ее высота 6,0 см, диаметр и высота выступов соответственно 1,5 и 1,2 см. Диаметр верхнего отверстия 1,2 см, диаметр нижнего — 1,6 см. С правой стороны от погребенного и параллельно ему прослежены остатки деревянной рукояти булавки длиной около 40 см и диаметром 1,7 см. Конец рукояти увенчивался костяной обоймой из трубчатой кости животного, орнаментированной резными линиями и угольниками. Диаметр ее 1,7 см, длина 3,2 см (рис. 2, 2). В средней части рукоять была украшена бронзовыми обкладками, от которых сохранилось несколько фрагментов. Они были орнаментированы чешуйчатыми и волнистыми вдавлениями. На одном фрагменте сохранилось два бронзовых гвоздика-скрепки (рис. 2, 3).

Вдоль северной стенки ящика почти в ряд лежали каменные «выпрямители древков стрел»: пять целых и три обломанных (рис. 2, 10). Длина их колебалась от 3,3 до 7,2 см, ширина — от 3,4 до 4,2 см, толщина — от 1,0 до 1,6 см.

В северном углу ящика найдены каменный пест и плоская каменная плитка подпрямоугольной формы (рис. 2, 11, 12).

Погребение 8 (рис. 1, 7, 8), впускное, обнаружено рядом с погребением 7, к западу от него, по выступившему с глубины 1,20 м каменному закладу. Восточный край заклада соприкасался частично с западным краем заклада погребения 7 и немного заходил под него. Погребения имели общую могильную яму, но вначале было сооружено погребение 8, а затем погребение 7.

Каменный заклад имел подовальную форму (3,20×2,55 м) и был ориентирован в направлении север—юг. Наиболее крупные песчаниковые камни достигали следующих размеров: 0,95×0,65×0,10 м; 1,20×0,70×0,15 м; 0,80×0,55×0,10 м. Они в основном лежали плашмя друг на друге и в редких случаях наклонно. Заклад перекрывал каменный ящик (1,85×1,70×0,9 м), ориентированный в направлении север-северо-восток—юг-юго-запад. Плиты были углублены до 20 см в грунт и немного наклонены в стороны, кроме плиты у северной стенки, стоявшей вертикально. Продольные стенки ящика были выложены из двух пар плит, поперечные — из одной.

Скелет взрослого человека был сдвинут к восточной стенке ящика и лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юг-юго-запад, завалившись на грудь. Обе руки были вытянуты в сторону бедренных костей. Кости правой руки были сдвинуты со своего первоначального положения.

Перед черепом прослеживались следы деревянного тлена. Ребра крупного рогатого скота находились перед погребением, а две мелкие кости овцы лежали в юго-западном углу.

В погребении обнаружен следующий инвентарь.

В юго-западном углу ящика обнаружена неорнаментированная курильница на цельной крестовидной основе с отделением внутри. Высота курильницы 10 см, диаметр — 16 см (рис. 2, 19—21). В 25 см к северо-востоку от курильницы лежало бронзовое четырехгранное шило. Длина шила 7,3 см (рис. 2, 16). Рядом с шилом обнаружен небольшой каменный отщеп, окрашенный охрой.

Под ребрами жертвенной пищи лежал бронзовый черешковый нож. Длина ножа 14,5 см (рис. 2, 15).

Погребение 9, основное, представляло собой катакомбу, выдолбленную в скальном пласте. Входная яма имела неправильные округлые очертания и уступчатое неровное дно, которое понижалось к входу в камеру, сделанному в юго-восточной стороне. В камеру вела ступенька высотой 0,5 м, частично срезанная грабительской ямой. В погребении обнаружены

только череп взрослого человека, придонная часть лещного сосуда, небольшие фрагменты лепной керамики, квадратные скобки из бронзовой проволоки и в заполнении грабительской ямы — каменный молот (рис. 2, 17).

Основное погребение 9 было ограблено до впуска в насыпь каменных ящиков 7 и 8, которые его перекрывали. Точно датировать это погребение трудно, так как найденный в нем каменный молот имеет достаточно аналогий в культурах ранней и средней бронзы на широкой территории¹.

Погребения 1, 4, 7 и 8 по обряду и инвентарю можно полностью сопоставить с V группой погребений предкавказской катакомбной культуры, выделенных В. А. Сафроновым на материалах Калмыкии², и датировать их серединой II тысячелетия до н. э.

Большой интерес представляет многочисленный и разнообразный инвентарь погребения 7. Особенно примечательна находка каменной булавы с деревянной рукоятью, увенчанной орнаментированной костяной обоймой и бронзовыми обкладками, что несомненно свидетельствует о высоком социальном положении умершего. В погребениях бронзового века степного Предкавказья очень редко встречаются костяные футляры и бронзовые иглы³, а также золотые украшения. Височная подвеска полностью аналогична бронзовым в 1,5 оборота, широко распространенным на Кавказе. Весь комплекс вещей в погребении 7 делает его уникальным и выделяет из многочисленной серии погребений предкавказской катакомбной культуры.

Выше отмечалось, что каменные ящики 7 и 8 были впущены в насыпь одновременно. Поэтому безусловный интерес представляют найденные в них разнотипные ножи.

Погребения предкавказской катакомбной культуры в каменных ящиках впервые обнаружены в степном Предкавказье. До сих пор они не были известны в других районах, входящих в круг катакомбных культур. Тем не менее погребальный обряд и инвентарь (и в первую очередь керамика) каменных ящиков полностью соответствует погребенным в катакомбах степной зоны Северного Кавказа. Даже положение умершего, сдвинутого к одной из стенок ящика, характерно для захоронений в катакомбах. Скальная порода, подстилающая маломощный почвенный слой в районе с. Грушевское, вероятно, представляла большие трудности для создателей катакомбных конструкций. В этом можно убедиться на примере погребения 4, в котором мы видим имитацию катакомбы с отсутствующим сводом.

Погребения в каменных ящиках не представляют собой какой-либо группы предкавказского населения. Их появление здесь вызвано исключительно местными геоморфологическими условиями этого района, побудившими степные племена прибегнуть к столь необычным для них погребальным сооружениям, но хорошо известным у северокавказских племен Пятигорья⁴ — района, наиболее близкого к нашему.

Таким образом, каменные ящики у с. Грушевское могут рассматриваться как эквивалент катакомбам. Этот вывод, однако, ни в коем случае нельзя абсолютизировать и распространять на все те районы Северного Кавказа, где встречаются погребения в каменных ящиках эпохи средней бронзы.

¹ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, рис. 34, 27; Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 1, с. 57, рис. 29, 2; Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 23, с. 29, рис. 4, 2.

² Сафронов В. А. Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзо-

вого века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974, вып. VII (сообщения).

³ Синицын И. В. Отчет за 1966 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 4223.

⁴ Гумилевский Н. С. Отчет за 1952 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1495; Ргвеладзе Э. В. Отчет за 1965 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3230; Марковин В. И. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.— КСИА, 1971, вып. 127.

КУРГАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НОГАЙСКОЙ СТЕПИ

В 1981 г. Прикумским отрядом Института археологии АН СССР в северо-восточном Ставрополье были исследованы два кургана в зоне строительства Кумской оросительной системы, расположенные недалеко от д. Бияш Левокумского района Ставропольского края. Исследованные курганы, скорее всего, представляют собой остатки более или менее значительной группы, насыпи курганов которой были разрушены строителями при планировке местности. Они располагались в 190 м друг от друга по линии восток—запад.

Курган 1 имел в высоту 1,8 м от окружающей поверхности; его диаметр по линиям север—юг и восток—запад составлял 40 м. Поверхность кургана задернована и видимых повреждений не имела. Профиль центральной бровки кургана показал следующую стратиграфию. Под пахотным слоем толщиной 0,3 м шел мощный (до 1,5 м) слой глины, ниже него — бурозем с известковыми включениями мощностью до 1 м. Ниже бурозема отмечена небольшая линза желтого суглинка мощностью до 0,5 м; между суглинком и погребенной почвой — тонкий (до 0,25 м) слой суглинка с глинистыми включениями. Погребенная почва имела толщину от 0,3 до 0,5 м. Прослойки светло-бурого суглинка тяготели к периферии насыпи. По краям ее эти прослойки перекрывались плотным гумусированным суглинком, что было отмечено как на северной, так и на южной оконечностях профиля.

Курган 2 имел в высоту от уровня окружающей поверхности 2,06 м, диаметр по линии север—юг — 40 м, по линии восток—запад — 44 м. Северная и южная полы его были подрезаны бульдозером. Поверхность с южной стороны изрыта неглубокими ямами и задернована. На поверхности кургана и вокруг него были встречены обломки керамики и костей. На вершине кургана — бетонный репер от тригонометрического знака, нарушивший насыпь на глубину 0,8 м. Стратиграфия кургана, отчетливо прослеженная в средней части центральной бровки, представляется в следующем виде: пахотный слой до 0,3 м, ниже — светло-бурый суглинок мощностью до 1,5 м, затем — бурозем с известковыми включениями (от 0,5 до 1,3 м) и слой погребенной почвы до 0,5 м толщины. На расстоянии 6 м к северу и югу от центра кургана отмечены мощные слои глины, проложенные от нижней части слоя пахоты до погребенной почвы. Вероятно, это остатки своеобразной глиняной крепицы. К северу от глинистого включения — слой светло-бурого суглинка мощностью до 1,5 м, на крайней периферии насыпи, как и на кургане 1, — плотный гумусированный суглинок, который можно интерпретировать как многолетний смыв со склонов насыпи.

Наряду с несколькими впускными погребениями раннего железного века и средневековья, в курганах были исследованы три погребения эпохи бронзы, представляющие значительный интерес: два — в кургане 2 и одно — в кургане 1.

Центральное погребение 13 в кургане 1 находилось в подпрямоугольной яме размером 1,33×0,88 м и глубиной 0,38 м от уровня древнего горизонта, ориентированной длинной осью в направлении север—юг. Заполнение ямы по плотности и цвету практически не отличалось от погребенной почвы, поэтому погребение при вскрытии кургана было слегка задето скрепером. Погребенный был положен скорченно на левом боку по длинной оси могильной ямы, головой на север. Костяк сильно скорчен, колени подтянуты к животу, пятки — к тазовым костям. Руки согнуты перед грудью, кисти находятся перед лицом и согнуты в кистевом суставе. Весь костяк ровно окрашен красной краской, вероятно охрой.

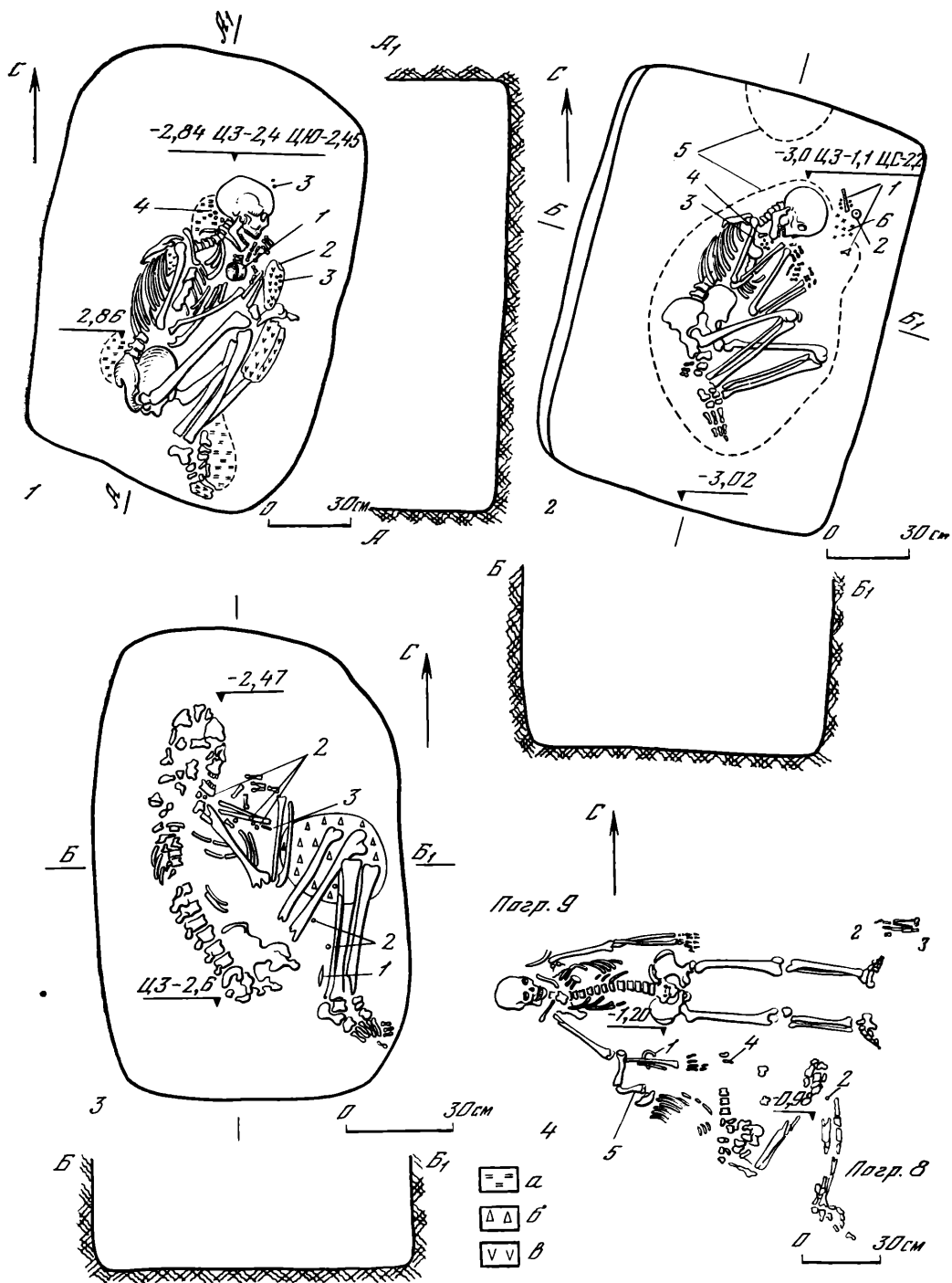

Рис. 1. Погребения из курганов 1 и 2. Планы и разрезы

курган 2: 1 — погребение 4, 2 — погребение 5; курган 1: 3 — погребение 13, 4 — погребения 8 и 9; а — пятна охры; б — уголь; в — древесный тлен

Следы краски отмечены и на дне могильной ямы. Инвентарь немногочислен: несколько бисерин голубого и белого цвета и две бронзовые бусины-пронизки плохой сохранности около головы погребенного, около правой стопы — четырехгранное бронзовое шило. Сохранность костей не позволяет провести половозрастные определения (рис. 1, 3; рис. 2, 1, 2).

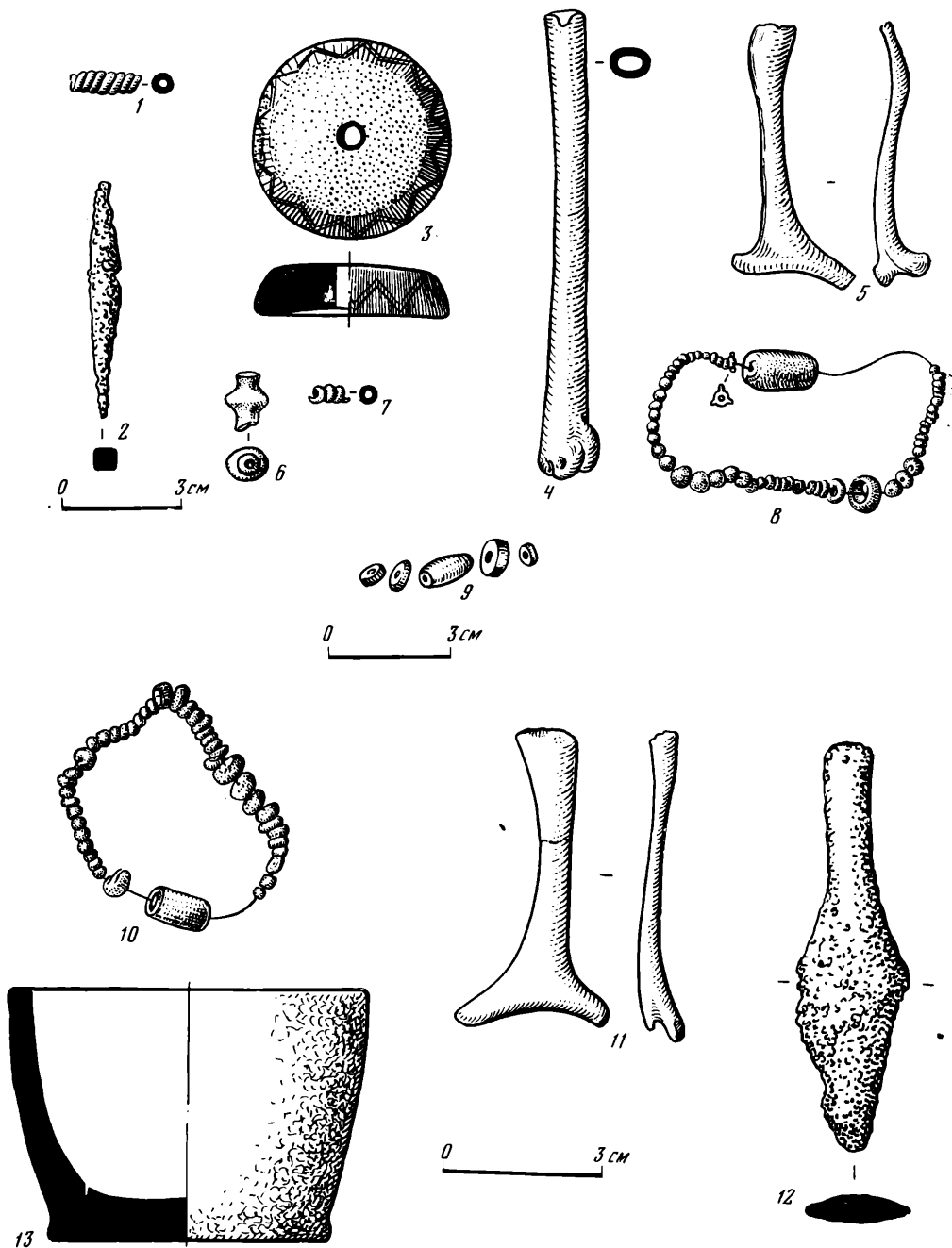

Рис. 2. Вещи из курганов 1 и 2

1, 2 — погребение 13, курган 1; 3—9 — погребение 5, курган 2; 10—13 — погребение 4, курган 2

Близки к описанному погребения 4 и 5 в кургане 2. Оба они могут считаться центральными, в пользу чего говорят их взаимное расположение, идентичность погребального обряда и отсутствие над ними нарушений в курганной насыпи. Оба погребения совершены в одинаковых неглубоких прямоугольных ямах размерами соответственно $1,55 \times 1,1$ и $1,6 \times 1,23$ м и глубиной от древнего горизонта 0,5 и 0,64 м. Обе ямы ориентированы длинной осью по линии север—юг с небольшим отклонением к востоку. Костяки в обеих ямах сильно скорчены, ориентированы головой на север. Положение их полностью совпадает друг с другом и с положени-

ем костяка в центральном погребении кургана 1. Оба костяка равномерно окрашены красной краской, следы которой прослеживаются и на дне ямы (рис. 1, 1, 2).

Вещевой инвентарь указанных погребений также весьма небогат. В погребении 4 у кистей рук найдены: миниатюрный глиняный баночный сосуд-чашка, который, возможно, был первоначально в его руке, небольшой бронзовый черешковый нож с подтреугольным лезвием и одна птичья кость. В месте находок этих предметов отмечено небольшое скопление мелких углей (рис. 2, 10—13). В погребении 5: в головах погребенного и около шеи обнаружены голубоватый стеклянный (пастовый) бисер, несколько гешировых плоских цилиндрических и боченкообразных сердоликовых бусин и одна биконическая бусина специфической формы из серебра или биллона. За черепом обнаружено костяное плоское пряслице с орнаментом по боковой поверхности, у кистей рук — две птичьих кости, из которых одна (трубчатая) носит следы подработки поверхности и одного края. На костях ног отмечены остатки древесного тлена, вероятно следы просевшего легкого деревянного перекрытия ямы (рис. 1, 2; рис. 2, 3—9). По-видимому, погребение женское.

Все три описанных погребения следует отнести, вероятно, к срубной культуре. Об этом говорят форма могильных ям, поза и ориентация погребенных, наличие типично срубного баночного сосуда в погребении 4 кургана 2. Однако не все черты погребального обряда и инвентаря можно назвать характерными для срубной культуры. Ни для одного из этапов ее нетипична полная засыпка костяков охрой, отмеченная в рассмотренных погребениях. В различных районах ареала срубной культуры встречается лишь частичное окрашивание костяков, главным образом стоп и головы, но полное — практически неизвестно. Однако оно вполне типично для катакомбной культуры, в том числе и для предкавказского ее варианта, распространенного, в частности, в степях северного Ставрополя и Калмыкии¹. Бронзовый нож из погребения 4 кургана 2, хотя и имеет достаточно распространенную в развитой бронзе форму, более всего тяготеет к ножам предкавказской катакомбной культуры². В катакомбных погребениях известны и бусы тех типов, которые встречены в погребении 5 кургана 2 (особенно типична одна трехбугорчатая), а также бронзовые спиралевидные бусы-пронизки из погребения 13 кургана 1³. Биллоновая подвеска из погребения 5 кургана 2 находит аналогию в материалах I Лолинского могильника. В катакомбном погребении кургана 7 — такая же по форме, но бронзовая подвеска несколько меньших размеров⁴.

Все это наводит на мысль, что рассмотренные погребения нельзя считать чисто срубными. В их облике несомненно прослеживается и определенное влияние предкавказской катакомбной культуры.

К сожалению, полных аналогий погребениям эпохи бронзы из курганов у с. Бияш в материалах раскопок на сопредельных территориях, в Калмыкии, на севере Ставрополя найти не удалось. Определенную близость ими по взаимному расположению, форме и ориентации могильных ям и отчасти положению костяков составляют основные погребения кургана 8 I Лолинского могильника в Калмыкии. Однако погребения в этих могилах оказались почти безынвентарными (только в погребении 3 найдены три цилиндрические пастовые бусины), а костяки — неокрашенными⁵.

Следует все же отметить, что И. В. Сяницыным и У. Э. Эрдниевым в исследованных в Калмыкии курганах эпохи бронзы имеется достаточно большая группа погребений, как правило впускных и безынвентарных, которые, вопреки мнению авторов, можно считать срубными. В I Лолинском могильнике это погребения 2, 3 и 4 кургана 1, погребения 1, 2 и 3 кургана 5, погребения 1, 2 и 3 кургана 8, погребение 2 кургана 9, погребение 1 кургана 10, погребения 1 и 2 кургана 11, погребение 1 кургана 16⁶. В Архаринском могильнике к таким погребениям следует отнести погребение 3 кургана 2, погребение 2 кургана 8, погребение 1 кургана 11, погребение 1 кургана 13⁷, во II Лолинском могильнике — погребение

ние 1, 2 и 4 кургана 8⁸. С погребениями предкавказской катакомбной культуры они имеют лишь те общие черты, которые вообще присущи в целом огромному большинству погребений бронзового века степей Евразии.

Специфические же их черты, такие, как ориентировка погребенных в пределах северо-восточного сектора, положение рук перед лицом погребенных и некоторые другие, следует, скорее всего, считать срубными. Не лишне отметить при этом, что в катакомбных погребениях второго этапа (по И. В. Сеницыну и У. Э. Эрдниеву) встречаются керамические формы несомненно срубного происхождения, как, например, сосуды в погребении 4 кургана 18 Архаринского могильника⁹ и в погребениях 1, 2 и 3 кургана 13 Элистинского могильника¹⁰.

В курганах, исследованных в 1977—1979 гг. Арзгирским отрядом Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в Арзгирском районе Ставропольского края, также можно выделить немногочисленную группу погребений, являющихся, вероятно, срубными. В основном это впускные погребения в неглубоких ямах или просто в насыпях, главным образом восточной и северо-восточной ориентации, со скорченными на левом боку костяками, безынварные или с очень бедным и невыразительным инвентарем. Среди них, в свою очередь, хотелось бы обратить особое внимание на немногочисленные погребения северной или северо-северо-восточной ориентаций (иногда с противоположной — юго-юго-западной), со скорченными костяками, лежащими в точно такой же позе, как и в основных погребениях у с. Бияш. Они в основном безынварные или имеют бедный инвентарь, частично совпадающий с описанным выше. В группе Чограй I это погребения 3, 6, 10 кургана 5, погребение 3 кургана 6, погребение 6 кургана 12. В группе Чограй II — погребение 1 кургана 6, погребение 2 кургана 8, погребение 2 кургана 9, погребение 5 кургана 14. В группе Чограй V — погребение 2 кургана 1. Следует отметить, что в большинстве костяки в этих погребениях или не окрашены совсем или окрашены частично¹¹. Определенный интерес представляют и собственно катакомбные погребения в этом же районе, но с костяками, лежащими в сильно скорченной, «срубной» позе и с ориентировкой на север или северо-восток. Таково, например, безынварное парное погребение 12 в кургане 5 группы Чограй III¹² и погребение 14 в отдельном кургане¹³ с неокрашенным костяком и с бусами того же типа, что и в погребении 5 кургана 2 у с. Бияш.

Приведенные данные позволяют предположить, что на каком-то этапе бронзового века, вероятно в середине II тысячелетия до н. э., отдельные немногочисленные группы племен срубной культуры, скорее всего конца бережновского этапа¹⁴, продвинулись с территории Нижнего Поволжья на юг, достигнув северного Ставрополя. Это продвижение вряд ли было массовым, о чем свидетельствуют немногочисленные, но регулярные находки погребений срубной культуры как в Калмыкии и на севере Ставрополя, так и Прикубанье¹⁵. Срубники застали на вновь осваиваемых территориях население предкавказской катакомбной культуры. Этот тезис всегда являлся несомненным, однако отнюдь не ясен вопрос, как сложились взаимоотношения между пришельцами и аборигенами. С одной стороны, приведенные выше материалы свидетельствуют как будто бы о наличии контактов между ними, притом контактов мирных. Действительно, трудно себе представить, что при враждебных контактах возможно было взаимопроникновение черт погребального обряда, во все времена являвшегося одним из главных культурных признаков любого этноса. С другой стороны, внимательное рассмотрение стратиграфии курганов Калмыкии и северного Ставрополя показывает, что все погребения срубного облика являются впускными в катакомбные или более ранние курганы. Ни одно из срубных погребений не было нарушено катакомбным. Отсюда следует, что срубные погребения являются более поздними по отношению ко всем другим погребениям бронзового века рассматриваемого региона и в лучшем случае могут считаться синхронными с последними из катакомбных.

В подтверждение этой мысли хочется привести еще один факт: в раскопанном авторами кургане 1, где центральное погребение 13 мы трактовали как срубное, но имеющее черты катакомбного влияния, имеется впускное погребение 8, полуразрушенное впускным сарматским погребением 9. По сохранившимся остаткам его можно считать чисто срубным. Об этом говорит сильно скорченный, неокрашенный костяк, неглубокое залегание его в насыпи, северная ориентация, положение на левом боку (рис. 1, 4). Таким образом, собственно срубное погребение в этом кургане оказывается более поздним по отношению к срубному с катакомбными чертами. Вместе с приведенными выше данными это еще раз говорит о том, что либо срубники, несмотря на свою очевидную многочисленность, сумели вытеснить катакомбников с рассматриваемой территории, либо к моменту прихода срубников катакомбное население на данной территории было уже весьма немногочисленным.

Последнее предположение, как кажется, выглядит более правдоподобно, если исходить из имеющегося археологического материала. Если предположить, что немногочисленные срубники были ассимилированы более многочисленным катакомбным населением, то остается непонятным, почему срубные погребения на рассматриваемой территории оказываются стратиграфически самыми поздними из всех погребений бронзового века и почему еще менее многочисленными являются погребения с чертами взаимного влияния срубной и катакомбной культур. Столь же маловероятно выглядит предположение о вытеснении срубниками катакомбников, если учесть ту немногочисленность срубных погребений, которая зафиксирована на территории Калмыкии и северного Ставрополя и которая отражает в какой-то степени плотность пришедшего населения.

¹ Симицын И. В., Эрднеев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР.— Тр. КалмНИИЯЛИ, Респ. краевед. музей, Элиста, 1966, вып. 2, с. 11.

² Корневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур.— СА, 1978, № 2.

³ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 80, 81, рис. 32; с. 121, рис. 44.

⁴ Симицын И. В., Эрднеев У. Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г.— Тр. КалмНИИЯЛИ, Респ. краевед. музей, Элиста, 1963, вып. 1, с. 44, рис. 14, 3.

⁵ Там же, с. 45, рис. 15.

⁶ Там же, вып. 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 158, табл. 26, 2.

¹⁰ Симицын И. В., Эрднеев У. Э. Элистинский могильник (по раскопкам 1964 г.). Элиста, 1971, с. 82, 83.

¹¹ Коренько В. А. Отчет о раскопках Арзгирского отряда Ставропольской АЭ в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7223; Коренько В. А. Отчет о раскопках Арзгирского отряда Ставропольской АЭ в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7468.

¹² Коренько В. А. Отчет..., 1977.

¹³ Коренько В. А. Отчет..., 1978.

¹⁴ Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.

¹⁵ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье..., с. 133.

ХРОНИКА

Ю. А. КРАСНОВ

РАБОТА СЕКТОРА НОВОСТРОЕЧНЫХ И ХОЗДОГОВОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР В 1978—1981 ГГ.

Основными задачами сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций Института археологии АН СССР в 1978—1981 гг. являлись организация и проведение мероприятий, обеспечивающих сохранность археологических памятников в зонах проектируемых и ведущихся строительных работ (археологическая служба на новостройках), связанная с этим камеральная обработка полученных материалов, составление научной отчетности, подготовка материалов полевых исследований к публикации. Эти работы осуществлялись на хоздоговорных началах по заявкам министерств, ведомств, проектных, строительных и других организаций в соответствии с действующим законодательством об охране и использовании памятников истории и культуры и согласно координационному плану важнейших исторических исследований Академии наук СССР.

Работа сектора велась в двух основных направлениях: 1) разработка отраслевых разделов проектов народнохозяйственного строительства, посвященных обеспечению сохранности археологических памятников; 2) проведение стационарных исследований археологических памятников в зонах ведущегося строительства. Важнейшей формой работы сектора являлись полевые экспедиционные исследования. В 1978—1979 гг. сектором было организовано 15 экспедиций и самостоятельных отрядов, в 1980—1981 гг. — 12. Из них 9 экспедиций представляют собой крупные, постоянно действующие, работающие на значительной территории несколькими отрядами по нескольким хоздоговорным темам одновременно. В работах экспедиций сектора принимали участие сотрудники различных подразделений Института, а также работники ряда других научных учреждений.

В 1978—1981 гг. экспедиции сектора приняли участие в разработке проектов 28 народнохозяйственных объектов в 29 областях и краях, провели стационарные исследования в зонах 40 объектов ведущегося строительства в 15 областях и краях. Кроме того, по заданиям органов охраны памятников велись исследования на ряде археологических объектов, разрушающихся природной средой и сельскохозяйственными работами. За указанный период в различных районах страны исследовано около 400 курганов с более чем 3000 погребений различных эпох, 13 грунтовых могильников с 1035 погребениями, полностью или частично раскопано 85 древних и средневековых поселений. Разведочными работами открыто и нанесено на археологические карты более 2200 памятников. Тем самым существенно увеличен источниковедческий фонд археологической науки, многие сотни памятников спасены от разрушения.

Наиболее крупные исследования проводились в степных районах Российской Федерации.

Ставропольская экспедиция несколькими отрядами вела раскопки курганов на территории Ставропольского края. *Аргирский отряд* (начальник В. А. Кореняко, затем — М. В. Андреева) завершил исследования в зоне строительства Аргирской оросительной системы в Аргирском районе и провел разведки в зоне проектирования Родниковской оросительной системы в том же районе. *Александровский отряд* (начальник М. А. Романовская, затем — В. Л. Державин) закончил исследования на землях орошения 3-го участка Большого Ставропольского канала и начал исследования в зоне обводнительно-оросительной системы на базе 4-го участка того же канала. Небольшие работы проведены *Прикумским отрядом* (начальник А. В. Куйбышев) в зоне строительства Кумской оросительной системы в Нефтекумском районе, *Аргирским отрядом* — на землях орошения в районе г. Светлограда, *Георгиевским отрядом* (начальник М. В. Андреева) — в зоне строительства автодороги в Георгиевском районе. За четыре года этими отрядами экспедиции исследовано в общей сложности 159 курганов с 883 погребениями, главным образом ямной, северокавказской и катакомбной культур, эпохи поздней бронзы и раннего железа. *Малокарачаевским отрядом* под руководством В. Б. Ковалевской в зоне строительства Эшкаконского водохранилища в окрестностях Кисловодска завершены исследования поселения и могильника позднего этапа кобанской культуры в урочище Улубаганалы.

Северо-Кавказская экспедиция (начальник И. С. Каменецкий, с 1981 г. — А. Н. Гей) несколькими отрядами вела широкие археологические исследования на новостройках Ростовской области, Краснодарского края и некоторых предгорных районов Кавказа. В Ростовской области завершены многолетние раскопки курганов в зонах строительства Багаевско-Садковской оросительной системы, Волго-Донской АЭС и некоторых других объектов. Кроме курганов, изучались средневековый Крымский могильник, многослойное Самсоновское поселение, имевшее напластования от позднего неолита до эпохи бронзы. В Краснодарском крае проведены разведки, связанные с проектированием Марьяно-Чебургольской и Понуро-Калининской оросительных систем, а также по заданию краевого Совета ВООПИК — с целью выявления и определения степени сохранности археологических памятников в ряде районов края. Стационарные исследования проводились в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы (многочисленные курганы и меотский грунтовый могильник Лебеди III), а также на Пашковском городище⁶. Ценные результаты получены разведочными работами в зонах разработки схемы размещения ГЭС и ГАЭС в верховьях Кубани и проектирования Курского водохранилища на р. Курп, притоке Терека. В 1980 г. один из отрядов экспедиции начал систематические исследования уникального могильника «Мощева балка» в Ставропольском крае, где за два года изучено более 200 погребений. В 1978—1981 гг. экспедиция провела раскопки в общей сложности 78 курганов с 939 погребениями, 4 грунтовых могильников с 539 погребениями и 2 поселений. Разведочными работами выявлено несколько сотен новых памятников.

Поволжская экспедиция (начальник Г. А. Федоров-Давыдов) продолжала многолетние охранные раскопки Селитренного городища в Астраханской области и завершила исследования курганов в зоне строительства Астрахано-Калмыцкой оросительной системы. За четыре года здесь раскопано 70 курганов с 230 погребениями ямной, катакомбной и срубной культур, а также сарматского времени. Большой и выразительной серией представлены средневековые кочевнические погребения.

Волго-Уральская экспедиция (начальник Л. Л. Галкин) в 1978—1979 и 1981 гг. вела исследования на различных объектах в Саратовской области РСФСР, Гурьевской области Казахской ССР и на полуострове Мангышлак. В центре внимания работ экспедиции были поселения и курганы срубной культуры, а также средневековые поселения и городища.

Работами Ставропольской, Северо-Кавказской, Поволжской и Волго-Уральской экспедиций получен богатейший новый материал, позволяю-

щий существеннейшим образом дополнить и в ряде моментов пересмотреть существующие выводы о древней и средневековой истории степей юга нашей страны. Этот материал требует скорейшей публикации.

Работы *Анапской экспедиции* (начальник Е. М. Алексеева) были связаны, во-первых, с созданием в г. Анапе Краснодарского края музея-заповедника под открытым небом «Горгиппия», во-вторых — с различными строительными работами в г. Анапе и Анапском районе. В г. Анапе завершены раскопки кварталов античного города на площади около 5000 кв. м в зоне первой очереди музея-заповедника «Горгиппия», начаты исследования в зоне второй очереди. С 1980 г. в составе экспедиции работает реставрационный отряд, который под руководством специалистов Объединения «Росреставрация» разрабатывает методику и ведет консервационные и реставрационные работы, связанные с музеефикацией археологических объектов. Значительные по масштабам и результативные исследования городских кварталов и некрополя античного времени проведены в зонах строительных работ. При археологических наблюдениях за прокладкой траншеи городских коммуникаций на ул. Набережной получен почти полный стратиграфический профиль культурных слоев древней Горгиппии. Раскопками в Анапе не только получен огромный и интересный вещевой материал, но и установлена в общих чертах топография древней Горгиппии, намечены этапы ее роста и развития в различные периоды, получены ценные выводы об этническом составе и занятиях населения этого античного города. Продолжалось изучение хоры Горгиппии: исследовались сельские поселения и усадьбы у станицы Анапской, у пос. Джемете, некрополь VI—V вв. до н. э. в районе строительства промзоны г. Анапы и некоторые другие объекты. Близ станицы Гостагаевской исследован интересный средневековый могильник с погребениями в каменных ящиках. Начаты раскопки кургана Султан-гора, частичное исследование которого, к сожалению плохо документированное, производилось в конце XIX в.

Большие исследования античного города Фанагория и его некрополей провела *Таманско-Фанагорийская экспедиция* (начальник В. С. Долгуров) в зоне строительства очистных сооружений винсовхоза «Фанагорийский». Культурный слой города мощностью от 2 до 5,5 м, датированный от V в. до н. э. до II—III вв. н. э., изучался на площади более 1500 кв. м. Исследованы остатки многочисленных жилых, хозяйственных, производственных и общественных зданий, части древних улиц, водоотводных сооружений и других объектов. Более 200 погребений городских жителей раскопано на обширных некрополях за пределами древнего города. Среди многочисленного вещевого материала — терракоты и формы для их изготовления, надписи, монеты и т. п. Столь обширный материал получен на Фанагорийском городище впервые.

В связи с разработкой проекта 1-й очереди Таманской оросительной системы *Разведочным отрядом* под руководством Я. М. Паромова проведены рекогносцировочные работы в Темрюкском районе Краснодарского края. Начаты весьма интересные исследования по сплошному археологическому обследованию Таманского полуострова, связанные с выявлением памятников и установлением границ их охранных зон (О. Н. Усачева, Я. М. Паромов). Эта перспективная работа, конечной целью которой является составление аннотированной археологической карты Тамани, имеет и большое практическое значение для дела охраны памятников.

Таманская экспедиция (начальник Ю. М. Десятчиков) вела раскопки крупного античного поселения в зоне строительства детского санатория в пос. Кучугуры и поселения античного времени и раннего средневековья в зоне строительства животноводческого комплекса в совхозе «Запорожский» в Темрюкском районе Краснодарского края. *Ахтанизовским отрядом* экспедиции (начальник Н. П. Сорокина) завершены исследования комплекса построек II—III вв. н. э., имевших отношение к известному «Таманскому толосу». Большую научно-культурную ценность представляют изученные здесь остатки настенной многоцветной росписи. Тем же

отрядом у пос. Сенной раскопан поврежденный курган с богатыми погребениями эллинистического времени.

В зоне строительства Курского водохранилища в 1978—1981 гг. работала *Курская экспедиция* (начальник Э. А. Сымонович, затем — А. И. Пузикова). Здесь проведены разведки, выявившие около сотни памятников и позволившие получить интересные выводы об особенностях размещения поселений в различные периоды древности и средневековья. Стационарные исследования большого масштаба проводились на Переверзевском I городище скифского времени, четырех поселений раннего средневековья, давших важные материалы о соотношении черняховской культуры с раннеславянской типа Колочин, а также на нескольких памятниках (городище, селища, курганы) роменской культуры.

Белгородско-Деснинская (с 1980 г. — *Деснинская*) экспедиция под руководством А. С. Смирнова вела стационарные раскопки в зонах строительства Белгородского водохранилища и ряда объектов мелиорации в Брянской области. На левом берегу р. Сев. Донец полностью исследовано поселение Шоссейное, имевшее слои эпохи неолита, бронзы и раннего средневековья (культура Корчак). Большие материалы получены при раскопках нескольких поселений палеолита, мезолита и неолита в бассейне Десны. Экспедицией проведены также весьма результативные разведочные работы в связи с разработкой схемы мелиоративного строительства в Брянской области до 1990 г. и составлением технического проекта Владимирского водохранилища на р. Десне. Разведочные работы сопровождалось небольшими рекогносцировочными раскопками ряда памятников, главным образом неолита и бронзы.

Основной задачей *Волго-Окской новостроечной экспедиции* (начальник А. Е. Леонтьев) было исследование археологических памятников в зонах мелиоративного строительства в Нечерноземье Российской Федерации. Разведочные работы, сопровождаемые рекогносцировочными раскопками, проводились в зонах разработки схемы хозяйственного освоения Мещерской низины, проектирования объектов мелиорации в Ростовском районе Ярославской области, схемы водообеспечения Москвы за счет внешних источников (в работе по последней теме принимали участие также сотрудники Деснинской экспедиции). Стационарные исследования памятников неолита и бронзы, раннего железа и средневековья проводились на объектах мелиорации в Ростовском районе Ярославской области, в зоне строительства Костромского животноводческого комплекса, а также в зоне строительства Калининской АЭС, в г. Калинин и в зоне расширения карьера огнеупорных глиен Москворецкого карьероуправления в Ногинском районе Московской области. В связи с паспортизацией памятников проведены разведки и раскопки в Костромской области.

Небольшие стационарные и разведочные работы на стройках Нечерноземья проводили также в 1978 г. *Окско-Донская экспедиция* под руководством Р. Ф. Ворониной (разведки и рекогносцировочные раскопки в зоне проектирования водохозяйственной системы Ока—Дон), в 1978—1979 гг. — *Верхне-Донская экспедиция* под руководством В. И. Матвеевой (раскопки поселения XIII—XIV вв. у с. Каменное в Липецкой области), в 1980—1981 гг. — *Балтийская экспедиция* под руководством В. И. Кулакова (разведки и раскопки в зонах мелиоративных и других строительных работ на территории Калининградской области).

Для участия в разработке технико-экономического обоснования переброски части стока северных рек и озер в бассейн Волги и части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию в 1978—1979 гг. (были организованы *Северная* (начальник С. В. Ошибкина) и *Сибирско-Среднеазиатская* (начальник В. А. Могильников) экспедиции. В разработке последней темы приняла участие также Хорезмская экспедиция Института этнографии АН СССР. Северная экспедиция провела разведочные работы в бассейнах озер Воже, Лача, Кубенское, а также в верхнем и среднем течении р. Сухоны. Разведки сопровождалось небольшими раскопками мезолитических и неолитических памятников, которые, несмотря на ог-

раниченные масштабы, оказались весьма результативными. Сибирско-Среднеазиатская экспедиция провела маршрутную разведку в зоне главного канала переброски на протяжении более 2500 км и рекогносцировочные раскопки курганов и поселений на севере Курганской и в Кустанайской областях. Разведочными работами Северной и Сибирско-Среднеазиатской экспедиций в зонах проектируемого строительства выявлено несколько сотен памятников различных эпох.

В зонах мелиоративного строительства на территории Горно-Алтайской АО и Омской области в 1980—1981 гг. провела разведочные и стационарные исследования *Алтайская экспедиция* под руководством В. А. Могильникова. В Горно-Алтайской АО исследовались главным образом памятники раннего железного века и средневековья, в Омской области — саргатской культуры.

На территории Средней Азии работали две экспедиции. *Маргианская экспедиция* (начальник В. И. Сариниди) в 1978 г. исследовала ряд интереснейших энеолитических памятников в зоне строительства газопровода Шатлык—Хива в Туркменской ССР. *Ляйлякская экспедиция* под руководством Г. А. Брыкиной в 1981 г. в связи с разработкой проектов Ляйлякского водохранилища и Ходжа-Бакырганской оросительной системы провела разведочные работы в Ошской области Киргизской ССР, которые сопровождались раскопками некоторых памятников раннего средневековья.

Основной формой введения в научный оборот огромных материалов исследований новостроечных экспедиций по-прежнему остаются научные отчеты о раскопках. В 1978—1981 гг. сотрудники экспедиций сектора подготовили такие отчеты общим объемом более 220 авторских листов. Исследования археологических памятников в зонах новостроек нашли отражение также в монографии Ю. А. Краснова «Безводнинский могильник» (М., 1980), подготовленной по материалам работ Чебоксарской экспедиции, сборнике статей «Горгиппия» (Краснодар, Краснодарское книжное изд., 1980), нескольких десятках статей, опубликованных в различных периодических изданиях. Подготовлены и сданы в печать сборники статей, посвященные исследованиям Северо-Кавказской и Анапской экспедиций, готовятся к печати материалы исследований Ставропольской экспедиции и публикация раскопок Чебоксарской экспедиции на Ивановском могильнике в Чувашской АССР. Все большее значение в работах сектора приобретает подготовка документации к разделам проектов различных народнохозяйственных объектов, посвященных обеспечению сохранности археологических памятников, которая представляется в соответствующие проектные организации.

В 1978—1981 гг. сектор продолжал оказывать конкретную помощь в организации археологической службы на новостройках ряду проблемных лабораторий университетов и педвузов, а также музеям и другим научным учреждениям Российской Федерации, осуществляя тем самым определенные координационные функции. В задачи сектора входила также помощь в организации хозяйственных исследований других подразделений Института.

Сотрудниками сектора активно разрабатываются вопросы методики и организации полевых и камеральных археологических работ, постоянно повышается научно-методический уровень ведения стационарных и разведочных исследований в специфических условиях новостроек. По объему исследований экспедиции сектора прочно занимают ведущее место среди других научных учреждений Российской Федерации, осуществляющих археологическую службу на новостройках.

О РАБОТЕ СЕКТОРА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1981—1982 ГГ.

За истекшие два года сотрудниками сектора неолита и бронзы проделана большая работа по изучению истории первобытного общества и проблемы этногенеза древнейших народов, занимавших некогда необъятные просторы лесов и степей Советского Союза. Основное внимание в работе сектора было уделено подготовке к изданию многотомной истории народов СССР от появления на его территории первых человеческих обществ до развитого феодализма. Сбором материала, написанием и редактированием томов и больших разделов для «Археологии СССР» занимались Л. В. Кольцов (том «Мезолит СССР»), В. И. Марковин и В. И. Саррианиди (том «Бронзовый век Средней Азии и Кавказа»), Н. Я. Мерперт и В. П. Шилов (том «Бронзовый век Евразийских степей СССР»), М. Ф. Косарев и Д. А. Крайнов (том «Бронзовый век лесной полосы СССР»). Кроме того, на заседании сектора был рассмотрен вопрос о подготовке к изданию тома «Неолит лесной полосы СССР».

Над отдельными разделами и главами для «Археологии СССР» работали и завершили их написание Н. О. Бадер, В. В. Бжания, Ю. С. Гришин, Е. Е. Кузьмина, Г. Н. Матюшин, С. В. Ошибкина, В. Ф. Старков и Б. Г. Тихонов. Следует, однако, указать, что работа над **завершенными** разделами продолжается, так как постоянно появляются в процессе полевых исследований и новых теоретических разработок, авторам приходится вносить коррективы в завершенные главы.

В течение двух лет сектором проведено 62 заседания, где было заслушано 96 докладов, сообщений и рассмотрены многие организационные вопросы. Особое внимание сектор уделил рецензированию многолетних плановых тем, выполненных сотрудниками сектора, обсуждению представленных докторских и кандидатских диссертаций, а также результатам полевых исследований многих археологических экспедиций. Сотрудниками сектора написаны интересные монографии.

В работе А. А. Формозова «Страницы истории русской археологии» рассмотрены вопросы истории изучения археологических памятников в России и возникновения и развития музейного дела. Автор показал, как зарождался интерес к памятникам древней культуры и отношение к этим вопросам царского правительства и различных слоев русской интеллигенции.

Вопросам археологии Сибири, Казахстана и Средней Азии посвящены три **завершенных** монографии. Первая — «Среднее Приоболье в эпоху развитой и поздней бронзы» принадлежит перу Т. М. Потемкиной, которая вводит в научный оборот новые материалы из бассейна р. Тобол, полученные в результате многолетних работ автора, и рисует широкую картину исторического развития и судеб первобытных племен этой территории.

Вторая монография Е. Е. Кузьминой «Средняя Азия и Иран в эпоху поздней бронзы и раннего железа (Проблема этнических и культурных связей)» в **завершенном** виде содержит разделы, связанные с памятниками андроновской общности эпохи бронзы, рассмотрены проблемы становления и взаимоотношений ее основных конкретных групп, исторические судьбы, материальная культура и идеология создавшего их древнего населения. Проблемы раннего железного века изучены лучше (написано более 20 монографий и статей) и в работе Е. Е. Кузьминой не рассматриваются.

Новая монография завершена М. А. Дэвлет. В ней автор рассматривает вопросы истории изучения наскальных рисунков, их датировку и семантику. Работа М. А. Дэвлет «Петроглифы Енисея» рекомендована

сектором к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Работу над основной частью «Свода археологических источников» «Памятники фатьяновской культуры» (вып. IV) выполнила О. С. Гадзяцкая.

За истекшие два года сотрудниками сектора опубликовано десять монографий по различным вопросам археологической науки. Так, монография Ю. С. Гришина «Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья» (М., 1981) содержит исследование археологических материалов лесостепного Забайкалья, на основе которого выделены локальные особенности памятников отдельных районов, рассмотрены вопросы хронологии и последовательности исторических этапов, производственно-хозяйственной деятельности населения Забайкальской лесостепи в первобытную эпоху и направление культурных связей с окружающими территориями.

Две монографии, посвященные изучению наскальных изображений Верхнего Енисея, изданы М. А. Дэвлет. «Петроглифы Мугур-Саргола» (М., 1981) и «Петроглифы на кочевой тропе» (М., 1982) вводят в научный оборот результаты многолетних работ автора в зоне строительства Саянской гидростанции, в них дана разработка хронологии, семантики и культурной принадлежности наскальных рисунков.

Книга М. Ф. Косарева «Бронзовый век Западной Сибири» (М., 1981) содержит обобщение и систематизацию всего доступного археологического материала по этой проблеме, его хронологическое и культурно-историческое осмысление, рассмотрены факторы, оказавшие решающее влияние на переход от неолита к бронзовому веку и от бронзового века к железному. Во главу угла поставлены общие вопросы культурного, экономического, социального и духовного развития племен древнейших культурно-исторических общностей, таких, как самусьская, еловская, сузгунская и ряда других.

В монографии Г. Н. Матюшина «Энеолит Южного Урала» (М., 1982) суммированы результаты работ по исследованию энеолитических памятников Южного Урала, обосновано выделение местных культур энеолитической эпохи, рассмотрены вопросы их хронологии и периодизации, хозяйственной деятельности и исторических судеб местного населения.

Книга М. П. Зиминной «Неолит бассейна р. Мсты» (М., 1981) представляет собой публикацию материалов из более чем 60 неолитических памятников бассейна р. Мсты, который до последнего времени был слабо изучен. Публикация во многом расширяет источники по неолитической эпохе северо-запада Восточно-Европейской равнины и проливает свет на ряд проблем истории древнейших культур этого региона.

Зарубежной тематике посвящены три монографии сотрудников сектора. Книга «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (М., 1981), написанная Н. Я. Мерпертом и Р. М. Мунчаевым, содержит публикацию и исследование полученных Советской экспедицией в Ираке материалов хассунской и халафской культур. В монографии В. В. Волкова «Оленные камни Монголии» (Улан-Батор, 1981) дан обзор 450 новых памятников этой категории, открытых на территории МНР, их типология, хронология и семантика.

Вторая монография В. В. Волкова «Улангомский могильник», написанная в соавторстве с С. Н. Кореневским, Н. Н. Мамоновой и Э. А. Новгородовой, вышла в свет в 1982 г. в ФРГ. Она посвящена публикации материалов памятника скифского времени в Монголии, исследованного Советско-Монгольской историко-культурной экспедицией. В результате анализа удалось убедительно выявить своеобразие древней культуры северо-западных районов Монгольской Народной Республики.

Если работа В. В. Волкова в определенной мере может быть связана с проблематикой работы сектора, то монографическое исследование В. Ф. Старкова, выполненное совместно с М. И. Беловым и О. В. Овсянниковым, «Мангазея. Материальная культура русских полярных морехо-

дов и землепроходцев XVI—XVII вв.» выходит за ее пределы. Полевые исследования авторов позволили им рассмотреть вопросы сложения русского города XVII в. на основе поморского поселка второй половины XVI в. В работе представлены предметы ремесла, промыслов и быта первых русских поселенцев, дан подробный обзор архитектуры.

Опубликованы и другие работы. Г. Н. Матюшин опубликовал учебное пособие для педагогических институтов «Историческое краеведение» (М., 1981) и научно-популярную книгу «У истоков человечества» (М., 1982).

Сверх годовых планов сотрудниками сектора в различных изданиях как Советского Союза, так и за рубежом опубликовано более 150 научных и научно-популярных статей, заметок и тезисов. Популяризация археологических знаний выразилась также в чтении сотрудниками сектора лекций в период экспедиционных работ, в выступлениях по радио и телевидению.

Кроме упомянутой выше докторской диссертации М. А. Дэвлет, сектором рекомендованы к защите докторская диссертация Л. П. Хлобыстина и семь кандидатских диссертаций.

Большое внимание члены сектора уделили работам в разных археологических экспедициях в качестве начальников или ведущих сотрудников. Полевые исследования проводились как на бюджетные средства Института археологии, так и на договорные и новостроечные. Так, Причерноморская экспедиция под руководством В. В. Бжания продолжала раскопки поселения Кистрик и обследовала ряд памятников в Абхазии; экспедиции под руководством В. И. Марковина и Х. А. Амирханова исследовали памятники эпохи неолита и бронзы в Дагестане и Ставропольском крае; Волго-Донская экспедиция В. П. Шилова провела широкие раскопки памятников бронзового века в Калмыкии.

В Туркмении В. И. Сарияниди проводил раскопки на поселении Гонур-депе, а в Казахстане Волго-Уральская экспедиция Л. Л. Галкина исследовала срубные поселения.

На Южном Урале экспедиция под руководством Г. Н. Матюшина продолжила раскопки стоянки Мулино. Ее работы были связаны с Всесоюзным совещанием по четвертичной геологии в г. Уфе, на котором Н. Я. Мерперт руководил секцией древнего человека, а Г. Н. Матюшин и Ю. А. Смирнов выступили с докладами.

В Западной Сибири под руководством М. Ф. Косарева велись разведочные работы, а отряд по изучению петроглифов М. А. Дэвлет продолжал в Сайанском каньоне Енисея фиксацию этого интереснейшего вида памятников первобытного искусства.

В Воронежской области возобновились работы под руководством Б. Г. Тихонова по исследованию памятников эпохи бронзы. В работах экспедиции приняли участие сотрудники ВГУ и Воронежского краеведческого музея. Раскопкам были подвергнуты курганы у с. Караяшник Ольховатского района, в которых обнаружены погребения от катакомбного до сарматского времени. Небольшие раскопочные работы у с. Юдиново и разведки у пос. Супонево палеолитических памятников проведены Брянским отрядом под руководством В. Я. Сергина.

Двумя экспедициями руководила С. В. Ошибкина. Вятская проводила исследование стоянок эпохи бронзы на Средней Вятке и открыла ряд новых памятников, а Северная продолжала раскопки мезолитической стоянки Нижнее Веретье, давшие уникальный деревянный и костяной инвентарь. Экспедиция Е. К. Черныш на Украине и в Молдавии продолжила исследование трипольских поселений.

Свои многолетние работы продолжала и Верхневолжская экспедиция Д. А. Крайнова. Под руководством Л. В. Кольцова велось исследование мезолитических стоянок, Д. А. Крайнов продолжил работы на многослойном Ивановском III поселении с материалами от мезолита до поздней сетчатой керамики. Впервые на поселении четко выделен волосовский комплекс. Среди находок есть уникальные вещи: деревянная фигурка

животного, берестяной гуес и костяные изделия. На стоянке Сахтыш II Д. А. Крайнов определил нижние культурные горизонты с ранневолосянской, ямочно-гребенчатой и верхневолжской керамикой. В Горьковской области М. Г. Жилин провел разведки и раскопки ряда первобытных стоянок.

Северо-западная экспедиция под руководством М. П. Зиминной продолжала исследование неолитических и энеолитических поселений и могильников, давших большое количество разнообразных янтарных украшений.

Продолжали работы зарубежные экспедиции. Так, Шпицбергенская экспедиция под руководством В. Ф. Старкова исследовала памятники русских поморов. Раскопками вскрыто несколько домов, крестов, позволивших восстановить жизнь и бытовую обстановку средневековых поморов, волею случая оказывающихся на Груманте.

Советско-Венгерская экспедиция под руководством В. С. Титова и при участии Т. М. Потемкиной продолжала раскопки памятника Херпай III, культурные слои которого включают находки от позднего неолита до раннего и среднего бронзового века. Кроме того, Н. Я. Мерперт и В. С. Титов в составе Советско-Болгарской экспедиции участвовали в работах на телле Плоската могила у с. Юнаците, где вскрыт уникальный каменный дом раннего бронзового века, защищенный валом, палисадом и рвом 5,5 м ширины и 2 м глубиной.

Поддерживая связи с зарубежными археологами, сотрудники сектора посетили ряд стран, где знакомились с исследованиями иностранных ученых, местными хранилищами археологических коллекций и памятниками древней культуры. Л. В. Кольцов посетил Алжир, Е. Е. Кузьмина — Шри-Ланка, В. И. Сарияниди — Афганистан и В. С. Титов — Грецию.

На различных конференциях и симпозиумах за рубежом выступали ряд сотрудников сектора. На совещании в Венгрии В. Ф. Старков сделал доклад «Советская археологическая экспедиция на Шпицбергене в 1980 г.», повторив его в г. Турку в Финляндии. Он же в г. Хельсинки прочел доклад «Археологические памятники Горбуновского торфяника на Среднем Урале». Н. Я. Мерперт участвовал в работе конференции в г. Софии (Болгария), в советско-американском симпозиуме по древнейшей истории Ближнего Востока в Соединенных Штатах Америки. Н. О. Бадер на конференции в г. Багдаде (Ирак) прочитал доклад о раннеземледельческих племенах, основанный на результатах работ Советской экспедиции в Ираке.

В Югославии на XII международном симпозиуме по проблемам энеолита и ранней бронзы Средней и Восточной Европы участвовал с докладом В. В. Бжания, в Улан-Баторе на IV международном конгрессе монголоведов — М. А. Дэвлет и в г. Созополь (Болгария) на международном симпозиуме «Фракия-Понтика II» — В. И. Марковин.

Большое количество совещаний с участием сотрудников сектора прошло в Советском Союзе. Кроме упомянутой конференции в г. Уфе, на Отчетном пленуме Института археологии в г. Тбилиси были прочитаны доклады М. А. Дэвлет, М. П. Зиминной, В. И. Марковиным, Н. Я. Мерпертом, С. В. Ошибкиной и Т. М. Потемкиной, а в ежегодных чтениях памяти Е. И. Крупнова участвовали Х. А. Амирханов и В. И. Марковин.

В Томске состоялась конференция «Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири», где М. Ф. Косарев прочитал три доклада и М. А. Дэвлет — один. Она же участвовала в работе конференции «Контакты и взаимодействия древних культур» в Ленинграде. Там же на Советско-финском симпозиуме выступил Д. А. Крайнов. Он и Л. В. Кольцов в Ярославле на Конференции археологов и музейных работников Верхнего и Среднего Поволжья прочли три доклада по истории населения Поволжья в первобытную

эпоху и о построении музейной экспозиции. Л. В. Кольцов провел семинар для учителей истории в Кимрском районе.

В Москве на конференции музея восточных культур сделали доклады В. В. Волков, Е. Е. Кузьмина и В. И. Марковин. Е. Е. Кузьмина прочитала доклад на VIII Всесоюзной конференции ВДИ.

В конференции на тему «Начало производящей экономики в Центральной Азии», проведенной ЮНЕСКО в Душанбе, приняли участие Е. Е. Кузьмина и Н. Я. Мерперт.

В конференции «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа (Ереван)» участвовали Н. Я. Мерперт, Д. А. Крайнов и Х. А. Амирханов, последний рассказал об исследовании неолитического Чохского поселения. Он же принял участие в советско-французском полевым семинаре по программе «Альпы — Кавказ».

В работе другого советско-французского симпозиума в Душанбе участвовали Е. Е. Кузьмина и Г. Н. Матюшин, а на советско-венгерском совещании по проблемам урало-алтаистики в Новосибирске с совместным докладом выступили М. Ф. Косарев и Т. М. Потемкина.

В Куйбышеве состоялась 2-я конференция по проблеме срубной культуры, в которой приняли участие Л. Л. Галкин, Е. Е. Кузьмина, Т. М. Потемкина и Б. Г. Тихонов.

Большую работу по организации и проведению XI международного конгресса ИНКВА в Москве проделали Н. О. Бадер, В. Я. Сергин и Ю. А. Смирнов. Участие в нем принял и Г. Н. Матюшин.

Значительная работа проделана сотрудниками по рецензированию и оппонированию монографий и диссертаций. Всего отрецензировано 65 сборников, монографий и диссертаций, более 300 полевых отчетов для ОПИ и статей для СА, КС и других изданий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический сборник, I
ВДИ — Вестник древней истории
ВКБНИИ — Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГИН АН СССР — Геологический институт Академии наук СССР
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
Калм. — Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИИЯЛИ
КБ АССР — Кабардино-Балкарская АССР
КВИИФЭ — Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
ПИН АН СССР — Палеонтологический институт Академии наук СССР
СА — Советская археология
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
УЗ — Ученые записки
УКАЭ — Урало-Казахстанская экспедиция
LZAV — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. Rīga
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>В. И. Марковин.</i> Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения	3
<i>С. Н. Крениевский.</i> О металле Былымского клада	9
<i>Р. С. Багаутдинов.</i> Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкинской культур Поволжья	17
<i>С. В. Ошибкина.</i> О находках сейменского времени в Восточном Прионежье	23
<i>Г. Б. Зданович.</i> К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве	29
<i>Ю. С. Гришин.</i> О дворцовой культуре в Восточном Забайкалье	37

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Д. А. Крайнов.</i> Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I	41
<i>Е. Л. Костылева.</i> Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II	47
<i>А. В. Уткин.</i> Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII	52
<i>О. С. Гадзяцкая.</i> Стоянки на р. Лух	56
<i>М. П. Зимица.</i> Могильник на стоянке «Репище»	63
<i>А. Е. Кравцов, А. Н. Сорокин.</i> Зооморфная скульптурка со стоянки Григорово I	71
<i>Ю. А. Морозов, Б. Г. Тихонов.</i> Неолитические памятники в низовье р. Белая	75
<i>В. Ф. Зайберг, О. И. Мартынюк.</i> Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай	81
<i>В. Л. Державин.</i> Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье	90
<i>А. В. Куйбышев, П. Ю. Черноусов.</i> Курганные погребения эпохи бронзы в Ногайской степи	96

ХРОНИКА

<i>Ю. А. Краснов.</i> Работа сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1978—1981 гг.	102
<i>Б. Г. Тихонов.</i> О работе сектора неолита и бронзы в 1981—1982 гг.	107
Список сокращений	112